

МВД России
Санкт-Петербургский университет

Н. В. Лантух

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ**

Монография

Санкт-Петербург
2023

УДК 343.101

ББК 67.73

Л22

Лантух Н. В.

Л22 Уголовное преследование в системе уголовно-процессуальных институтов: монография / Н. В. Лантух. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. — 160 с.

ISBN 978-5-91837-780-2

EDN:DWNNMR

Монография посвящена теоретическим и практическим проблемам института уголовного преследования и его взаимосвязи с иными уголовно-процессуальными институтами. В рамках заявленной проблематики обосновываются пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Предназначена для научных работников, профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и курсантов.

УДК 343.101

ББК 67.73

Рецензенты:

Рудов Д. Н., кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина);

Гарусов А. В., кандидат юридических наук
(4 отдел СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области)

ISBN 978-5-91837-780-2

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О МЕСТЕ И ЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	7
§ 1. Феномен общеправового понятия «иск» и его соотношение с уголовным преследованием и обвинением	7
§ 2. Реализация уголовно-процессуальных принципов при осуществлении уголовного преследования	19
§ 3. Субъекты уголовного преследования и вопрос об их процессуальной независимости.....	47
§4. Институты доказательственного права в уголовном преследовании	59
ГЛАВА 2. ДЕЙСТВИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА, СВЯЗАННЫХ С УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ	74
§ 1. Институты обвинения и подозрения в уголовно-процессуальном праве и процессуальный статус лиц, подвергаемых уголовному преследованию	74
§ 2. Институт привлечения в качестве обвиняемого и обвинительное заключение как итоговый обвинительный документ уголовного преследования	93
§ 3. Соотношение понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования»	108
§ 4. Понятие и сущность иммунитетов от уголовного преследования	121
§ 5. Уголовное преследование лиц, совершивших преступления, по поручению иностранного государства и институт экстрадиции	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления понятия «уголовное преследование» в отечественном современном уголовном судопроизводстве. Данное понятие не является новым для российского уголовного судопроизводства и впервые было использовано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Российской Империи (в дальнейшем сокращенно — УУС.). В дальнейшем оно употреблялось в нормативно-правовых актах советского государства, однако с принятием УПК РСФСР 1960 г. было отвергнуто законодателем. Возрождение научного и практического интереса к данному понятию не случайно.

В свое время А. Ф. Кони писал: «Уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу»¹. Эти строки, написанные столетие назад, и в настоящее время точно отражают значение уголовного преследования, заключающееся в том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В этой связи нельзя не согласиться с мнением И. В. Смольковой, полагающей, что «необходимость пересмотра отношения

¹ Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т. / А. Ф. Кони. — М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 171.

к обеспечению прав и законных интересов личности в современных условиях побуждает к переосмыслению требования о неотвратимости уголовной ответственности, непосредственно связанного с принципом публичности»¹.

Особую актуальность понятие «уголовное преследование» приобретает в связи с провозглашением российского уголовного судопроизводства состязательным. Уголовное преследование рассматривается законодателем как функция, противоположная функции защиты, а также как процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Все это приводит к неоднозначному восприятию правоприменителем данного понятия и с теоретических, и с практических позиций.

Все вышеизложенное требует глубокого, всестороннего историко-правового анализа с целью разработки нового подхода к оценке правовой природы и значения уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве и, как следствие, формулирования предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок возбуждения, осуществления и прекращения уголовного преследования.

Как известно, в науке уголовно-процессуального права интерес к проблемам, связанным с уголовным преследованием, существует давно: по теме написано значительное количество монографий, учебных пособий, научных статей.

В юридической литературе дореволюционного периода понятие «уголовное преследование» анализировалось такими авторитетными учеными-процессуалистами, как С. И. Викторский, А. Квачевский, Н. В. Муравьев, В. К. Случевский, С. В. Познышев, И. Я. Фойницкий и другими.

В советский период различные аспекты уголовного преследования исследовались С. А. Альпертом, В. Г. Даевым, Б. А. Денежкиным, Н. В. Жогиным, В. С. Зеленецким, Л. М. Карнеевой, А. М. Ла-

¹ Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И. В. Смолькова. — М.: Луч, 1999. — 336 с.

риним, А. Р. Михайленко, Я. О. Мотовиловкером, М. С. Пангой, Н. Н. Полянским, Р. Д. Рахуновым, М. С. Строговичем, М. А. Чельцовым, П. С. Элькинд и рядом других ученых.

На современном этапе институт уголовного преследования разрабатывается в трудах Ф. Н. Багаутдинова, Л. М. Володиной, Л. В. Головки, З. Д. Ениеева, О. Д. Жука, З. З. Зинатуллина, Н. Н. Ковтуна, Ю. В. Козубенко, Г. Н. Королева, Е. Г. Мартынчика, А. П. Рыжакова, А. Б. Соловьева, Е. В. Шишкиной и другими учеными.

Высоко оценивая труды указанных авторов, следует признать, что ряд проблем, связанных с выявлением исторических закономерностей возникновения, становления и развития понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве, с определением его правовой природы в современном уголовном судопроизводстве, с формально-логическим анализом законодательного определения уголовного преследования, и многие другие вопросы остаются до настоящего времени либо неисследованными, либо недостаточно исследованными.

ГЛАВА 1

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О МЕСТЕ И ЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

§ 1. Феномен общеправового понятия «иск» и его соотношение с уголовным преследованием и обвинением

Необходимость сравнительного анализа основных, ключевых институтов различных видов судопроизводства, связана с пониманием их юридической природы, их принципиальными характеристиками. В частности, такими доминирующими институтами выступают иск в гражданском процессе и уголовное преследование, а также обвинение — в уголовном процессе.

В теории российского дореволюционного и зарубежного уголовного процесса устоявшимся тезисом выступала общность юридической природы иска и обвинения. Единство процессуального права в достаточной степени обуславливается общностью с известными существенными различиями принципов, положенных в основу как гражданского, так и уголовного судопроизводства, системы доказательств, порядка движения дела, многих процессуальных институтов и отдельных процедур. Это единство двух видов процесса, основано, прежде всего, на общности (но не тождественности) юридической природы иска и обвинения.

По мнению некоторых процессуалистов, спорной является сама возможность подведения обвинения перед судом под определенное процессуальное понятие — понятие иска. Анализируя лишь отличия обвинения от иска, они не рассматривают обвинение перед судом и иск как виды одного общего родового понятия. Таким общим поня-

тием выступает *иск в широком правовом значении*, который подразумевает любое обращенное к суду требование защиты нарушенного или оспариваемого права и (или) охраняемого законом интереса.

Такие значимые блага или ценности, как честь и достоинство, жизнь и здоровье, личная свобода и имущество могут выступать объектом посягательства в виде гражданского деликта, административного правонарушения или преступления, и требуют, соответственно, судебной защиты от любого из этих посягательств. Следовательно, иск является универсальным правовым «инструментом», запускающим механизм судебной защиты на случай любого возможного вида нарушений; средством, обязывающее суд рассмотреть спорное правоотношение и вынести соответствующее решение. Универсальность данного родового понятия позволяет рассматривать его как средство, одинаково пригодное для установления причинно-следственной связи между любым видом правонарушения и необходимости реагирования на него посредством деятельности суда как органа осуществления правосудия.

И. Я. Фойницкий отмечал, что «обвинение есть тот же иск, но не частный и материальный, как иск гражданский, а публичный и индивидуальный, сообразно особым свойствам, уголовного дела. Отсюда признаки сходства и различия между обвинением и гражданским иском. По процессуальной их природе оба института представляются требованиями, обращаемыми к лицу судебной власти и создающими для последней обязанность производства дела в судебном порядке; причем иск гражданский содержанием своих требований имеет интересы гражданские и направляется к суду гражданскому, иск уголовный содержанием своих требований имеет интересы карательные и направляется к суду уголовному»¹.

Любая научная классификация строится на сочетании общих родовых признаков и видовых отличий. В классифицируемых явлениях имеются общие родовые признаки, однако эти явления не становятся тождественными. На основании видовых отличий и осуществляется классификация явлений одного рода на более узкую, видовую. В системе видов исков сочетаются общие родовые признаки,

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Ч. 2. — СПб., 1996. С. 4.

присущие всем искам, и видовые, специфические отличия. Последние и позволяют отграничить один вид иска от другого. Что же касается иска в родовом его значении или иска в широком смысле слова, то он относится к публичной сфере права, в нем конкретизируется и реализуется в процессуальной форме субъективное общерегулятивное право на судебную защиту. А. Ф. Клейнман полагал, что характер иска определяется характером права, средством судебной защиты которого он является.

Сравнительный анализ уголовного обвинения перед судом и иском в гражданском процессе, правомерен, поскольку он представляет собой сопоставление однородных явлений. Оба этих процессуальных института являются импульсом к возникновению и движущей силой соответственно уголовного и гражданского процесса.

Различные авторы отмечают, что «обвинение — обязательный момент правосудия по уголовным делам, без которого не могут возникать функции защиты и правосудия. Правосудие осуществляется только в отношении лиц, которым выдвинуто обвинение. Обвинение по праву называют «движущей силой уголовного процесса», «пружинной, действие которой обуславливает развитие процесса, движение уголовного дела по ступеням», «двигателем уголовного процесса». Все это правильные определения, они верно отражают специфику обвинения как одного из важнейших элементов уголовно-процессуальной деятельности. Однако не все придерживаются позиции, согласно которой можно рассматривать обвинение и уголовное преследование уголовным иском¹.

«Локомотивом» уголовного процесса в стадии судебного разбирательства является обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, (обвинительных акте или постановлении) либо изложенное в жалобе потерпевшего (по делам частного обвинения) и представленное обвинителем в суд. Выдвинутое обвинение, явля-

¹ Михайлов А. А. Правовая природа и сущность обвинения в уголовном процессе. 11. России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 11 (62). Серия Гуманитарные науки (Юриспруденция). С. 89–91.

яющееся результатом осуществления уголовного преследования, выступает той основой, от которой выстраиваются позиции всех его участников. Проверка правильности обвинения требует вызова и привлечения для разбирательства обвиняемого, свидетелей, экспертов, специалистов, проведения различных следственных действий судебного характера, принятия окончательного решения, отвечающего на основной вопрос — о наличии или отсутствии основания для реализации уголовной ответственности.

Как следствие, судебное разбирательство уголовного дела необходимо тогда, когда оно призвано установить обоснованность предъявленного подсудимому обвинения. В противном случае не возникает и вопроса об уголовной ответственности.

Таким образом, обвинение обладает тем качеством, которым обладает иск в процессе гражданском. Такое совпадающее назначение обвинения и иска и одинаковое в сущности место, занимаемое ими среди других процессуальных институтов, вполне оправдывает, более того, делает необходимым их сравнение, если мы хотим установить важнейшие точки соприкосновения гражданского и уголовного судопроизводства.

В общеправовом контексте можно выделить следующие основные признаки понятия иска:

1) иск есть обращение к суду с требованием осуществить правосудие, т. е. рассмотреть конкретное дело и вынести по нему решение;

2) такое требование, если оно соответствует установленным в процессуальном законе условиям, обязательно для суда и является основанием для возбуждения судебного процесса;

3) суд рассматривает требование и разрешает дело путем признания наличия или отсутствия спорного материального правоотношения либо принуждения субъекта посягательства к исполнению лежащих на нем обязанностей;

4) обращенное к суду требование направлено в защиту субъективного права либо охраняемых законом интересов истца¹.

¹ Павлушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития: монография. — М.: Юрлитинформ, 2009. С. 146.

При анализе первого признака иска применительно к сфере уголовного судопроизводства следует заключить, что функцию иска при обращении в суд выполняет в уголовном процессе обвинительное заключение (обвинительный акт) или заявление потерпевшего. Подобно тому как в исковом заявлении должны быть указаны требования истца (предмет иска) и обстоятельства, на которых истец основывает свое требование (основание иска), в обвинительном заключении тоже содержится требование обвинителя о наказании лица, виновного в совершении преступления, и приводятся обстоятельства, из которых в соответствии с гипотезой уголовно-правовой нормы складывается состав преступления. Здесь проявляется тесная связь институтов уголовного и уголовно-процессуального права.

Второй признак иска, указывающий на обязательность рассмотрения и разрешения основного вопроса по иску судом также целиком подходит к обвинению, как было указано выше. При этом предъявление уголовного иска — это не любое заявление о совершении преступления, а сделанное в установленной уголовно-процессуальной форме.

Вопрос о моменте, с которого уголовный иск считается предъявленным в суд, имеет два варианта (частно-исковой и публично-исковой). По делам частного обвинения иск считается предъявленным с момента поступления в суд заявления потерпевшего, содержащего указание на совершение конкретным лицом преступления, и отвечающего всем требованиям закона. По делам частного-публичного и публичного обвинения иск считается предъявленным с момента утверждения прокурором обвинительного заключения, акта или постановления и направления его вместе с делом в суд; Принятие судьей уголовного дела с «официальным обвинением» и назначение судебного заседания при отсутствии для этого процессуальных препятствий выступает основанием для судебного разбирательства при наличии повода в виде уголовного публичного иска.

Третье свойство иска указывает на наличие нем материально-правового требования одной стороны к другой, без которого иск невозможен. По общему правилу какое бы содержание материально-

правовое требование не имело, оно всегда означает, что в конкретном случае имеется предположительное или реальное нарушение, или оспаривание субъективных прав истца, что материальное правоотношение между истцом и ответчиком стало спорным.

В том случае, когда для гражданского иска спор о праве является категорией обязательной, возникает вопрос, можно ли сделать подобный вывод об основании возникновения уголовного иска.

Юридическим фактом, с которым связывают уголовно-правовое отношение между государством и лицом, нарушившим запрет уголовного закона, является совершение преступления. С этого момента у государства появляется право на наказание виновного, а у другого участника правоотношения (пока еще точно не установленного, лишь предполагаемого или даже вообще неизвестного) — обязанность подчиниться государству, понести тяготы и лишения, вытекающие из наказания. Уголовно-правовое отношение существует объективно, поскольку реален сам факт совершения преступления. Однако его установление возможно лишь посредством исследования обстоятельств происшедшего события, которое осуществляется в досудебном производстве органами публичного преследования, а в перспективе — судом. «По мере доказывания обстоятельств дела все яснее, рельефнее становится уголовно-правовое отношение, все отчетливее выступают его элементы. Наконец, приговором суда либо подтверждает существование данного уголовно-правового отношения и на виновного возлагается обязанность понести наказание, либо констатируется, что уголовно-правового отношения не было и обвиняемый подлежит оправданию¹.

Необходимость установления уголовно-правовых отношений специальным органом государства, т. е. судом, использующим для этого процедуру судебного разбирательства, объясняется очень серьезными социальными последствиями, которые наступают вслед за признанием уголовно-правового отношения существующим. Обвинительный приговор констатирует наличие общественно-опасного дея-

¹ Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. — М.: Юрайт, 2009. С. 181.

ния и, следовательно, объявляет лицо, его совершившее, общественно-опасным, т. е. преступником.

Сложность выяснения вопроса о виновности лица и установления меры уголовной ответственности ее обусловлена неочевидностью, спорностью уголовно-правового отношения. Спорность материального правоотношения проявляется и в той ситуации, когда в качестве участника фигурирует лицо, в действительности непричастное к преступлению. Иначе говоря, во всех случаях появления обвиняемого спор приобретает процессуальный характер. Участники уголовно-процессуальных отношений, складывающихся вначале в досудебном производстве, а затем в суде, приводят доказательства, отстаивают свои выводы, стремятся доказать неправильность выводов другой стороны. Кстати сказать, именно по этой причине состязательное построение судебного разбирательства классически связывают с необходимостью создать процессуальные возможности для справедливого разрешения спора, возникший между государством и привлеченным к уголовной ответственности лицом.

В случае же признания обвиняемым своей вины, явки его с повинной тезис о спорном характере уголовно-правовых отношений остается актуальным, поскольку спорность уголовно-правовых отношений не зависит «от поведения лица, действительно или предположительно совершившего преступление». Спор о праве выступает не только процессуальной категорией, но является следствием юридического факта, породившего это отношение. Лицо, совершившее преступление, нарушил уголовно-правовой запрет, тем самым он оспорил право государства действовать по своему усмотрению. Следовательно, уже в данный момент можно констатировать наличие спора между государством и лицом, совершившим преступление.

Спорность уголовно-правового отношения выражается в его неопределенности, которая по разным причинам всегда или почти всегда сводится к неизвестности его существования. Познание наличия или отсутствия правоотношения с помощью процессуальных средств доказывания, должно разрешить вопрос, поставленный самим фактом возбуждения уголовного дела. В свою очередь он

выступает как реакция на действительное или предполагаемое совершение преступления, в чем выражается объективно существующая спорность уголовного правоотношения, даже и при отсутствии спора в процессуальном смысле.

Признание вины делает исключает спор о праве с процессуальной точки зрения, но не снимает необходимости достоверно выяснить, насколько это признание соответствует реальным событиям. В такой ситуации случае спор продолжается, в противном случае правоотношение остается недостаточно определенным.

Четвертый признак иска — требование истца, направленное в защиту нарушенного или оспариваемого субъективного права либо охраняемых законом интересов, составляющее материальное содержание иска.

Материальная диспозитивность проявляется уголовном судопроизводстве, прежде всего, в делах частного обвинения. В них потерпевший от преступления требует от суда защиты своего, принадлежащего именно ему субъективного права (вред здоровью, честное имя). Частный обвинитель реализует свои права и интересы при совершении определенных процессуальных действий, уголовно-процессуальный закон не обязывает его к их исполнению. По делам публичного обвинения дознаватель, следователь, прокурор действует в соответствии с законом и волеизъявлением потерпевшего. Частное обвинение, следовательно, является индивидуальным средством правовой защиты от определенных видов преступлений. Применение данного средства в виде уголовного иска выступает специфическим правом субъекта, который он использует в полном объеме, в том числе самостоятельно поддерживая обвинение. Предпосылками этому служат небольшая степень общественной опасности и специфический характер преступлений, преследуемых по жалобе потерпевшего, специфический характер преступлений, обуславливающих необходимость учитывать мнение потерпевшего о содеянном и его последствиях, простота фабулы, возможность в таких случаях урегулирования уголовно-правового конфликта.

Заявление потерпевшего об обвинении в отношении конкретного лица	Обращение с иском в суд (возбуждение уголовного преследования)	<i>Судебное уголовное преследование</i> Поддержание уголовного иска в суде частным обвинителем	Рассмотрение и разрешение судом уголовного дела 1) примирение сторон 2) вынесение приговора (Об/Оп)
УГОЛОВНЫЙ ИСК			
Уголовное преследование по делам частного обвинения (частно-исковое производство)			

До определенного исторического этапа все уголовные дела возбуждались непосредственно в суде по заявлению пострадавшей стороны или ее представителя. Однако на современном этапе такое устройство процесса практически представить сложно, поскольку, во-первых, выяснение фактических обстоятельств совершения преступления требует больших временных и ресурсных затрат, которыми не располагают заинтересованные лица. Во-вторых, преступления обладают высокой степенью общественной опасности, что преследование за преступления не должно быть делом одного только потерпевшего, даже если посягательство направлено непосредственно против его личных или имущественных прав¹. По этой причине государство «делегирует» определенные обязанности по обеспечению режима законности, возбуждению производства по уголовному делу, уголовному преследованию, формулированию обвинения и др. независимо от волеизъявления пострадавшего, а в некоторых случаях, при его отсутствии.

Обвинение в виде иска, завершающего досудебное уголовное преследование, прокурор затем поддерживает в суде, осуществляя защиту не личных, но любых иных охраняемых уголовным законом прав и интересов (государства в целом, отдельных его органов, организаций, граждан). Публичный иск преобладает в уголовном процессе. Предъявление уголовного иска не является одномоментным, по-

¹ Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017.

этому «заявление суду притязания к ответчику и деятельность истца в течение процесса по доказыванию правильности своих заявлений должны считаться исковой деятельностью»¹.

Значение уголовного иска следует признать за предъявлением к суду требования, а всю последующую деятельность обвинителя в суде рассматривать как поддержание уголовного иска. Индивидуальность обвинения в действительности относится не к различию в природе обвинения и иска как процессуальных актов, а к неодинаковой природе того права, осуществления которого, например, требуют обвинитель в уголовном процессе и истец в гражданском процессе. Различия между исками в различных видах судопроизводства вытекают из их различия в материально-правовом, а не в процессуальном смысле.

Сообщение о преступлении	Принятие решение о начале производства по уголовному делу органами публично-го преследования	<i>Досудебное уголовное преследование</i> для формирования обвинения	Утверждение обвинительного заключения (постановления, акта) и направление в суд УГОЛОВНЫЙ ИСК	<i>Судебное уголовное преследование</i> Поддержание публичного уголовного иска в суде государственным обвинителем и потерпевшим	Рассмотрение и разрешение судом уголовного дела 1) вынесение приговора (Об/Оп) 2) альтернативные формы разрешения дела
Уголовное преследование по делам публичного обвинения (публично-исковое производство)					

¹ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. — М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. — 403 с.

Анализ признаков, объединяющих различные виды процесса, обусловлены общностью движущей силы того и другого процесса, которая определяется универсальным понятием иска.

В современной науке актуализировались проблемы, связанные с межотраслевой конвергенцией отдельных институтов различных отраслей права. Исследования в данной области перспективны с точки зрения повышения качества практической деятельности и совершенствования законодательной техники при конструировании процессуальных институтов. С этой точки зрения подобная тенденция должна оказать влияние применительно к институту уголовного преследования (как уголовного иска).

Исходя из вышеизложенных положений в уголовно-процессуальном праве институт уголовного преследования занимает исходное положение. В институциональном значении ключевое значение представляет вопрос о структуре самого уголовного преследования, которую можно представить, прежде всего, установленными «институциями», иначе говоря, субъектами правоотношений, реализующих свои права или полномочия, и, собственно, институтами, посредством которых они реализуются.

Уголовное преследование и система образующих его и взаимосвязанных с ним институтов	
<i>Принципы уголовного процесса</i>	
<u>Субъекты уголовного преследования</u>	<u>Объект и предмет, «транзакции» уголовного преследования</u>
1) Субъекты, имеющие в деле должностной (публичный) интерес органы публичного преследования прокурор, <i>следователь/дознатель (?)</i> , органы дознания	1) Доказывание и доказательства в обоснование подозрения и обвинения, виновности/невиновности
2) Субъекты, имеющие в деле личный интерес — потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец	2) Меры уголовно-процессуального принуждения

Уголовное преследование и система образующих его и взаимосвязанных с ним институтов	
3) Субъекты, в отношении которых осуществляется уголовное преследование — подозреваемый, обвиняемый	3) Формы уголовного преследования (подозрение, обвинение)
4) Представительство интересов участников уголовного преследования (законное, договорное)	4) Процессуальные правила (процессуальный порядок) уголовного преследования А) досудебное уголовное преследование – дознание – предварительное следствие Б) судебное уголовное преследование – поддержание обвинения – согласительные /договорные процедуры В) транснациональное уголовное преследование (международно-правовая помощь), выдача (экстрадиция), передача обвиняемого, подсудимого
5) Иммунитеты в уголовном преследовании	5) Процессуальные решения (промежуточные, итоговые), их основания и формы – обязательные – дискреционные
	6) Гражданский иск
	7) Реабилитация

При систематизации и «конструировании» уголовно-процессуальных институтов, вероятно, требуется гораздо более детальное исследование структуры уголовно-процессуальной деятельности в целом, и уголовного преследования как одного из видов и направлений (функции) этой деятельности — целей и задач, средств и способов, этапов, формы и содержания (и их вариативности), результатов (ожидаемых или альтернативных). Как представляется, ключевыми проблемами при разрешении указанных вопросов являются: определение приоритета конкретных принципов уголовного процесса и парадигмы, постановки вопросов доказывания и доказательств при осуществлении уголовного преследования (и, как следствие критериев обоснованности подозрения и обвинения). По-

строение иных институтов в этом случае должна быть определена, исходя из указанных «отправных» позиций.

§ 2. Реализация уголовно-процессуальных принципов при осуществлении уголовного преследования

В повседневной жизни человек, отстаивая в споре свою правоту или позицию, нередко говорит: «это дело принципа». Данная реплика свидетельствует о характере самого человека, его мировоззрении, определенных идеях и отношении к возникшей конкретной ситуации. В правовом пространстве, где сталкиваются различные, подчас противоположные интересы его субъектов, принципиальные положения, которые продиктованы реальной действительностью и претендуют на ключевые нормы, определяющие остальные правовые механизмы, имеют важное значение. По мнению В. Т. Томина, «принцип отечественного уголовного процесса — это органичная для отечественного мировоззрения, его традиций и прогнозируемого будущего идея максимальной для такого исследуемого объекта, как отечественный уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности действующих в отечественном судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и в практике их применения».

В юридической литературе понятие принципа права определяется по-разному. Одни авторы видят в них исходные идеи, лежащие в основе права, пронизывающие всю юридическую форму общественных отношений, несущую конструкцию права, вокруг которой формируются его нормы, институты, отрасли и вся система; основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни. При этом независимо от видов принципов (общих, отраслевых, межотраслевых) их основной характеристикой является принадлежность к основополагающим, руководящим началам, идеям, доминирующим в правовой системе.

Для сферы уголовного судопроизводства значение норм-принципов имеет решающее значение, поскольку здесь цели уголовного процесса и средства их достижения, степень правовых ограничений имеют наиболее выраженный характер.

Правовая конструкция российского уголовного судопроизводства свидетельствует о широком спектре уголовно-процессуальных отношений, которые возникают, изменяются и прекращаются в процессе производства по уголовному делу. Специфика данных правоотношений обуславливает необходимость их систематизации, при которой обеспечивается правовое регулирование определенного вида общественных отношений посредством «издания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта, выражающего содержание и юридическую специфику структурно обособленного подразделения системы права».

Доктрина уголовно-процессуального права рассматривает принципы уголовного процесса как универсальные для правового государства основополагающие идеи о справедливости процедуры судебного разбирательства и всего производства по уголовному делу. М. С. Строгович отмечал, что принципы получают конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах, относящихся к отдельным институтам уголовного процесса и к отдельным его стадиям.

Не углубляясь в дискуссию о системе принципов всего уголовного судопроизводства, следует сосредоточиться на тех нормах-принципах, которые имеют непосредственное влияние на институт уголовного преследования. Как представляется, такими принципами выступают: 1) законность и целесообразность; 2) публичность; 3) состязательность; 4) презумпция невиновности; 5) свобода оценки доказательств.

В процессуальной литературе справедливо отмечается, что современный российский уголовный процесс смешанного типа «функционирует при одновременном (доминирующем или дополнительном) воздействии систем двух противоположных начал. Существование нескольких видов уголовного процесса обуславливает несколько систем уголовно-процессуальных принципов. В силу исторически сложившегося «смешанного» типа российского уголовного процесса уголовное судопроизводство основано на симбиозе принципов состязательного и следственного процессов.

Уголовное преследование и обвинение составляет существенно важную часть уголовного процесса, определяя содержание и направление судебного разбирательства. Его наличие предполагается на всех этапах уголовного процесса, притом и состязательного, и розыскного. Последний, как и первый, предполагает вывод о подозрении или виновности определенного лица, разрешаемый судом. Но в розыскном порядке обвинение отличается от оценки его или суждения лишь логически, смешиваясь с ним по органам. В связи с этим при розыскном порядке обвинение непосредственно переходит в суждение, дело движется без участия сторон, силой самого закона и понятие обвинения синтезируется в понятие наличия поводов, уполномочивающих судью приступить к уголовному разбирательству, независимо от того, предъявлялись ли такие поводы посторонними суду лицами или усматривались самим судом. Уголовное дело начиналось по одному из таких поводов, а дальнейшее движение его определялось всецело судом, формулировавшим подозрение, привлекая к подозреваемому к суду, исследовавшим и квалифицировавшим его виновность и, наконец, определявшим ему наказание. В состязательном процессе обвинение становится самостоятельным процессуальным институтом, получая для себя особые органы, процессуальные формы, и только в этом порядке привлечение к суду от судебной власти постепенно переходит к власти обвинительной.

Розыскной процесс руководствуется прежде всего фундаментальным принципом единства. Его можно считать отраслевым для уголовного судопроизводства данного типа и отчасти даже межотраслевым началом, учитывая, что розыскные элементы, утвердившись в уголовной юстиции, имеют тенденцию проникать и в сферу гражданского судопроизводства. Начало единства предполагает прежде всего нерасчлененность функций уголовного преследования и юстиции, которые слиты в новый "сплав" — процессуальную функцию расследования (розыска). Можно говорить лишь о задачах уголовного преследования, защиты и разрешения дела, сосредоточенных в руках розыскного органа. Однако применение к розыскному процессу понятия функции все же продолжает быть правомерным, так

как здесь предусмотрен институт отводов. Так проявляется единство в инквизиционном и следственном видах розыскного производства.

Законность и дискреционность (целесообразность). Действующая система уголовно-процессуальных принципов основана на началах законности (легальности — при наличии указанных в законе оснований их положения должны быть реализованы). Например, вина обвиняемого в совершении преступления во всех случаях должна быть доказана в предусмотренном законом порядке (ст. 14 УПК РФ).

Принцип законности в рамках производства по уголовному делу устанавливает такие требования к суду, прокурору, следователю, органу дознания, начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания и дознавателю, которые обусловлены запретом применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ, нарушение норм которого влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

В содержание принципа законности включены требования обоснованности и мотивированности решений судьи, прокурора, следователя и дознавателя (в виде совокупности доводов, раскрывающих то, как фактические обстоятельства дела и собранные доказательства взаимодействуют с законом), поскольку они обусловлены его сущностью и основываются на доказательствах, собранных в порядке, установленном законом.

Законным является такое решение, которое постановляется в результате процессуальной деятельности, осуществленной в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуальной формы; основано на правильном применении норм процессуального и материального права к предмету процесса; содержит основанное на законе правильное толкование примененных норм права. Следует вспомнить, что приговор или иное решение суда признается незаконным в связи неправильным применением уголовного закона и существенным нарушением уголовно-процессуального. Для уголовного преследования требование законности совершения процессуальных действий и принятия законных и обоснованных решений является первоосновой, и не только для него, поскольку влечет за собой весь «сце-

нарий», стратегию всей уголовно-процессуальной деятельности и ее результатов. К гарантиям законности относятся процессуальные формы, строгое разграничение функций между участниками процесса, прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования, а также возможность пересмотра судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях.

В истории уголовного судопроизводства известно противопоставление принципов легальности и целесообразности. При этом под законностью подразумевалась обязанность уполномоченных органов возбудить уголовное дело во всех случаях обнаружения признаков преступления, даже если в этом нет практического смысла; под целесообразностью — возможность отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращении в связи с практической нецелесообразностью производства по нему.

В настоящее время высказываются предложения о введении данного принципа. Современное российское законодательство предусматривает возможность отказа от уголовного преследования лица, совершившего преступление по различным основаниям, которые можно объединить под общим названием — ввиду нецелесообразности применения мер уголовной репрессии (ст. ст. 25–28.1 УПК РФ).

Так, например, И. Я. Фойницкий усмотрение в уголовном преследовании понимал, как право обвинительной власти, в каждом отдельном случае, решать находит ли она удобным, уместным и целесообразным вчинить уголовное обвинение или полагает удобнее от него воздержаться. Д. Г. Тальберг под целесообразностью уголовного преследования рассматривал возможность отступления от обязанности публичных обвинителей преследовать преступления «в тех возможных случаях действительной жизни, в которых уголовное преследование не вызывается общественными интересами». В. К. Случевский принцип целесообразности уголовного преследования называл принципом полезности, под которым понимал право прокурора «при разрешении вопроса о преследовании руководствоваться интересами пользы общественной или отдельных лиц и оставлять пре-

ступление без преследования, если потребуют эти интересы, хотя бы и была при этом наличность законных признаков преступления и достаточная сила улик и доказательств для обличения виновного». П. И. Люблинский, понимал под ним «право свободно-целесообразной оценки в применении, по указанным в законе основаниям, предоставленных данному органу полномочий». П. А. Лупинская, под целесообразным применением закона понимает «выбор решения, которое при установленных обстоятельствах будет целесообразным с точки зрения поставленных задач». В европейской юридической литературе данный принцип определяется как власть прокурора решать вопрос о необходимости судебного преследования или об отказе от возбуждения судебного преследования исходя из публичного интереса. При этом под публичным интересом понимается как обеспечение государственной безопасности, мира и порядка, так и интересы жертвы преступления, а также эффективность исправления правонарушителя.

В качестве критериев, по которым может быть принято решение об отказе от уголовного преследования, выступают: принцип равенства перед законом; принцип индивидуализации уголовной ответственности; тяжесть, характер, обстоятельства и последствия преступления; характеристика личности обвиняемого; существо будущего приговора суда; степень воздействия такого приговора на обвиняемого; состояние потерпевшего.

Важно отметить, что дискреционный отказ от уголовного преследования может иметь место только тогда, когда есть все основания для осуществления законного и обоснованного уголовного преследования в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Кроме того, отказ от уголовного преследования по мотивам нецелесообразности его осуществления требует обязательного учета целого комплекса различных обстоятельств и факторов. При принятии такого решения необходимо учитывать и наиболее важные фундаментальные принципы реализации уголовной ответственности, и все обстоятельства дела, и личность обвиняемого, и состояние потерпевше-

го, и возможные перспективы разрешения данного уголовно-правового конфликта тем или иным законным способом.

Следует иметь в виду, что понятия целесообразности и диспозитивности в юридической литературе не рассматриваются как тождественные. Так, А. С. Александров, говоря о диспозитивности в уголовном процессе, приходит к выводу, что диспозитивность подразумевает «свободу обеих сторон действовать целесообразно в своих интересах». Принцип целесообразности — «это предусмотренная законом свобода усмотрения стороны в деле (в том числе обвинителя) предпринимать то или иное процессуальное действие, использовать то или иное процессуальное право, основываясь исключительно на соображениях эффективности, экономии, выгоды для достижения своего процессуального интереса в деле». В сфере уголовного судопроизводства дискреционный характер могут носить только полномочия должностных лиц государства, наделенных публичной властью. Сущность принципа целесообразности осуществления уголовно-процессуальной деятельности состоит в предоставленной законом возможности выбора наилучшей для данного конкретного случая формы осуществления уголовно-процессуальной деятельности и способа разрешения уголовно-правового конфликта и достижения стоящих перед уголовным судопроизводством целей.

Анализируя соотношение данных категорий, следует отметить, что в основе и принципа целесообразности и принципа диспозитивности лежит усмотрение, обусловленное необходимостью принятия оптимального решения. Однако диспозитивность предполагает возможность свободного распоряжения равноправными сторонами своими субъективными правами на основе собственного волеизъявления для защиты индивидуального интереса. Диспозитивность — «принцип, гарантирующий стороне процесса право самостоятельно, по собственному усмотрению организовывать и осуществлять защиту своих интересов, используя не запрещенные законом процессуальные средства и способы защиты», в соответствии с чем, Э. М. Мурадян справедливо считает данный принцип юридическим воплощением начала свободы субъекта частного права. Еще И. Я. Фойницкий писал, что

деятельность обвинителя носит публичный характер, и что он по долгу службы «действует не по частному своему усмотрению и не во имя частного интереса», а в соответствии с «государственной волей и в общегосударственных интересах». В равной степени данный тезис относится и к органам расследования, и к суду. О том, что «субъективные публичные права и право на наказание не подлежат свободному распоряжению» — утверждал и В. А. Рязановский. Исходя из чего, он пришел к выводу, что «принцип диспозитивности не применим в уголовном и административном процессе». Применительно к уголовному судопроизводству речь может идти только о принципе целесообразности уголовно-процессуальной деятельности, а не о принципе диспозитивности.

Исходя из общепризнанных демократических стандартов осуществления уголовного судопроизводства должностные лица государства, принимая решение о прекращении уголовного преследования, не могут и не должны руководствоваться исключительно соображениями эффективности, экономии и только своим пусть даже и процессуальным интересом в деле. Отказываясь от уголовного преследования, они обязаны учитывать права и законные интересы всех участников уголовного процесса, а также общественные интересы и принять в данном случае законное и обоснованное решение об освобождении от уголовного преследования по мотивам нецелесообразности

В свою очередь суд вправе лишь освободить лицо от уголовного преследования, когда дело находится в его производстве, поскольку отказаться можно только от собственных полномочий, а освободить можно и от тех действий, совершение которых входит в обязанность иных лиц. Помимо этого, не является правильным и указание в определении понятия принципа дискреционного уголовного преследования на конкретные категории дел, по которым он может применяться, так как они отражают не сущность этого принципа, а пределы его применения в уголовном процессе.

Изложенное позволяет констатировать, что принцип целесообразности фактически нашел свое выражение на разных стадиях уголовного процесса и в различных его формах. Целесообразность яв-

ляется логическим продолжением законности, применяемым в тех случаях, когда закон позволяет отойти от общего порядка производства по уголовным делам и упростить производство либо вообще прекратить его.

Публичность. Публичные начала уголовного процесса традиционно обусловлены пониманием сути преступления как посягательства, направленного против публичных интересов. Содержание данного принципа заключается в осуществлении своей деятельности должностными лицами в уголовном судопроизводстве *ex officio*, то есть в силу своих обязанностей, возложенных на них государством. Принцип публичности уголовного судопроизводства ограничивает дискрецию должностных лиц рамками закона, сводит к минимуму возможность реализации идей целесообразности, также ограничивая их рамками правового поля.

В общем плане публичный интерес заключается в признании социальной значимости как самого права, так и его применения. Правоприменение, в том числе и судебное, осуществляемое через юридические процедуры, не может не иметь публично-правового характера, поскольку является властно-организующей деятельностью субъектов, ведущих процесс. Именно по этой причине представляется, что в систему принципов уголовного процесса входит публичность, как основа, определяющая ключевые процессуальные способы защиты публичного интереса, уже взятого под охрану уголовным законом.

Вопрос об отказе в придании публичности значения принципа, конечно, не связан с проблемой выбора для ее идентификации той или иной категории (начало, закономерность, метод уголовно-процессуальной деятельности): сторонники этих точек зрения обосновывают свои позиции, заслуживающие внимания. Принцип публичности определяет порядок правоприменительного процесса, процессуальный режим, который должен быть соотнесен при этом с положениями принципа состязательности, устанавливающий диспозитивный метод уголовно-процессуального регулирования.

Публичность легла в основу конструкции большинства процессуальных институтов и норм и в достаточной степени последователь-

но проведена в Особенной части УПК РФ, определяющей процессуальный порядок возбуждения, расследования, разрешения уголовных дел. И в первую очередь, она оказывает непосредственное влияние на институт уголовного преследования, устанавливая его виды, основным, преобладающим из которых является публичный.

По словам М. Т. Аширбековой, «нормативная гармонизация публичного и частного интереса — путь к генерированию особых правоприменительных технологий, часть из которых уже воплощена в законе в форме таких видов процессуального производства, как, например, производство по делам частного обвинения, сокращенное дознание, производство с заключением досудебного соглашения». При этом принципы публичности и состязательности можно определять, как основные и наиболее общие положения, которые, имея собственное содержание, образуют публично-исковой тип процесса.

Публичность в уголовном судопроизводстве тесно взаимосвязана с его диспозитивными началами. Сочетание основ публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве позволяет потерпевшему и его представителям участвовать в уголовном преследовании по любым категориям дел, т. е. участвовать в процессуальной деятельности по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в совершении преступления, которым потерпевшему причинен ущерб.

П. С. Элькинд основное содержание принципа публичности рассматривала в должностной обязанности компетентных органов государства осуществлять уголовно-процессуальную деятельность независимо от воли и желания заинтересованных лиц, а также должностную обязанность по обеспечению прав и законных интересов личности. И. Л. Петрухин отмечал, что в правовую конструкцию принципа публичности входят как требования активной правоприменительной деятельности государственных органов, так и способствование защите прав лиц, потерпевших от преступлений, возмещение им вреда.

С. Д. Шестакова также связывает содержание принципа публичности с положениями ст. 21 УПК РФ, требующими от органов уголовного преследования в каждом случае обнаружения признаков пре-

ступления принимать предусмотренные УПК меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

В науке уголовно-процессуального права также в содержании принципа публичности в разное время выделяли: сочетание инициативы и активности в процессуальной деятельности должностных лиц и государственных органов; должностную обязанность уполномоченных субъектов возбуждать уголовное преследование, осуществлять расследование и разрешение уголовного дела; обязанность должностных лиц и государственных органов исследовать все обстоятельства дела и обеспечивать охрану прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц; требования, обязывающие должностные лица и органы, ведущие уголовный процесс, предпринимать по своему усмотрению процессуальные действия в пределах своей компетенции; обязанность суда и органов уголовного преследования активно использовать свои властные полномочия, обязанность проявлять инициативу в своей деятельности; требование активной правоприменительной деятельности; обязанность собирать и исследовать доказательства; ответственность должностных лиц и государственных органов, ведущих процесс, за ход и результаты процессуальной деятельности.

Изложенные в литературе суждения о принципе публичности свидетельствуют о том, что в его содержание включались как элементы, не получившие прямого закрепления в законе, так и конкретные положения, закрепленные в законе. В содержании принципа публичности выделяют сочетание инициативы и активности в процессуальной деятельности должностных лиц и государственных органов; должностную обязанность уполномоченных субъектов возбуждать уголовное преследование, осуществлять расследование и разрешение уголовного дела, то есть определять движение дела; обязанность должностных лиц и государственных органов исследовать все обстоятельства дела и обеспечивать охрану прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц; требования, обязывающие должностных лиц и органы, ведущих уголовный процесс, предпринимать по

своему усмотрению процессуальные действия в пределах своей компетенции; обязанность суда и органов уголовного преследования активно использовать свои властные полномочия, обязанность проявлять инициативу в своей деятельности; требование активной правоприменительной деятельности; обязанность собирать и исследовать доказательства; ответственность должностных лиц и государственных органов, ведущих процесс, за ход и результаты процессуальной деятельности.

Таким образом, применение норм уголовного и уголовно-процессуального права подчинено властному началу — проявлению принципа публичности. Наличие властных полномочий характеризует официальную природу правоприменительной деятельности. Качество этой деятельности обеспечивается требованиями, устанавливаемыми, прежде всего, к данным субъектам (*ex officio* — в силу служебного долга).

Элементами теоретической конструкции принципа публичности следует относить: а) требование процессуально-должностной активности в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс; б) инструктивность как атрибут официальности действий субъектов, ведущих уголовный процесс; в) обязательность актов правоприменения (процессуальных решений) в силу содержащегося в них властного веления субъектов, ведущих уголовный процесс; г) признание юридической ответственности государства и деликтоспособности должностных лиц его органов как субъектов уголовно-процессуальных отношений за допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц.

Уголовно-процессуальный закон, устанавливая права и обязанности «официальных» участников процесса, использует понятие «полномочия», выраженные выполняемыми функциями не ради личного интереса субъектов, ведущих уголовный процесс, а ради достижения назначения уголовного процесса. Дискреционные же полномочия, реализация которых зависит от убеждения и оценки правовой ситуации субъекта, приобретают форму собственной инициативы для производства процессуальных действий или принятия процессуаль-

ных решений при наступлении оснований, указанных в законе. Дискреционное усмотрение, являясь привилегией должностных лиц, реализуется не произвольно, а в соответствии с требованиями закона.

В последние годы законодатель идет по пути свертывания поля для активности субъектов, осуществляющих уголовное преследование. Так, согласно положениям ч. 3 ст. 20 УПК РФ, в публично-правовом порядке не могут быть возбуждены уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 160 УК РФ, если они, как указано в законе, «совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности». Таким образом, в указанных случаях действует частно-публичный порядок: для возбуждения уголовного дела требуется заявление потерпевшего. В то же время законодатель в положениях ч. 3 ст. 20 УПК РФ, подчеркивая значимость публичных интересов, оставляет место для служебной активности (*ex officio*) субъектов уголовного преследования, сохраняя по этим же преступлениям публичный порядок возбуждения уголовного дела.

Состязательность. Действие принципа состязательности применительно к уголовному преследованию интересно с точки зрения некоторых входящих в понимание данного принципа положений.

Принцип состязательности уголовного судопроизводства основан на конструкции трех основных процессуальных функций. Указанные функции осуществляют не только органы государства в силу публично-правовых обязанностей, но и участники уголовного судопроизводства, защищающие свои права и интересы. Конструкция состязательности призвана противопоставить две состязающиеся стороны — обвинения и защиты, определить роль суда в процессе, определить правила, по которым будет осуществляться состязательный

процесс, но принципом состязательности не охватываются отношения внутри группы участников той или иной стороны.

Л.В. Головки обращает внимание на противоречивость принципа состязательности, закрепленном в российском уголовном процессе и конструкцией его иных общих начал. Ч. 2 ст. 15 УПК содержит формулировку «чистого» принципа состязательности, в которой указано, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо¹. Логичным в этой связи является положение (ст. 171 УПК), согласно которому следователь предъявляет обвинение. Однако его полномочия прекратить уголовное дело (ст. 213 УПК), в том числе по реабилитирующим основаниям, может свидетельствовать о реализации им функций защиты (защищать любое лицо от необоснованного уголовного преследования) или функции разрешения дела в стадии предварительного расследования, а это не соответствует принципиальному положению ст. 15 УПК, прямо запрещающей совмещение функций. А предполагаемая автономная функция, не охватываемая ни обвинением, ни защитой, ни разрешением дела (функция расследования) ставит вопрос о том, почему тогда следователь отнесен к «участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения».

Прекращение производства по уголовному делу следует рассматривать как форму реализации функции разрешения уголовного дела по существу. Состязательность в судопроизводстве воплощается лишь в том случае, когда имеет место не только разграничение содержательного аспекта деятельности (собираение доказательств определенного характера и их представление), но и процессуальное собиранье информации отделяется от принятия решения на основе этой информации. Приведенное же выше обстоятельство свидетельствует о неполном разграничении процессуальных функций в стадии предварительного расследования, а именно один и тот же субъект (следо-

¹ Головки Л. В. Состязательность сторон обвинения и защиты: приемлемость рецепции итальянского опыта // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Право (Астана, Казахстан). 2022 № 4 (141). С. 147.

ватель, дознаватель) не только собирает информацию для принятия решения, но и уполномочен принимать само решение.

Одним из объективных оснований наделения функцией уголовного преследования (как совокупности действий и решений определенной направленности) исключительно органов государства является возможность установления контроля за их деятельностью. Этот фактор тем более важен, что государству небезразличны как достигнутые результаты, так и процесс их получения. Получение процессуальных доказательств, тем более принятие процессуальных решений иными субъектами, не относящимися к указанной категории, делает невозможным контроль за их деятельностью, а следовательно, ставит под сомнение все полученные ими результаты.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ органы предварительного расследования обязаны принимать меры к получению доказательств, устанавливающих факт как виновности, так и невиновности обвиняемого, обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность либо влекущие освобождение его от уголовной ответственности и наказания. При обнаружении оправдывающих подозреваемого, обвиняемого доказательств органы предварительного расследования рассматривают вопрос об окончании уголовного преследования. Обоснование данного решения предполагает доказывание оправдывающих обвиняемого обстоятельств, т.е. их установление на основании относимых, допустимых, достоверных доказательств, образующих их достаточную совокупность для принятия соответствующего решения.

Таким образом, совмещение в деятельности органов предварительного расследования полномочий по получению данных, необходимых для принятия решения, и собственно принятие процессуальных решений свидетельствуют об отсутствии объективных предпосылок к состязательной организации досудебного производства. Обвинительная деятельность не выражает сущность процессуального положения органов предварительного расследования, а является отдельным направлением их деятельности, наряду с иными, не менее существенными. Процессуальное положение органов предварительного расследования определяется исходя из толкования положений

уголовно-процессуального закона в свете идеи о справедливости уголовного судопроизводства, в соответствии с которой органы государственной власти, а в досудебном производстве — это органы предварительного расследования обязаны устанавливать все существенные для дела обстоятельства вне зависимости от их обвинительного или оправдательного содержания.

По мнению А. В. Смирнова, итогом всего предшествующего пути развития уголовного процесса должен стать новый генетический тип состязательности — дискурсивно-состязательное судопроизводство, связанное с коммуникативным типом социального действия. В основу дискурсивной модели положены такие начала, как функциональное равенство сторон, нонкомбатантность обвинения, судебное участие на всех стадиях процесса, активность сторон, включая их дискреционные полномочия по возбуждению обвинения, собиранию доказательств и проведению альтернативного расследования; субсидиарная активность суда, принцип целесообразности публичного обвинения и возможность заключения в уголовном процессе медиационных процедур. При этом сохраняются и очищаются от розыскных наслоений все прочие, традиционные состязательные принципы: публичность, независимость суда, разделение процессуальных функций, право на защиту, презумпция невиновности, непосредственность исследования доказательств, устность, гласность, уважение прав и законных интересов личности и т.д.

Презумпция невиновности. Закрепление презумпции невиновности в ст. 49 Конституции РФ является основой взаимоотношений государства в лице его должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и личности, попавшей в орбиту уголовного закона. Содержание рассматриваемого принципа содержит три правила:

1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

В научной литературе вопрос о понятии и содержании презумпции невиновности является дискуссионным. Так, ряд авторов трактуют его путем непосредственного восприятия легально установленных формулировок в ст.49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ и полагают, что подозреваемый или обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в порядке, определенном УПК РФ, и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Другие авторы исходят из широкого толкования принципа, включая в него не только элементы, установленные национальным законодательством, но и нормы международного права. Так, А. В. Верещагина, полагает, что в дополнение к положениям, установленным в ст. 14 УПК РФ, в содержание презумпции невиновности следует включать «совокупность прав, позволяющих защищаться от выдвинутого обвинения». Этот вывод автор делает, основываясь ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.»

Существует и точка зрения, авторы которой рассматривают презумпцию невиновности на основе ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, понимая под ней «неотъемлемое право личности считаться невиновным, пока не будет доказано обратное, а затем уже как принцип правосудия. Презумпция невиновности тесно взаимосвязана с остальными принципами уголовного судопроизводства, выступающими элементами права на справедливое судебное разбирательство и объединенных общим назначением уголовного процесса.

Представляется, что понимание положения о презумпции невиновности следует искать не столько в плоскости установления статуса лицом, сколько условий и способов, касающихся доказывания и доказательств в уголовно-процессуальной сфере, выводов и принятия на их основе решения по уголовному делу. Это понимание усиливается, если производить сравнительный анализ двух начал, существующих в уголовном и гражданском процессах

(в противовес уголовному судопроизводству в гражданском процессе действует принцип вины).

Невиновность имеет характер утверждения, которое заведомо, в силу закона, считается истиной, обвиняемому ничего в уголовном процессе доказывать не надо. Презумпция невиновности вводит в уголовный процесс два взаимосвязанных правила: 1) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 49 Конституции РФ, ч. 2 ст. 14 УПК РФ); 2) бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Основным элементом презумпции невиновности — бремя доказывания, который выражается в том, что обязанность доказывания всех элементов предмета доказывания по уголовному делу, включая вопрос о невиновности или о виновности, лежит на стороне обвинения. Обвиняемый не обязан способствовать следователю, дознавателю и суду в оценке доказательств, содействовать суду и органам предварительного следствия в установлении истины, участвуя активно в процессе; правило о распределении бремени доказывания имеет свою специфику в производстве по делам частного обвинения, где доказывание переходит на лицо, выступающее в роли частного обвинителя. Распределение бремени доказывания между сторонами составляет основное предназначение и главный смысл презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве. Освобождение обвиняемого от обязанности оправдываться с одновременным возложением бремени доказывания виновности на сторону обвинения обеспечивает в уголовном процессе такое положение, когда лицо привлекается к уголовной ответственности не из-за того, что оно не смогло отвести от себя обвинение, а потому, что его виновность с несомненностью доказана стороной обвинения. Посредством распределения бремени доказывания между сторонами презумпция невиновности обеспечивает фактическое равенство процессуальных возможностей сторон по отстаиванию перед судом своих позиций, то есть составляет одно из правил благоприятствования защите.

Так, ст. 49 Конституции РФ не использует понятие «бремя доказывания», хотя и устанавливает отсутствие обязанности у обвиняемого доказывать свою невиновность. Ч. 2 ст. 14 УПК РФ дополняет данное положение, указывая, что данная обязанность лежит на стороне обвинения. Данное уточнение, прежде всего, связано с принципом состязательности и концептуальным лишением суда полномочий, связанных с обвинением и собиранием доказательств по своей инициативе. Положениям уголовно-процессуального законодательства, которые наделяют подозреваемого, обвиняемого правом отказаться от дачи показаний, корреспондируют нормы уголовного права, не предусматривающие уголовной ответственности подозреваемого и обвиняемого за отказ от дачи показаний. Кроме того, исходя из требований презумпции невиновности о распределении бремени доказывания между сторонами, уголовный закон не предусматривает и ответственность подозреваемого, обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ). Освобождение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, от ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний традиционно рассматривается в юридической науке как важная гарантия презумпции невиновности.

Освобождение подозреваемого, обвиняемого от обязанности доказывать собственную невиновность, естественно, не равнозначно запрету на участие в доказывании. Презумпции невиновности не противоречит и принятию на себя подозреваемым или обвиняемым обязанностей, связанных с участием в доказывании, в обмен на предоставление предусмотренных законом привилегий. Так, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, по которому подозреваемый обвиняемый обязуется содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления в обмен на более мягкое наказание, чем предусматривает закон, условное осуждение или даже освобождение от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УК РФ). Следовательно, заключение досудебного соглашения о со-

трудничестве не может расцениваться как переложение на сторону защиты бремени доказывания. Во-первых, органы публичного уголовного преследования не освобождаются от обязанности доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту. Во-вторых, невыполнение подозреваемым или обвиняемым принятых на себя обязанностей по досудебному соглашению о сотрудничестве не ухудшит его положения: он лишится только тех привилегий, которые мог бы получить при условии выполнения соглашения.

Законодатель лаконично подошел к употреблению терминов, оставляя за отраслевым правовым регулированием дальнейшую конкретизацию. В этой связи в научной литературе, например, разъясняется, что «обвиняемый» в контексте ст. 49 Конституции РФ — это любой человек, в отношении которого в установленном законом порядке выдвинуто и проверяется предположение о его причастности к совершению запрещенного уголовным законом деяния.

В Конституции РФ назван только один участник уголовного судопроизводства, на которого распространяется действие презумпция невиновности, — обвиняемый (в ч. 3 ст. 49 Конституции РФ используется также термин «лицо», с целью избежать тавтологию), тогда как в ст. 14 УПК РФ указан еще один участник — подозреваемый.

Соответствующие правовые нормы не содержат ответа на вопрос о том, распространяется ли презумпция невиновности на лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Такое лицо не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, а имеет своеобразный процессуальный статус. Вопрос о том, что деятельность, осуществляемая стороной обвинения в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера, является уголовным преследованием, также является дискуссионным. В связи с этим не имеет перспективы конкретизация в формуле презумпции невиновности субъекта, на которого она распространяется.

Термин «обвиняемый» употребляется в формуле презумпции невиновности как собирательный и его содержание, по сути, не исчерпывается обозначением конкретного участника уголовного судопроизводства.

производства. Поэтому «обвиняемый» в контексте ст. 49 Конституции РФ — это любой человек, в отношении которого в установленном законом порядке выдвинуто предположение о его причастности к совершению запрещенного уголовным законом деяния, которое требует после совершения необходимого объема определенных процессуальных действий подтверждения либо опровержения.

В данном варианте диспозиция данной нормы оказывается наиболее предпочтительной, поскольку распространяет свое влияние не только на подозреваемого, обвиняемого или лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, но и на иное лицо, не имеющее процессуального статуса, например, в стадии возбуждения уголовного дела, когда уполномоченными субъектами производятся первоначальные действия, направленные на установление его причастности к совершению общественно опасного деяния.

Содержание права презумпции невиновности обвиняемого раскрывается в правиле, согласно которому сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Весь груз разрешения сомнения и доказательства вины лежит на стороне обвинения — государстве, в лице осуществляющего уголовное преследование органа. Сомнения в виновности лица, которые могут возникнуть в ходе расследования уголовного дела не должны носить обвинительного уклона, поскольку это может привести к необоснованному привлечению гражданина к уголовной ответственности. Неустранимые сомнения в виновности обвиняемого, по образному выражению, удерживают чаши весов правосудия в состоянии равновесия. Имеющиеся в деле доказательства не позволяют достоверно установить — совершил обвиняемый инкриминируемое ему деяние или нет. Если виновность положительно доказать из-за наличия неустранимых сомнений не значит, обвиняемый продолжает считаться невиновным и подлежит оправданию .

Правило об истолковании сомнений — это одновременно и запрет произвольных обвинений, и требование несомненной доказанности вины обвиняемого. Необходимо обратить внимание на то, что в ней речь идет не о любых сомнениях, а только неустранимых, то

есть таких, которые невозможно снять доступными правоприменительно средствами. Применение правила о толковании неустранимых сомнений касательно достоверности имеющихся в деле доказательств выражается в ассиметричной оценке обвинительных и оправдательных доказательств. Обвинительные доказательства при наличии таких сомнений должны быть отвергнуты, а оправдательные — положены в основу приговора. Неустранимые сомнения возникают и в тех случаях, когда возраст подозреваемого, обвиняемого устанавливается в ходе производства судебной экспертизы (п. 5 ст. 196 УПК РФ), ведь эксперты не в состоянии назвать точную дату рождения лица. Правило толкования неустранимых сомнений в пользу стороны защиты применяется и при разрешении судом вопроса о допустимости показаний подсудимого, когда он изменяет их или отказывается от них, ссылаясь на то, что эти показания были даны под принуждением в связи с применением к нему недозволенных методов ведения расследования. Руководствуясь идеей, согласно которой недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности, законодатель предпринимает меры к тому, чтобы невиновность гражданина, чья вина не доказана, ни у кого не вызывала сомнений.

Убеждение следователя, дознавателя и прокурора, утверждающего итоговый акт предварительного расследования и поддерживающего в суде государственное обвинение, в виновности обвиняемого является непременным условием реализации назначения уголовного судопроизводства. УПК РФ, наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, провозглашает назначением уголовного процесса защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Тем не менее, принцип провозглашает, что обвиняемого считает невиновным закон и, соответственно, обязывает поступать с ним как с невиновным до вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Данное требование распространяется на всех лиц, включая должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора.

В тексте ст. 14 УПК РФ содержится положение о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Представляется, что данный постулат в настоящее время стал неотъемлемой частью правового содержания презумпции невиновности и дополняет не только конституционную формулу презумпции невиновности, но и другие принципы уголовного судопроизводства. Это, обусловлено тем, что в российском уголовном судопроизводстве недоказанная виновность тождественна доказанной невиновности. Статус лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено за непричастностью к совершению преступления, соответствует статусу лица, чью виновность сторона обвинения не смогла доказать, оба имеют законное право на реабилитацию.

В юридической литературе высказаны суждения о несоответствии принципу презумпции невиновности полномочия органов предварительного расследования прекращать производство по уголовному делу и уголовное преследование по нереабилитирующим основаниям. Авторы таких суждений ссылаются на то, что вынесение таких постановлений связано с решением вопроса о виновности, а значит, должно относиться к исключительной компетенции суда. Однако М. С. Строгович указывал, что «постановление о прекращении уголовного дела никогда не было и не является актом признания обвиняемого виновным в совершении преступления, по каким бы основаниям это постановление ни принималось и от кого бы ни исходило».

Несмотря на наличие обязательных этапов порядка прекращения уголовного дела, в отношении каждого основания законодатель предусматривает свои особенности. Так, основу примирения сторон составляют взаимные уступки сторон обвинения и защиты, а именно потерпевший и органы, осуществляющие уголовное преследование, не возражают против прекращения уголовного дела в обмен на примирение и возмещение лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, причиненного вреда.

При прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям никаких проблем, связанных с реализацией принципа презумпции невиновности, не возникает, поскольку лицо, в отношении

которого велось уголовное преследование, в этих случаях признается невиновным⁸⁵. Однако если лицо производство прекращается по нереабилитирующим основаниям, то вопрос о реализации данного принципа в правоприменительной практике встает очень остро.

В юридической литературе распространенным является мнение о том, что прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям без судебного решения нарушает целый ряд принципов (презумпцию невиновности, отправления правосудия только судом) и не соответствует назначению уголовного судопроизводства. Для того чтобы ответить на вопрос о том, происходит ли нарушение презумпции невиновности в данном случае рассмотрим их соотношение на примере прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа и примирения сторон.

Таким образом, содержание презумпции невиновности не ограничивается провозглашением обвиняемого невиновным до вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Ключевое предназначение данного принципа состоит в том, чтобы создать надежные гарантии против незаконного и необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности путем регламентации процесса доказывания. В отличие от других презумпций, которые получают законодательное закрепление, как правило, с целью упрощения правоприменительной деятельности (в части установления определенных фактов), презумпция невиновности «отнюдь не упрощает и не облегчает процесс доказывания по уголовному делу, не сокращает его, не освобождает следствие и суд от доказывания имеющих значение для дела фактов, не позволяет такие факты признавать установленными без доказательств. Наоборот, она требует, чтобы все относящиеся к обвинению факты были доказаны».

Свобода оценки доказательств. Нормы доказательственного права самым тесным образом связаны со всем уголовным судопроизводством, согласованы с его задачами, принципами, полномочиями следственных и судебных органов, взаимодействуют с системой процессуальных гарантий, правами вовлеченных в орбиту уголовного процесса участников. Необходимость в доказывании обуславливает

многоэтапный и многоаспектный порядок предварительного расследования и судебного разбирательства, характеризующийся достаточно длительными сроками, сложными юридическими процедурами и широким кругом участвующих субъектов. В противном случае производство по любому уголовному делу сводилось бы лишь к его разрешению по существу и заключалось бы исключительно в вынесении приговора или иного правоприменительного акта.

Свободная оценка доказательств направлена как на исключение внешнего воздействия на должностных лиц, принимающих решения, так и на предоставление им внутренней свободы оценки доказательств.

Принцип свободной оценки доказательств адресован лишь участникам, наделенным в уголовном судопроизводстве властными полномочиями по принятию решений, ибо именно на них возложена ответственность за установление фактических обстоятельств путем доказывания по правилам, предусмотренным уголовно-процессуальным законом.

На основе вывода о доказанности или недоказанности тех или иных обстоятельств, которые составляют фактическую основу решений, суд, прокурор, следователь, дознаватель должны сопоставить их с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, и ответить на вопрос: можно ли считать, что установленные обстоятельства в соответствии с нормами УК РФ и УПК РФ дают право принять определенное решение.

Таким образом, оценка доказательств непосредственно обуславливает и определяет решение того или иного правового вопроса. Если в теории, а затем в законе выдвигаются нереальные, невыполнимые задачи, то это объективно подталкивает практиков — работников правоохранительных органов, дознавателей, следователей к тому, чтобы хотя бы в статистике показать выполнение этих задач. Вследствие этого имеет место сокрытие от учета малозначительных преступлений, преступлений, которые сложно будет раскрыть.

Указанные явления лишают гибкости уголовное преследование, так как не позволяют сосредоточиться на наиболее опасных преступлениях и отказаться из экономических соображений и соображений

социальной целесообразности от кропотливого расследования мелких правонарушений. Невозможным становится также предоставление иммунитета от уголовного преследования лицам, сотрудничающим с правоохранительными органами, осведомителям. Кроме того, пронизывая весь уголовный процесс, данная проблема выходит на другую, не менее важную: каково соотношение частных начал, интересов обвиняемого, потерпевшего, других участников процесса, имеющих в деле законный интерес — с публичными началами, под воздействием которых те же лица становятся орудием служения отвлеченным благам правосудия, средствами решения государственной задачи по искоренению преступности.

По мнению проф. Л. М. Володиной, состязательность означает такое построение судебной процедуры, в соответствии с которой стороны в процессе имеют равные процессуальные возможности в отстаивании и доказывании своей позиции по делу. Она обращает внимание на отступление от традиционных представлений о результатах процессуальной деятельности, связанной с доказыванием обстоятельств уголовного дела, а именно по поводу подмены понятия «объективная истина» понятиями «процессуальная истина» либо «доказанная достоверность»¹. Связанные с концепцией объективной истины постулаты о том, что каждый совершивший преступление должен быть подвергнут справедливому наказанию, и вместе с тем ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден — сложно воплотить на практике, это предполагает раскрытие 100% совершенных преступлений.

Следует особо отметить о связи «достоверной доказанности обстоятельств уголовного дела» со свойством достоверности доказательств, потому как первое складывается из совокупности достоверных доказательств. Охранительный тип уголовного судопроизводства в условиях состязательности сторон и требования о всестороннем, полном и объективном установлении обстоятельств дела на основе ст. 73 УПК РФ, указывает на изменение сущности данного свойства до-

¹ Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. — М.: Юрлитинформ, 2010. .

казательств в уголовном процессе. Думается, оно приобрело субъективную природу, проявляющуюся в несомненности доказательств, обусловленной их всесторонней проверкой. В этой связи такие качества как истинность и достоверность имеют определенные отличия. Истинность характеризует отношение нашего знания к отражаемому объекту, их соответствие друг другу, а достоверность в первую очередь определяется обоснованностью, доказанностью нашего знания и сознанием этой обоснованности. Поэтому, рассматриваем цель доказывания в уголовном судопроизводстве с акцентом на достоверность доказанности обстоятельств, подлежащих установлению по делу.

Свобода оценки доказательств предусматривает, что судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Аналогичным образом с точки зрения субъектного состава, как представляется, должно выглядеть требование о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, которое следует распространить как на властных представителей стороны обвинения, так и на суд.

Однако до сих пор вопрос о том, кто из участников процесса обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела, остается открытым. Связано это, прежде всего, с несовершенством правовой регламентации анализируемого требования в законе.

В теории уголовного процесса обнаруживается плюрализм мнений относительно сферы действия всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, а, соответственно, высказываются и различные суждения о юридической природе данного положения. Одни ученые занимают позицию о необходимости распространения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела на процессуальную деятельность всех без исключения государственных органов и должностных лиц и выступают за прямое закрепление соответствующего принципа в главе 2 УПК РФ, другие, напротив, абсолютизируя значение состязательности и при-

знаявая несостоятельным тезис об установлении объективной истины, косвенно намекают на освобождение властных субъектов процесса от обязанности соблюдать упомянутое требование и не включают его в систему основных начал уголовного судопроизводства.

Традиционно всесторонность исследования предполагает обязанность властных субъектов процесса устанавливать со всех сторон юридически значимые обстоятельства дела. При этом юридически значимые обстоятельства не исчерпываются предметом доказывания, регламентированным в ст. 73 УПК РФ. Если предмет доказывания включает в себя лишь обязательные необходимые обстоятельства, то всестороннее исследование ориентирует и на предмет доказывания, и на другие обстоятельства, имеющие значение по конкретному делу в зависимости от его характера. Изложенная позиция подтверждается закрепленным в ч. 1 ст. 74 УПК РФ определением доказательств, которое нацеливает на выяснение наличия или отсутствия как обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, так и иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Объективность, будучи наряду со всесторонностью и полнотой компонентом единого принципа уголовного судопроизводства, преимущественно одинаково трактуется в среде ученых-процессуалистов. Под ней обычно понимают беспристрастность, непредвзятость субъектов исследовательской деятельности. Гарантией обеспечения беспристрастности и непредвзятости властных участников процесса служит институт отводов, нормы которого систематизируются в Главе 9 УПК РФ.

Беспристрастность и непредвзятость лиц, ведущих производство, приводят к объективности проводимого исследования. Исследование обстоятельств уголовного дела, проходит в два этапа. На первом этапе (практическом) беспристрастность субъектов исследования ориентирует на собирание абсолютно всех доказательств, вне зависимости от того, какие обстоятельства ими устанавливаются (уличающие или оправдывающие обвиняемого), и проверку каждого из выявленных обстоятельств, а способность оперировать законами познания направляет саму проверку этих обстоятельств в нужное русло,

чтобы по результатам подтверждения одних из них и опровержения других можно было получить необходимое количество промежуточных фактов. Специфика второго этапа оценки обстоятельств заключается в том, что на нем сформирована совокупность доказательственных фактов, а также и обстоятельства, которые были опровергнуты проверкой. Отсюда следует, что непредвзятость должностных лиц здесь не позволяет сознательно игнорировать обстоятельства, опровергнутые в ходе практической деятельности, тогда как владение навыками логических приемов обязывает аргументировать, по какой причине данные обстоятельства не принимаются властными субъектами, обосновать достаточность имеющейся совокупности промежуточных фактов и сделать категорический вывод о наличии или отсутствии главного факта, обеспечив тем самым мотивированность итогового решения (уведомления о подозрении, привлечения в качестве обвиняемого, обвинительного заключения, приговора и др.). Связь объективности исследования с его всесторонностью и полнотой в рамках единого комплексного требования представляется очевидной.

Таким образом, действие отдельных принципов уголовного судопроизводства оказывает непосредственное влияние на институт уголовного преследования, воплощается в конкретных формах данного основного вида уголовно-процессуальной деятельности и обнаруживает системную связь уголовного преследования с иными институтами уголовно-процессуального права.

§ 3. Субъекты уголовного преследования и вопрос об их процессуальной независимости

Основной гарантией объективного расследования является процессуальная независимость следователя, дознавателя. Несмотря на множество предложений по реформированию законодательства в части обеспечения такой процессуальной независимости должностных лиц, осуществляющих расследование¹, тема остается одной из дискуссионных.

¹ См., например: Шейфер С., Бобров А. процессуальная самостоятельность следователя: мнение практиков // Законность. 2006. № 5. С. 31–34; Гаврилов Б. Я.

Согласно ст. 38 УПК РФ следователь самостоятелен в выборе хода расследования, в принятии решений о производстве следственных действий и иных процессуальных решений, за исключением случаев, когда в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа.

Увеличение контрольных функций со стороны руководителя обусловлено изменениями полномочий по надзору прокурора за предварительным следствием.

В юридической литературе вопрос о соотношении «процессуального контроля» и «процессуального руководства» является одним из дискуссионных¹. Возможность «руководства» подтверждается за-

О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние, перспективы развития // Право и политика. 2001. № 2; Мельников В. Ю. Следователь и дознаватель в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4; Паничева А., Похмелкин А., Костанов Ю. Не оставляйте следователя безнадзорным // Законность. 2008. № 5. С. 7–10; Уланов В. В. Содержание процессуальной функции следователя // Российский следователь. 2008. № 17; Арсенова Т. Б. Процессуальная самостоятельность лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам // Российский следователь. 2009. № 18. С. 2–3; Бегиев Х. Б. Реализация процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве России // Общество и право. 2010. № 2. С. 206–211; Вартанов А.Р. Процессуальная самостоятельность следователя: сущность и значение // Право и политика. 2011. № 8. С. 1311–1322; Балакшин В. С. Независимый — зависимый следователь // Законность. 2011. № 10. С. 29–34 и др.

¹ См., например: Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 107; Шабунин В. А. Некоторые вопросы правовых отношений руководителя следственного органа и следователя в связи с осуществлением ведомственного процессуального контроля // Российский следователь. 2011. № 21. С. 13–15; Шабунин В. А. Некоторые вопросы правовых отношений руководителя следственного органа и следователя в связи с осуществлением ведомственного процессуального контроля // Российский следователь. 2011. № 21. С. 13–15; Григорьев В. Н., Победкин А. В., Калинин В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 48.

конодателем уже непосредственно в наименовании должности — руководитель следственного органа (в отличие от ранее существовавшего «начальника следственного отдела»), контроль — практикой и полномочиями руководителя.

Некоторые авторы считают контроль одним из элементов функции процессуального руководства¹; другие — взаимодополняющими методами, самостоятельными направлениями деятельности²; иные — частью процессуального контроля, который является основной функцией руководителя³.

В. М. Савицкий отмечал, что без процессуального руководства невозможен полноценный надзор за исполнением законов⁴.

На сегодняшний день прокурорский надзор за следственной деятельностью существенно сужен. Так, согласно части 2 статьи 37 УПК РФ, в ходе предварительного с досудебного производства прокурор уполномочен:

— проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении;

— выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

¹ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 202–203; Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Омск, 2009. — 26 с.; Кругликов А. П. О некоторых тенденциях в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Мировой судья. 2012. № 3. С. 8–12 и др.

² Чувилев А. А., Кальницкий В. В. Процессуальный контроль начальника следственного отдела // Советское государство и право. 1983. № 4. С. 69–73; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. — М.: Закон и право, 2004. С. 107 и др.

³ Воронин Э. И. Процессуальные полномочия следователя органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Саратов, 1973. С. 123.

⁴ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. — М., 1975. С. 45.

— требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания предварительного следствия;

— истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ;

— рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

— участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ;

— при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом;

— передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, предусмотренными;

— утверждать обвинительное заключение;

— осуществлять иные полномочия, предусмотренные законом.

Изменения полномочий прокурора в досудебном производстве прекратили ряд дискуссионных вопросов¹, но породили новые¹, в том числе о соответствии исключения надзора статусу прокурора.

¹ Ряд авторов предлагали предусмотреть среди полномочий прокурора не только надзор, но и процессуальное руководство деятельностью органов дознания и следствия по уголовному делу, который предусмотрен и в Концепции судеб-

В соответствии со статьей 29 Федерального закона «О прокуратуре в Российской Федерации» предметом надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие являются соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Как можно своевременно осуществлять данный вид надзора, если УПК РФ предусматривает лишь следующие решения следователя, копии которых должны быть направлены прокурору:

— копия постановления руководителя следственного органа или следователя о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Если прокурор признает постановление незаконным или необоснованным, он должен в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов отменить постановление руководителя следственного органа или следователя, о чем выносит мотивированное постановление;

— копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется про-

ной реформы в РФ от 24 октября 1991 г. Например: Ларин А.М. Прокурорский надзор и руководство расследованием // Соц. Законность. 1978. № 10. С. 56–57; Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / под ред. проф. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 155–156; Соловьев А. Б., Токарев М. Е., Халиулин А. Г., Якубович Н. А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. М., — Кемерово, 1997. С. 41–42; Кругликов А. П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования / Законность. 2012. № 1. С. 12–16.

¹ Так, например: Быков В. М. поставил в своей работе вопрос о том, что кто объяснить причину ненужности прокурорского надзора за следствие, в то время как надзор полностью оставлен за дознанием, расследующем меньшее количество преступлений, да к тому же мене опасные? (Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008).

курору (часть 4 статьи 148 УПК РФ). Признав отказ руководителя следственного органа или следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке (часть 6 статьи 148 УПК РФ). Предоставление материалов с нарушением указанного срока считается существенным нарушением закона, требующим прокурорского реагирования.

УПК РФ не решает вопрос алгоритма действий следователя в случае, когда руководитель следственного органа признал постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, и отменил постановление следователя, а прокурор согласился с законностью принятого решения о возбуждении уголовного дела.

— копия постановления следователя о принятии уголовного дела к своему производству, в случае если поручается ему производство по уже возбужденному уголовному делу (часть 2 статьи 156 УПК РФ). Форма и сроки реагирования в УПК РФ не определены.

— копия постановления и протокол, в случае производства следственного действия, ограничивающего конституционные права и предусматривающие получение судебного решения, по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в течение 24 часов с момента начала его производства. Форма реагирования УПК РФ не предусмотрена.

— копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 9 ст. 173 УПК РФ). Форма реагирования не предусмотрена.

— копия постановления о приостановлении производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 208 УПК РФ). Признав решение незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных материалов, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами дела незамедлительно направляется руководителю следственного органа (ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ).

— копия постановления следователя о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 213 УПК РФ). Признав решение незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменяет его, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляются руководителю следственного органа (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Также прокурор уведомляется о следующих действиях:

— о задержании в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого (ст. 92 УПК РФ);

— о передаче уголовного дела в вышестоящий следственный орган для производства предварительного расследования (ч. 6 ст. 152 УПК РФ).

Названные уведомления и предоставления копий обеспечивают осуществление своевременного надзорных функций прокурора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, а также последующего осуществления уголовного преследования в суде. Формы реагирования в рамках надзора не умоляют самостоятельности следователя в принятии решений, а лишь обеспечивают принцип законности¹, реализовывает положения Концепции судебной реформы².

Процессуальная самостоятельность следователя заключается в самостоятельности направления хода расследования, принятии ре-

¹ Среди ученых существует и иная точка зрения о том, что, несмотря на упразднение функций надзора прокурора за предварительным следствием, вышедшие ведомственные документы оставили ситуацию без изменений. См. подробнее: Гулягин А. Ю. Прокуратура как государственно-правовой институт и ее положение в системе правоохраны // Журнал российского права. 2011. № 7. С. 38–48.

Ряд авторов высказывается о необходимости рассмотрения надзорных функций за расследованием в сочетании с уголовным преследованием (Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. С. 126).

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

шения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (пункт 3 части 2 статьи 38 УПК РФ). Данная деятельность согласуется лишь с внутренним убеждением, сформированным на собранных доказательствах. Для обеспечения независимости следователя существуют процессуальные гарантии.

Процессуальная независимость следователя не совместима с постоянным контролем руководителя следственного органа и надзором прокурора.

В практике некоторых структурных подразделений выявлена негативная практика ограничения процессуальной самостоятельности следователя со стороны начальника органа дознания. Он оказывает воздействие на принимаемые решения через руководителя структурного подразделения. Так, например, по материалам проверки, переданным в следственное подразделение после неотложных следственных и иных проверочных действий органа дознания (пункт 3 части 1 статьи 145 УПК РФ). Или при возвращении материала проверки вышестоящим следственным органом органу дознания с письменными рекомендациями, содержащими перечень необходимых проверочных действий для восстановления пробелов, или возвращении материалов в органы предварительного следствия с письмом с соответствующими выводами.

Некоторые авторы считают подобный порядок возбуждения уголовного дела фактическим исключением самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела¹.

В этой связи нельзя согласиться с односторонним толкованием принципа процессуальной самостоятельности следователя — только как право принимать решения по своему внутреннему убеждению².

¹ Бегиев Х. Б. Реализация процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве России // Общество и право, 2010. № 2. С. 206–211.

² Фатальникова Н. Ф. Профессиональная этика сотрудника МВД. Краснодар. 1998. С. 79.

Таким образом, принцип процессуальной независимости следователя — это закрепленное в нормах действующего законодательства положение, состоящее в праве и обязанности следователя принимать процессуальные решения по находящемуся в его производстве уголовному делу и материалам самостоятельно (за исключением решений, требующих разрешения суда), по своему внутреннему убеждению, отвечая в полной мере за их законность, обоснованность, справедливость и своевременное исполнение.

По мнению В. С. Шадрина, «обеспечение процессуальной самостоятельности в свою очередь является важным условием надлежащего обеспечения прав и интересов личности при производстве расследования»¹. В. П. Божьев и А. И. Трусов отмечают, что следователем можно считать такое лицо, которому «... достаточно надежно гарантированы процессуальная самостоятельность, независимость и подчинение только закону...»².

Требования о необходимости получения судебного решения на действия, существенно ограничивающие конституционные права и свободы личности, должны обеспечивать эффективность и оперативность деятельности органов следствия, осуществляющих уголовное преследование³. Некоторыми авторами приводится цитата Ч. Беккариа: «Чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее»⁴.

¹ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право 1994. №4. С. 100

² Божьев В. П., Трусов А. И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. Сборник Академии МВД СССР. — М., 1991. С. 120. Дармаева В. Д. О процессуальной самостоятельности следователя // Следователь: Федеральное издание. — М., 2002. № 10. С. 43–46.

³ Дармаева В. Д. О процессуальной самостоятельности следователя // Следователь: Федеральное издание. — М., 2002. № 10. С. 43–46; Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 12.

⁴ Колоколов Н. А. Проект УПК РФ: суждено ли нам сейчас пройти тернистый путь от иллюзий к реальности // Следователь. 2001. № 4. С. 13–16.

Расширение полномочий суда в рамках досудебного производства нельзя рассматривать как возложение контрольных функций на суд, это лишь приведение норм уголовно-процессуального законодательства в соответствии с Конституцией Российской Федерации. На сегодняшний день увеличен ведомственный контроль; за дознанием вопрос согласования ходатайств сохранен за прокурором. Очень многим практическими работникам такое положение закона позволило не должным образом относиться к постановке согласительных резолюций на ходатайствах следователей. Они забыли о том, что проверка законности, достаточности доказательств и оснований для ходатайства, прогноз судебной перспективы в части виновности лица в совершении инкриминированного деяния и оставлении в последующем квалификации деяния без изменения, остается за ними. Суд лишь проверяет достаточность оснований для проведения того или иного действия, избрания, продления той или иной меры принуждения.

Поэтому, на сегодняшний день мнение о том, что существующие нормы закона породили формальный подход к реализации положений, ограничивающих конституционные права участников, ошибочны.

На стадии предварительного расследования, согласно статьи 5 УПК РФ, следователь выполняет функцию обвинения. Данное нормативное закрепление вызвало множество дискуссий¹ и предложений по

¹ По функциям, осуществляемым следователем на стадии расследования, посвящено несколько исследований, например: Лавдаренко Л. И. Функция следователя в российском уголовном процессе: Проблемы реализации, перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Владивосток, 2001. — 214 с.; Дармаева В. Д. Уголовно-процессуальный статус следователя: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — 218 с.; Ванин Д. В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Саратов. 2003. — 201 с.; Хорьяков С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.09. — М., 2006. — 180 с.; Вартанов А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Краснодар, 2012; Дутов Н. Ю. Процессуальные функции следователя в состязательном уголовном процессе и особенности их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Воронеж, 2012. — 24 с. и др.

реформированию и изменению традиционного понимания уголовно-процессуальных функций.

На нормативно-правовом уровне отсутствует законодательное определение процессуальной самостоятельности следователя, под которой понимается право следователя самостоятельно определять ход следствия по уголовному делу, принимать процессуальные решения, в том числе о производстве следственных действий (за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение судебного разрешения), а также нести ответственность за их своевременное и законное проведение. Процессуальная самостоятельность является необходимой гарантией достижения непосредственно стоящих перед следователем задач, а далее, и задач уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защите личности от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

При производстве следственных и иных процессуальных действий процессуальная самостоятельность следователя характеризуется сочетанием двух основных факторов: с одной стороны, законодатель предоставил ему право решать вопрос о том, какие именно действия он будет проводить в рамках уголовного дела, с другой стороны, это право законодательно ограничено, поскольку есть перечень следственных действий, которые он может проводить только с санкции суда. Это обстоятельство нельзя рассматривать как ущемление процессуального статуса следователя, поскольку судебная санкция требуется только на проведение тех следственных действий, которые ограничивают конституционные права и свободы граждан.

При принятии процессуальных решений следователь вправе свободно оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, опираясь на закон и совесть. Следователь лично ответственен за законность, своевременность и обоснованность принимаемых им решений по поводу возбуждения уголовного дела по своей подследственности, принятия уголовного дела к своему производству, направления хода расследования и производства следственных и иных процессуальных действий по собиранию, проверке и оценке

доказательств, а также по поводу применения мер процессуального принуждения либо, если этого требует закон, возбуждения ходатайства перед судом о принятии такого решения или истребовании согласия руководителя следственного органа.

Вместе с тем, процессуальная самостоятельность следователя в определенной степени ограничивается мерами ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Ведомственный контроль основан на том, что руководитель следственного органа осуществляет внутренний контроль за деятельностью следователя. Он обеспечивает функционирование самого следственного подразделения на базе его организационного единства, решает вопросы материально-технического обеспечения, вопросы кадровой перестановки путем рекомендаций, контролирует уровень служебной нагрузки на следователей и другое. Однако, на наш взгляд, целесообразным является сокращение контрольных функций руководителя следственного органа в части непосредственного воздействия на следователя путем дачи указаний по делу. Также лишены практического и юридического смысла положения закона о предоставлении следователю права не выполнять указания руководителя следственного органа, поскольку такие его действия ему не выгодны, тем, что неизбежно порождают служебный конфликт с руководителем.

Прокурорский надзор представляет собой осуществляемую от имени Российской Федерации деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, состоящую в проверке точности соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на ее территории. Основные полномочия прокурора прописаны в ст. 37 УПК РФ, они условно подразделяются на полномочия на стадии возбуждения уголовного дела и на полномочия на стадии предварительного расследования.

Законом предусматривается право следователя обжаловать ряд решений прокурора, а также возражать относительно требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, в порядке, установленном УПК РФ. Несмотря на то, что некоторыми авторами данное положение расценивается как гарантия процессу-

альной самостоятельности следователя, мы придерживаемся иной точки зрения: сам по себе факт наличия у следователя права обжаловать действия прокурора вышестоящему прокурору скорее не подчеркивает самостоятельность следователя, а наоборот, показывает, насколько он не свободен в принятии решений. Надлежит согласиться с мнением о том, что разумнее предоставить прокурору полномочия по возбуждению и прекращению уголовного преследования, и сократить объем полномочий по надзору за процессуальной деятельностью следователя.

§4. Институты доказательственного права в уголовном преследовании

Процесс доказывания выступает фактической основой уголовного преследования, средством для ее реализации. Соотношение доказывания и уголовного преследования показывает, что процесс доказывания подразумевает «результативное» решение вопроса о квалификации преступления, а при осуществлении уголовного преследования выбор конкретной уголовно-правовой нормы и принятие соответствующего решения являются необходимыми этапами данной деятельности.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, для уголовного преследования несколько ограничен. Доказывание направлено на установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в уголовном преследовании приоритет отдается выявлению элементов формулировки обвинения. Здесь ставится задача по выявлению только тех обстоятельств, которые впоследствии в качестве необходимых элементов войдут в содержание обвинения. В этом смысле уголовное преследование относится к доказыванию как часть к целому.

По мнению Ю. В. Козубенко, уголовное преследование на досудебном этапе предусматривает установление лишь таких обстоятельств, входящих в предмет доказывания, как событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма (его вины и мотивы); обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением, а также

обстоятельства, отягчающие наказание. Иные обстоятельства, влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; исключают преступность и наказуемость деяния; смягчающие наказание и др., обычно не входят в формулировку обвинения, хотя их установление в силу закона обязательно по любому уголовному делу, поскольку они учитываются при назначении судом наказания. Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин отмечают, что данные обстоятельства на формулировку обвинения не влияют, так как не охватываются содержанием предъявленного обвинения

Установление всех перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств относится к завершающему этапу расследования. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, является примерным, поскольку не может учитывать всего многообразия конкретных уголовных дел. Как отмечает М. С. Строгович, «предмет доказывания по уголовному делу нельзя представлять, как нечто застывшее, раз и навсегда определенное, особенно на предварительном следствии».

Структура предмета доказывания определяется уголовно-процессуальным законом, однако основное содержание предмета доказывания определяется уголовным законом. В этом контексте можно выявить закономерные точки соприкосновения, прямую связь между институтами уголовного и уголовно-процессуального права.

Взаимосвязь институтов уголовного права и института уголовного преследования	
Уголовное право	Уголовный процесс
<i>Общая часть</i>	<i>Общая и Особенная части</i>
Основание уголовной ответственности (ст. 8 УК)	Ст. 73 УПК
Понятие преступления (ст. 14 УК)	Ст. 24, 27 УПК
Лица, подлежащие уголовной ответственности (гл. 4 УК)	
Вина (гл. 5 УК)	Основания для подозрения (ст. ст. 46, 91-92, 100, 146, 223.1 УПК и др.)
Обстоятельства, исключают преступность деяния (гл. 8)	Основания для обвинения (ст. 47, 171, 220, 225, 226.7 и др.)

Взаимосвязь институтов уголовного права и института уголовного преследования	
<i>Особенная часть</i>	Основания для применения мер пресечения (ст. 97,99 УПК)
Квалификация по конкретной статье УК РФ	Приговор (ст.ст. 299, 302 и др.)
Принудительные меры медицинского характера	

Следовательно, для вывода о наличии преступления необходимо установить в действиях, квалифицируемых как преступление, признаки, предусмотренные Общей и Особенной частями Уголовного кодекса. В этой связи правильное определение предмета доказывания представляет сложность, так как при возникновении дела сведения о сущности преступления, как правило, бывают неполными и дальнейшее исследование значимых обстоятельств может внести серьезные поправки в первоначальное представление о составе преступления. Неправильное определение предмета доказывания в ходе уголовного преследования влечет за собой негативные последствия. Так, необоснованное сужение предмета доказывания приводит к незаконному, необоснованному уголовному преследованию. Наоборот, расширение предмета доказывания приводит к нарушению сроков расследования и необоснованному уголовному преследованию.

Одной из причин, способствующих неправильному определению круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в связи с уголовным преследованием, заключается в несовершенстве юридической техники в ст. 73 УПК РФ. Так, термин «событие преступления» содержится в уголовном праве, однако применяется в уголовно-процессуальном законе. Понятие «виновность лица» используется в уголовно-процессуальном законе обособленно от понятия «событие преступления», в связи с чем на практике в ходе установления «предмета уголовного преследования» возникают затруднения при уяснении значения понятия «событие преступления», а также того, каким образом это понятие соотносится с понятием «состав преступления» и какое значение придается понятию «виновность

лица». По смыслу ст. 73 УПК РФ под событием преступления понимаются время, место, способ совершения преступления и т. п., т. е. такие признаки состава преступления, которые характеризуют именно объективную сторону состава преступления. Но всякое общественно опасное противоправное действие или бездействие предполагает наличие определенного объекта посягательства, поскольку действие не может совершаться в отрыве от объекта. Поэтому понятие события преступления наиболее тесно связано с такими признаками состава преступления, как объективная сторона и объект преступления. Как справедливо отмечает Л. М. Володина, нельзя согласиться с суждениями о том, что термин «событие преступления», присущий языку уголовно-процессуального закона, условно используется для обозначения круга обстоятельств, характеризующих в основном существенные признаки объективной стороны и объекта преступления», так как с точки зрения теории уголовного права под событием преступления понимается лишь одна из характеристик объективной стороны преступления. Объект же преступного посягательства вообще не охватывается этим понятием. Не сложно увидеть и то, что п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не охватывает своим содержанием и ряд характеристик объективной стороны преступления. Известно, что материальный состав преступления предполагает установление последствий деяния и причинной связи между деянием и наступившими последствиями. Но если последствия деяния как обстоятельства, подлежащие доказыванию, закреплены в п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (характер и размер вреда, причиненного преступлением), то указание на причинную связь в содержании рассматриваемой нормы вообще отсутствует.

На основании анализа данных статей можно лишь прийти к выводу, что понятия «событие преступления» и «виновность лица» не включаются в содержание понятия «состав преступления». Поэтому, исходя из того, что событие преступления находится в наиболее тесной связи с объективной стороной и объектом преступления, следует заключить, что требование ст. 73 УПК РФ о доказывании виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов следует расценивать как указание на необходимость установления обстоя-

тельств, характеризующих субъективную сторону и субъект преступления. По этой причине следует согласиться с тем, внести соответствующие изменения в ст. 73 УПК РФ, содержащие данные понятия, чтобы исключить противоречия в толковании понятий «событие преступления», «состав преступления» и «виновность лица». При этом следует иметь в виду, что установление соответствия расследуемого деяния составу преступления обязательно предполагает и установление лица, совершившего это деяние.

В связи с изложенным интерес представляет вопрос об отождествлении понятий «состав преступления» и «предмет доказывания». Доказыванию по каждому уголовному делу подлежат все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, независимо от того, являются эти обстоятельства признаками состава преступления или нет, имеют они уголовно-правовое значение или не имеют. Установление фактических обстоятельств, в том числе не входящих в «предмет уголовного преследования», но входящих в предмет доказывания по делу, способствует защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Таким образом, попытки отдельных авторов сузить предмет доказывания до «предмета уголовного преследования» не соответствуют назначению уголовного судопроизводства. В случае установления исключительно предмета уголовного преследования, который отождествляется с формулировкой обвинения, образуются препятствия для дальнейшего производства по уголовному делу, не достигается цель уголовного процесса.

Таким образом, при осуществлении уголовного преследования подлежат доказыванию все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, независимо от того, являются они признаками состава преступления и имеют они уголовно-правовое значение, поскольку их установление оказывает положительное влияние на осуществление законного и обоснованного уголовного преследования.

Признаки субъекта преступления характеризуют уголовно значимые свойства, которые присущи лицу, совершившему преступление. В ходе производства по делу должны быть установлены не про-

сто обстоятельства, характеризующие личность преступника, должно быть установлено собственно лицо, совершившее преступление.

Субъективная сторона преступления лишь частично отражена в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы). Законодатель не включил в число устанавливаемых обстоятельств цель преступного посягательства.

Следует отметить, что в настоящее время в юридической литературе обсуждаются и иные проблемы доказательственного права, которые требуют своего разрешения. В частности, процесс доказывания детально урегулирован нормами доказательственного права, а в процессе познания используются и другие возможности, иногда не связанные с правилами доказывания. Познание в уголовном процессе осуществляется не только путем производства следственных действий, информация об обстоятельствах, имеющих значение для раскрытия преступления, предоставляется и в результате производства оперативно-розыскных мероприятий. Объем получаемой информации в ходе производства по делу нередко превышает требуемое количество материалов, определяемое пределами доказывания. Объектом познания в ходе поисково-познавательной деятельности становятся промежуточные (вспомогательные) обстоятельства, не входящие в предмет доказывания. Становясь объектом исследования, они одновременно являются, как правило, средствами установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Кроме того, актуальные вопросы, связанные с современными стандартами доказывания в сфере уголовного преследования, достоверностью и допустимостью доказательств еще требуют разрешения.

Понятия, выработанные наукой уголовного права, должны найти место в конструкции предмета доказывания, он должен охватывать характеристику всех элементов состава преступления; что доказывание в сфере уголовного судопроизводства как процесс познания обстоятельств совершенного преступления, требует четкой законодательной регламентации.

Ст. 171 УПК РФ четко устанавливает требования для выдвижения первоначального обвинения — наличие достаточных доказа-

тельств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. В связи с этим можно говорить о двух взаимосвязанных главных элемента: 1) привлечение в качестве обвиняемого закон связывает исключительно с доказательствами; 2) доказательств должно быть достаточно для обвинения лица в совершении преступления. Достаточность подразумевает такую совокупность, объем доказательств, при которой может быть принято то или иное уголовно-процессуальное решение. Достаточные доказательства о совершении лицом преступления служат основанием для принятия обоснованного решения не только о привлечении в качестве обвиняемого, но и об окончании предварительного следствия, вынесения приговора. Очевидно, что степень доказанности обстоятельств о причастности лица к совершению преступления при принятии указанных решений различна.

При предъявлении первоначального обвинения не все обстоятельства преступления могут быть установлены с достаточной полнотой. Поэтому важно определить предмет и пределы доказывания для привлечения лица в качестве обвиняемого, поскольку принятие названного решения напрямую связано со сроками расследования, своевременностью наделения преследуемого лица правами обвиняемого, оценкой законности и обоснованности обвинения.

В теории уголовного процесса практически отсутствуют споры относительно того, какие обстоятельства, подлежащие доказыванию, необходимо установить на момент привлечения лица в качестве обвиняемого. К ним относят: а) событие преступления, б) виновность лица в совершении преступления, в) отсутствие обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния.

Предмет доказывания обусловлен квалификацией преступления. Действительно, должны быть установлены не только событие в той последовательности и при тех обстоятельствах, как все происходило, но и их соответствующая уголовно-правовая оценка. Устанавливая фактические данные о событии преступления, следователь одновременно выясняет и субъективную сторону преступления, квалифицирующие признаки преступления.

На последующем этапе расследования субъект уголовного преследования делает выводы о том, во-первых, установлены ли фактические обстоятельства деяния и является ли оно преступлением; во-вторых, все ли элементы состава преступления в равной мере доказаны. При необходимости следователь должен определить формы соучастия, является ли преступление оконченным, разграничить признаки смежных составов, преодолеть их конкуренцию и т. д.

Он должен вынести решение, основанное не на предположениях или непроверенных данных, а именно на доказательствах, достаточных для предъявления обвинения; что все эти доказательства собраны в установленном законом порядке, исследованы, оценены и проверены в той мере, какой это возможно до допроса обвиняемого, их совокупность подтверждает сделанный следователем вывод и исключает на данном этапе возможность иного решения. Эти общие правила доказывания наиболее актуальны для уголовного преследования.

Как справедливо отмечают Н. П. Ефремова, В. В. Кальницкий, указывая на ошибочность действий органов расследования, часто предъявляя обвинение, следователи делают акцент на установлении обстоятельств объективной стороны преступления, полагая возможным оценить субъективную сторону преступления позже. Характеристика подозреваемого (потерпевшего), чаще всего приобщается к материалам уголовного дела уже после предъявления обвинения, довольно распространены случаи назначения судебно-психиатрической экспертизы после предъявления обвинения. На такой же «поздний» период откладывается проверка и оценка обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

В связи с этим предмет доказывания для определения основания привлечения в качестве обвиняемого должен включать все обстоятельства, позволяющие сделать вывод о наличии объекта, субъекта преступления, объективной и субъективной стороны преступления. Так, ошибки в оценке доказательств субъективной стороны преступления нередко являются причиной прекращения уголовного пресле-

дования в отношении обвиняемого где неочевидность умысла требует тщательного исследования.

Достаточность доказательств для выдвижения обвинения имеет место при установлении следующих обстоятельств: установление события преступления: времени, места, способа, других обстоятельств совершения преступления (например, размера причиненного вреда); подтверждение виновности данного лица к совершению преступления; соответствие обвинения уголовно-правовым требованиям к субъекту противоправного деяния: а) достижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 20 УК РФ), б) отличительные признаки отдельных субъектов (например, признаки должностного лица); установление формы вины, мотивов, цели; отграничение преступления от действий, не являющихся таковым. При совершении преступления в соучастии должны быть установлены форма и вид соучастия для данного лица; провержение подозрения в отношении других лиц, преследуемых за совершение преступления; отсутствие других сведений, имеющих уголовно-правовое значение (например, обстоятельств, указанных в Главе 8 УК РФ) либо уголовно-процессуальное (отсутствие согласия Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного суда Российской Федерации и др.).

По словам Л. М. Карнеевой, «применительно к привлечению к уголовной ответственности необходимая степень доказанности каждого из обстоятельств зависит от того, входит ли оно в обоснование обвинения».

Установление указанных обстоятельств имеют также значение для определения оснований и применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Пределы доказывания для выдвижения обвинительного тезиса представляют собой объем доказательств, достаточных для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, определяющих необходимость и возможность принятия соответствующего решения. Доказательства оцениваются следователем, дознавателем, прокурором, судом по внутреннему убеждению. При этом правило полноты и объективности, несмотря на противоречивые суждения

различных юристов о его существовании, должно служить ориентиром при принятии ответственного процессуального решения о виновности лица, совершившего преступление.

Оценка доказательств строится на внутреннем убеждении должностных лиц, принимающих процессуальные решения, которую сложно «алгоритмизировать». Однако определенные правила оценки доказательств предусмотрены в законе (ст. ст. 88, 87, 89, 17, 75 УПК РФ).

В юридической литературе по уголовному процессу, так и в современных источниках, посвященных исследованию проблем доказывания, нет единства в оценке достоверности вывода о достаточности доказательств для формулирования обвинения. Большинство авторов считают, что наличие основания для принятия данного решения не всегда равно достижению достоверности. З. З. Зинатуллин, делая вывод о достоверности знаний, лежащих в основе принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого, считает, что «для формулирования первоначального обвинения следователю необходимо располагать совокупностью достоверных доказательств, из которых складывается соответствующий состав преступления», а равно другие обстоятельства, которые влияют на квалификацию. В литературе высказывается также мнение, что достоверное знание следует подразделять на вполне достоверное и практически достоверное, и следовательно, исходя из такой характеристики, делает практически достоверный вывод. Нам представляется, что дискуссия о том, вероятный или достоверный вывод лежит в основе принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого, может иметь значение для оценки обоснованности принятого следователем решения.

Поскольку виновность определяет суд, он (вывод следователя) предварительный. Тем не менее, определяя причастность лица к совершению преступления, орган расследования, также как прокурор и суд (каждый в пределах своей компетенции) отвечают на основной вопрос уголовного дела — вопрос о виновности лица.

В настоящее время уголовное преследование включает в себя деятельность не только по обвинению, но и по подозрению. Привлечение лица к уголовному преследованию начинается гораздо раньше,

в частности уже с принятием решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица или при задержании лица по подозрению в совершении преступления. Рассмотрение обвинения через понятие «утверждение» означает, что на этапе привлечения в качестве обвиняемого впервые на стадии предварительного расследования имеющиеся на данном этапе сведения о совершении преступления признаются от имени государственного органа достоверными и достаточными для определения кто и какое именно преступление совершил. Обвинение понимается, прежде всего, как доказанное утверждение. Поэтому обоснованность решения следователя о привлечении в качестве обвиняемого напрямую связана с оценкой доказательств¹.

В основе принципа свободы оценки доказательств лежит внутреннее убеждение суда, прокурора, следователя, дознавателя (ст. 17 УПК РФ). В формировании внутреннего убеждения, на наш взгляд, заключается современный подход следователя к принятию решения о привлечении в качестве обвиняемого на современном этапе уголовного судопроизводства, а именно:

1) оценка доказательств с позиции их допустимости.

В соответствии с ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. При буквальном прочтении данной нормы можно говорить о ничтожности доказательства при любом, даже формальном нарушении. Недопустимым в этом случае считается и производное от него (вторичное) доказательство.

В следственной и судебной практике нет единообразного понимания некоторых сведений, имеющих значение для дела, которые могут быть отнесены (или не отнесены) к доказательствам в качестве иных документов. Перечень непоследовательно разрешенных в законодательстве и спорных в теории вопросов велик.

¹Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография. — 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М.: «Норма», «ИНФРА-М», 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

В оценке достаточности доказательств следователь, естественно, соизмеряет свои выводы с предписаниями других правовых институтов.

Множество «новых» процессуальных факторов, влияющих на внутреннее убеждение следователя, с одной стороны, усложняют сам процесс формирования убеждения, с другой — повышают для следователя планку обоснованности предъявленного обвинения.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ деления уголовно-процессуальных нарушений на существенные и несущественные, судебная практика, как это следует, в частности, из руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, исходит из права следователя и суда оценить степень существенности нарушения, проверить достоверность содержащихся в нем сведений и использовать «спорное» доказательство в обоснование вины. Например, вправе допросить понятых, других лиц, участвовавших при производстве следственных действий, получить аналогичные сведения из других источников и т. д.

Среди ученых и правоприменителей суждения о недопустимости доказательств нет единства.

2) построение уголовного судопроизводства по УПК РФ все более подтверждает вывод о том, что уголовный процесс — это то, что судом воспринято, судом исследовано.

Возможности использования материалов досудебного производства в суде снижены, в частности показаний, полученных на предварительном расследовании. При неявке свидетелей и потерпевших в судебное заседание их показания могут быть оглашены с согласия сторон. Исключения из этого общего положения рассчитаны на очень редкие для практического применения случаи (ч. 2 ст. 281 УПК). Следователь может предполагать, скажем, что свидетель, не имеющий постоянного места жительства, в суд не явится. В условиях состязательного спора сторон в суде совокупность доказательств, подтверждающих обвинение, может оказаться иной (изменение показаний в суде, неявка свидетелей, появление новых данных о личности и т. п.).

Оправдательный приговор, прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям не всегда свидетельствовали о необос-

нованности обвинения, предъявленного на предварительном расследовании. При оценке законности и обоснованности исходили из наличия доказательств на момент принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого. Недаром чаще всего с непониманием воспринимались следователем выводы, при которых ставился знак равенства между числом лиц, в отношении которых вынесен оправдательный приговор или прекращено уголовное преследование, и лиц, привлеченных к уголовной ответственности необоснованно.

Сегодня этот разрыв в оценке доказательств на предварительном следствии и в суде усилился.

Логика рассуждения следователя примерно такова: если есть сомнения в достаточности доказательств обвинения, предпочтительнее не рисковать, чтобы не допустить оправдательного приговора, даже если это противоречит интересам потерпевшего. В лучшем случае, как полагает он, изыскать возможность прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, в худшем — прекратить уголовное преследование по реабилитирующим основаниям, в том числе ввиду непричастности к совершению преступления. Только тогда логика рассуждения следователя будет иной, когда станет стабильной, общепризнанной позиция, заключающаяся в том, что оправдательный приговор это не обязательно результат некачественного расследования уголовного дела, а результат состязательного спора между сторонами, в котором правда (или удача) оказалась на стороне защиты.

На позицию следователя при формулировании обвинительного тезиса немалое влияние оказывает регламентированный УПК РФ институт реабилитации. В данном случае представляет интерес разрешение вопросов реабилитации лица при частичном прекращении уголовного преследования. В части 1 ст. 133 УПК предусмотрено, что государством возмещается вред гражданину в результате уголовного преследования (выделено нами), независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Если в прежние годы при квалификации преступлений по совокупности или квалификации нескольких преступлений разными нормами УК, неподтвер-

ждение обвинения по одной из норм УК, при условии доказанности обвинения по другой, не влекло возникновения права на реабилитацию, УПК РФ такое право предоставляет.

При оценке законности привлечения в качестве обвиняемого, с принятием УПК РФ еще более актуальным становится вопрос о сроках вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Изучение уголовных дел, по которым в отношении подозреваемых мера пресечения не избиралась, либо избранная мера пресечения не была связана с лишением свободы, показало, что предъявление обвинения на завершающем этапе расследования, а по существу практически одновременно с окончанием производства следственных действий, явление довольно распространенное.

Уголовно-процессуальный закон обязывает следователя не только предъявить обвинение лицу, в отношении которого собраны достаточные доказательства его причастности к совершению преступления, но и изменить обвинение при выявлении новых обстоятельств. После предъявления обвинения следователь продолжает расследование до тех пор, пока с достаточной полнотой не будут установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и имеется потребность в осуществлении следственных и других процессуальных действий. Продолжение расследования после предъявления обвинения связано со следующими обстоятельствами: установлены новые данные: о личности обвиняемого (вменяемость, возраст, характеризующие данные); размере вреда, причиненного преступлением; обстоятельствах совершения преступления (о соучастниках, распределении ролей, способе); виновности лица в совершении преступления (или невиновности), форме вины и мотивах. Причем новые доказательства чаще всего напрямую были связаны с обвинительным тезисом, сформулированным в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого: дополнительно подтверждали установленные данные и усиливали доказательственную базу по предъявленному обвинению, либо устанавливали новые данные (например, о размере вреда, способе совершения преступления, распределении ро-

лей и т. п.); и только в отдельных случаях — опровергали установленный ранее обвинительный тезис полностью либо в части.

УПК РФ допускает корректировку предъявленного обвинения. Статья 175 УПК РФ регламентирует порядок изменения и дополнения обвинения, а также порядок действий при неподтверждении обвинения в части. Основания таких решений в законе четко не сформулированы, но вытекает из содержания норм: «Если в ходе предварительного следствия появятся основания для изменения обвинения» (ч. 1 ст. 175 УПК), «Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения...» (ч. 2 ст. 175 УПК). Причины изменения обвинения обусловлены как объективными, так и субъективными факторами.

ГЛАВА 2

ДЕЙСТВИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА, СВЯЗАННЫХ С УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ

§ 1. Институты обвинения и подозрения в уголовно-процессуальном праве и процессуальный статус лиц, подвергаемых уголовному преследованию

Институт понятия «обвиняемый» разработан в российской литературе не совсем основательно. Это объясняется тем, что по сей день не имеется единого определения данного термина, имеются разногласия по этому вопросу, применяются различные подходы к выявлению сущности этого понятия, определению его значения для общества в целом, раскрытию его содержания, принципов и т. д.

Понятие «обвиняемый» всегда занимало важное место в уголовном процессе и этот термин можно назвать одним из ключевых в уголовном судопроизводстве. Именно обвиняемый, как правило, стоит в центре процесса суда по уголовному делу, так как само уголовное дело было возбуждено по причине действий лица, которое в дальнейшем признано «обвиняемым», то есть действия обвиняемого повлекли за собой необходимость возбудить дело и производить расследование и рассмотрение этого дела в суде. То есть, без обвиняемого не было бы и уголовного судебного процесса. При этом, в установленных законодательством случаях, судом выносится приговор и применяется наказание в отношении обвиняемого. Содержание понятия «обвиняемый» тесно связано с функционированием государственных органов, которые обеспечивают развитие уголовного процесса. Стоит отметить, что законодательство должно исполняться

и самими сотрудниками правоохранительных органов. В противном случае, органы власти не будут обладать моральным правом требовать этого от других и, значит, не смогут создать условия должного порядка, дисциплины и организованности в социуме.

В литературе по уголовно-процессуальному праву интерес к фигуре обвиняемого всегда имел место. Проблема определения процессуального статуса понятия «обвиняемый» интересовала многих ученых-правоведов. Но, не смотря на это, вопрос о понятии обвиняемого по сей день остается дискуссионным и не до конца определенным. Среди ученых, чьи работы посвящены исследованию процессуального положения обвиняемого можно выделить И. А. Бахромова, И. В. Смолькову, Е. Л. Комбарову, М. Л. Позднякова, А. С. Александра, А. П. Кругликова и др.¹ Бахромов И. А. отмечает, что для рассмотрения понятия «обвиняемый» в уголовном процессе следует условно основываться на трех аспектах: историческом, теоретическом, практическом. Данный автор считает, что это даст возможность раскрыть сущность исследуемого понятия. Отметим, что под историческим аспектом автор подразумевает определение понятия «обвиняемый» в исторических формах уголовного судопроизводства, под теоретическим — мнения и точки зрения ученых, под практическим — опыт применения законодательства. И. А. Бахромов, в рамках исторического аспекта понятия «обвиняемый», предлагает уделить внимание историческим формам уголовного процесса. Автор отмечает, что, изучая эти формы можно выделить признаки, характерные для обвиняемого и его правового статуса в уголовном судопроизводстве. При этом, под историческими формами будем понимать

¹ Кругликов А. П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 106–112; Комбарова Е. Л. Мировой суд России: уголовное судопроизводство. — М., Юрлитинформ, 2015. С. 57; Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2014. № 1 (25). С. 78–82.

первоначальные идеи реального уголовного процесса, то есть его первоисточки, стандарты, нормы¹.

Данное понятие было уже введено в советский период в литературе по юриспруденции. В этот период под понятием «исторические формы» как правило подразумевали три вида:

- состязательный процесс;
- розыскной процесс;
- смешанный процесс.

А. В. Смирнов отмечает, что иногда, в качестве самостоятельной составляющей к указанным выше формам добавляли обвинительную разновидность². П. А. Лупинская предлагает несколько иную структуру исторических форм уголовного процесса. Данный автор выделяет следующие исторические формы:

- частно-исковой или обвинительный процесс;
- розыскной (инквизиционный) процесс;
- состязательный процесс;
- смешанный процесс

Таким образом, мы видим, что в отличие от ученых советского периода, П. А. Лупинская выделяет такую составляющую как обвинительный процесс. В ходе изучения научных трудов ученых-правоведов, мы пришли к выводу, что не всегда лицо, которое сегодня принято называть обвиняемым так именовали. То есть, в каждой исторической форме уголовно-законодательного процесса обвиняемый, как основная фигура этого процесса, именовался по-разному, что привело к тому, что в разный период развития уголовного процесса «обвиняемый» имел и разный правовой статус. Рассмотрим каждую историческую форму уголовно-законодательного процесса и выявим то, как в каждой из них назывался обвиняемый, а также каким правовым статусом обладал. Нами ранее определено, что первая

¹ Бахромов И. А. Понятие обвиняемого: законодательная основа и взгляды ученых-процессуалистов // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2011. № 4. С. 47–53.

² Смирнов А. В. Исторические формы уголовного процесса: учеб. пособие. СПб.: СПб ГИЭУ, 2002.

историческая форма уголовного процесса названа частно-исковой или обвинительный процесс. Данная форма была выделена П. А. Лупинской. В этой исторической форме уголовного процесса название обвиняемого — «ответчик». То есть, в ходе судебного процесса по уголовному делу, с одной стороны выступал ответчик, с другой, обвинитель (истец)¹. При этом, можно выделить признак, который позволяет отнести ответчика в первой исторической форме уголовного процесса к обвиняемому. Это наличие двух сторон в ходе судебного разбирательства: с одной стороны истец, который, как правило, рассматривается как потерпевшая сторона, с другой — ответчик, который рассматривается как обвинительная сторона. При этом, каждая из указанных сторон самостоятельно осуществляет ведение своего дела и их следует рассматривать как равные, то есть не только обвинитель предоставляет доказательства вины ответчика, но и обвиняемый обладает правом предоставлять доказательства своей невиновности. А. В. Смирнов отмечает, что право на защиту имеет и обвиняемый. То есть, согласно мнению А. В. Смирнова, с которым мы солидарны, лицо, обладающее статусом «обвиняемый» следует считать невиновным до момента доказательства обратного². Рассмотренная нами форма подразумевает осуществление уголовно-судебного разбирательства гласно, в публичном месте и в устной форме. Теперь перейдем к рассмотрению второй исторической формы уголовного процесса, которая получила название «розыскной (инквизиционной) процесс». Обвиняемый в контексте данной исторической формы обладает иным правовым статусом, нежели в частно-исковом (обвинительном) процесс. Отличия заключаются в том, что в розыском процессе: 1) обвиняемый не может защищать себя, не должен спорить с обвинителем и доказывать свою невиновность; 2) следователи и судьи решают как будет происходить процесс, никто не обязан ничего объяснять обвиняемому, даже разъяснять в чем его обвинили;

¹ Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. — М.: «Норма», 2009.

² Смирнов А. В. Исторические формы уголовного процесса: учеб. пособие. — СПб.: СПб ГИЭУ, 2002.

3) только суд и обвинитель имеют право знакомиться с обвинением. Обвиняемый, дабы не допустить возможности введения с его стороны в заблуждение суда, лишен права знать обстоятельства расследования дела¹. Такие же отличительные особенности правового статуса обвиняемого в розыском процессе отмечают В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. Изучив точку зрения данных авторов, мы пришли к выводу, что довольно часто процесс предварительного расследования схож некоторыми элементами с процессом ведения розыска. Например, как в ходе предварительного расследования, так и в ходе розыска, само расследование ведется негласно. При этом, это осуществляется в письменной форме. Кроме того, обвиняемый лишен самостоятельно собирать доказательства, которые позволят признать его невиновным. При возникновении спора между обвинителем и стороной защиты меры по разрешению данного спора, как правило, применяются представителями стороны обвинения»². Описанные нами элементы предварительного расследования, схожие с элементами розыского процесса отрицательного воздействовали на формирование правового положения обвиняемого. В состязательном процессе (третья историческая форма уголовного процесса) обвиняемый как и в случае обвинительного процесса, наделен правом производить защиту себя и приводить доказательства своей невиновности. Здесь, стоит отметить две особенности, которые выделил в данной форме А. В. Смирнов. Первая особенность заключается в том, что обе стороны (обвинения и защиты) равны. Вторая особенность — необходимо наличие третьей стороны, которую представляет нейтральный независимый суд.

Таким образом, наделив обвиняемого как участника уголовного процесса правом на защиту, законодательство дало возможность прекратить рассматривать его только лишь в качестве предмета исследования, что позволяет изучать данного участника уголовного процесса как самостоятельную сторону в деле. Третья историческая форма

¹ Фойницкий И. Я. Курс советского уголовного судопроизводства. — Т. 2. — СПб.: «Альфа», 1996. 8

² Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2008.

уголовного процесса имеет две составляющие. Первую, А. В. Смирнов назвал публично-исковая форма. Особенностью этой формы является то, что обвинителем может быть лишь специализированный государственный орган, например, прокуратура. Вторую составляющую состязательного процесса А. В. Смирнов назвал частно-исковой формой. Эту форму отличает то, что обвинитель — это частное лицо¹. Однако, обе рассмотренные формы — это составляющие состязательного процесса, а значит, как в первой, так и во второй обвиняемая сторона и сторона защиты равны в ходе уголовного разбирательства. Четвертая историческая форма уголовно-законодательного процесса получила название смешанной, так как для этой формы характерно наличие как черт розыска, так и черт состязательного процесса. Однако, такое объединение создает определенные сложности для обвиняемого. Во-первых, эти сложности возникают при применении права обвиняемого на защиту, во-вторых, обвиняемый не может знакомится с сутью дела и его расследованием. В-третьих, обвиняемый испытывает трудности при использовании права предоставлять доказательства своей невиновности. Такие трудности свидетельствуют о том, что смешанной форме больше присущи черты розыскного процесса, нежели состязательного. Проведенный нами анализ особенностей фигуры обвиняемого, позволяет сделать вывод, что это понятие может быть рассмотрено в четырех исторических формах уголовного процесса.

В каждой форме обвиняемый обладает разными признаками. Опираясь, на материал, описанный выше, представим в таблице 1 все формы уголовного процесса и признаки, присущие обвиняемому в каждой из этих форм.

¹ Смирнов А. В. Исторические формы уголовного процесса: учеб. пособие. — СПб.: СПб ГИЭУ, 2002.

Признаки обвиняемого в формах уголовного процесса

Обвинительный процесс	Розыскной процесс	Состязательный процесс	Смешанный процесс
принимают участие две стороны: 1) обвинитель (истец), являющийся чаще всего потерпевшим; 2) обвиняемый (ответчик). Обе стороны при этом принято считать равными и они, как правило, самостоятельно ведут свое дело. Как обвинитель, так и обвиняемый имеют право предоставлять доказательства	— у обвиняемого не было прав защищаться и состязаться с обвинителем; — обвиняемый являлся объектом в руках следователей и судей; — обвиняемый был лишен возможности знакомиться с обвинением	1) равенство сторон обвинения и защиты; 2) наличие нейтрального независимого суда	— обвиняемый испытывает существенные препятствия в реализации своих прав: — на защиту и прав иметь защитника; — на знакомство с содержанием дела; — на предоставление доказательств для того, чтобы доказать свою невиновность

Согласно части 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемый — это лицо, в отношении которого выполнены следующие условия: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление. При этом, обвиняемый, в зависимости от того решения, которое будет принято судом, будет называться по-разному. Так согласно ч. 2. ст. 47 УПК РФ обвиняемый может быть признан: 1) подсудимым; 2) осужденным; 3) оправданным.

Некоторые авторы, исследуя рассматриваемое понятие «обвиняемый» пришли к выводу, что существует, помимо уже рассмотренных, еще одна ситуация, в которой гражданин может быть назван обвиняемым. Такая ситуация может быть вызвана, если уголовное дело рассматривается в мировом суде по уголовному делу частного обвинения. Изучив уголовный кодекс РФ, точнее его нормы, касающиеся

правового статуса «обвиняемый», а именно ч. 1 ст. 47 УПК РФ, мы пришли к выводу, что такая ситуация имеет в данном документе места. Однако, анализ литературы показывает, что эта ситуация некоторыми авторами считается возможной. Например, Ю. В. Свиридова пишет о том, что если в отношении некоего лица подано частным обвинителем заявление, то это лицо наделяется статусом «обвиняемый». В этом случае, данный статус присваивается человеку, как только обвинитель подал заявление¹. Следует не согласиться с автором, так как наделение лица статусом «обвиняемый» не должно осуществляться с момента подачи заявления частного обвинителя, так как такое понятие как «подача» отсутствует как правовая категория в уголовном законодательстве. Более целесообразно будет присваивать лицу статус «обвиняемый» с момента принятия заявления в мировой суд. Такая правовая категория имеет место в законодательстве и прописана в ч. 3 ст. 319 УПК РФ. Но и в этом случае стоит понимать, что такое понимание возникновения статуса «обвиняемый» не имеет оснований в УПК РФ. Это объясняется тем, что в уголовном законодательстве отсутствует норма, позволяющая признавать человека обвиняемым, если в отношении него принято заявление мировым судьей. По мнению Е. Л. Комбарово́й лицо, в отношении которого подано заявление от частного обвинителя, может быть наделено правовым статусом «обвиняемый» после того, как в мировом суде будет осуществлено ознакомление этого лица с материалами уголовного дела, а также будет вручена копия поданного заявления. При этом, лицу, в отношении которого будет присвоен статус «обвиняемого» должны быть разъяснены мировым судьей права в ходе судебного заседания². Однако, точка зрения Е. Л. Комбарово́й, по нашему мнению, не совсем верна, так как, при таком рассмотрении целесообразнее вести речь не о статусе «обвиняемый», а о статусе «подсудимый». Согласно мнению Э.Ф. Куцовой, лицо, в отношении

¹ Свиридова Ю. В. Применение особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2005. № 8. С. 32–36.

² Комбарова Е. Л. Мировой суд в России: уголовное судопроизводство. — М.: Юрлитинформ, 2015. С. 32.

которого подано заявление по делу частного обвинения, приобретает статус «подсудимый». Это означает, что если заявление подано частным обвинителем в отношении некоторого лица, то это лицо вообще не рассматривается как обвиняемый. То есть, данный автор в такой ситуации исключает возникновение рассматриваемого нами статуса и ведет речь о статусе «подсудимый». В качестве момента возникновения статуса подсудимого, Э. Ф. Куцова предлагает признать момент разъяснения прав лицу, в отношении которого применяется этот статус, мировым судьей. В случае неявки этим лицом в суд, ему направляется копия поданного в отношении него, заявления, при этом прилагаются письменные разъяснения прав подсудимого¹. Таким образом, проанализировав статьи УПК РФ, которые связаны с понятием «обвиняемый», можем сделать вывод, что до сих пор не определен момент, с которого гражданин, в отношении которого было написано обвинителем заявление, если он не явился в мировой суд, будет наделяться статусом «обвиняемый». Согласно точке зрения М. Л. Позднякова, само слово «обвиняемый» демонстрирует роль, предназначенную ему российским уголовно-процессуальным законодательством².

Анализируя отечественную уголовно-процессуальную литературу, приходим к выводу, что авторами высказывается мнение о том, что возможно выделение в отдельную категорию статуса «обвиняемый» является не целесообразным. Такой точки зрения придерживается А. П. Кругликов. Данный автор считает, что согласно презумпции невиновности следует вообще исключить понятие «обвиняемый» из уголовного судопроизводства. Чтобы разобраться в том, надо ли исключать понятие «обвиняемый» из уголовного процесса, А. П. Кругликов формулирует вопрос следующим образом: «Если подразумевается, что обвиняемый до вступления в отношении него

¹ Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1973. С. 52.

² Поздняков М. Л. О возможности обжалования доказанности вины по приговорам, постановленным в особом порядке (глава 40 УПК РФ) // Евразийская адвокатура. 2012. № 1. С. 43–49.

обвинительного приговора в законную силу является лицом, невиновным в совершении преступления, то каким же участником уголовного судопроизводства должно быть лицо, представшее перед судом?»). В ходе исследования А. П. Кругликов находит решение, которое заключается в исключении правового статуса «обвиняемый» из уголовного кодекса. Он склонен считать, что будет достаточно понятия «подозреваемый». При этом он предлагает рассматривать участника уголовного процесса, в отношении которого ведется судебное разбирательство невиновным, пока его вина не будет доказана и обвинительный договор не вступит в силу. И если принимать это мнение, то получается, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство является лишь подозреваемым. Об этом свидетельствует и тот факт, что если ведется расследование и не имеется доказательств вины некоего гражданина, то можем говорить лишь о том, что существует только подозрение, что этот человек может быть виновным в преступлении, а значит и статус должен иметь название «подозреваемый», а не «обвиняемый». Исходя из таких умозаключений, А. П. Кругликов предлагает исключить из УПК РФ статус «обвиняемый» и применять лишь статус «подозреваемый». Чтобы это реализовать в действительности потребуется дополнить ст. 46 УПК РФ положением. Согласно новому положению, в качестве подозреваемого будет считаться лицо, в отношении которого вынесено постановление о предъявлении обвинения либо обвинительный акт, либо обвинительное постановление. А. П. Кругликов считает, что такая мера будет способствовать и совершенствованию процесса расследования, так как в этом случае органам предварительного расследования придется тщательнее осуществлять сбор доказательств виновности или невиновности подозреваемого¹. Кроме того, судья будет осознавать, что лицо, в отношении которого ведется судебное разбирательство ещё не признано виновным, то есть ему не присвоен статус «подсудимого» и этот гражданин лишь подозревается в совершении преступления. Такое осознание сути дела судьей будет

¹ Кругликов А. П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самар. гос. ун-та. 2014. № 11/2. С. 106–112.

способствовать более внимательному процессу изучения и оцениванию представленных в деле доказательств, а также доказательств, которые были получены в ходе судебного следствия. В представленной выше идее автора есть некоторый смысл и интерес, но если исключить статус «обвиняемый» из уголовного процесса, то это приведет к радикальным переменам почти каждого главного института уголовного права. Речь идет о таких институтах уголовного судопроизводства как:

- презумпция невиновности обвиняемого;
- права обвиняемого на защиту досудебного расследования;
- процедура задержания и т. д.

Такие изменения приведут также к тому, что из уголовного процесса придется исключить не только «обвиняемого», но и «подсудимого». Таким образом, исключение статуса «обвиняемый» считаем нецелесообразным, так как это возможно только через реализацию кардинальной реформы уголовного права. Такая реформа, в принципе, как и любая другая требует денежных средств. В данном случае считаем нецелесообразным расходовать государственные ресурсы на то, чтобы исключить статус обвиняемого из уголовного права, так как возможны и иные пути разрешения данной проблемы. Для выявления данных направлений продолжим анализировать понятие «обвиняемый». Совершенно очевидно, что появление статуса «обвиняемый» в уголовном процессе возникло по определённым причинам. При наличии достаточного комплекса фактов, которые дают право выдвинуть аргументированное предположение о причастности некоего лица к преступлению, в отношении которого идет расследование, возникала необходимость введения некоторого статуса, который, в случае доказательства выдвинутой версии переходил бы в статус «подсудимый», а в случае опровержения данной версии — в статус «оправданный». Именно поэтому, возникло понятие «обвиняемый». Однако, некоторые ученые предлагали ввести не только понятие «обвиняемый», но и другие термины. Например, С. Ю. Косарев считает, что в уголовный процесс следовало бы ввести дополнительное понятие. Данный автор предлагает помимо статуса «обвиняемый» ввести в уголовное судопроизводство понятие «квазиобвиняемый». Это по-

нятие необходимо, по мнению С. Ю. Косарева, для характеристики обвиняемого в выделенном уголовном деле. Автор отвечает, что нередко случаи в судебной практике, когда по выделенному уголовному делу ведется допрос ранее обвиняемого в «старом» уголовном деле как свидетеля. Однако, это нарушение прав обвиняемого, которые прописаны в ст. 48 Конституции РФ и ст. 47 УПК РФ. Опираясь на такое замечание, С. Ю. Косарев и предлагает ввести понятие «квазиобвиняемый», наделив его и правами обвиняемого, прописанными в ст. 47 УПК РФ, а также правами свидетеля, установленными ст. 56 УПК РФ¹⁸. Нам представляется введение данного термина не целесообразным, кроме того само название не совсем удачно, слово «квази» переводится как «мнимый», «не настоящий»¹. Таким образом, опираясь на изученный материал, выделим основные моменты, позволяющие охарактеризовать личность обвиняемого:

1. Обвиняемым может быть признан только конкретный человек.
2. Для привлечения лица в качестве обвиняемого необходимо, чтобы в установленном законом порядке было вынесено постановление.
3. Лицо, являющееся обвиняемым наделяется при этом специальным правовым статусом.

Суть этого статуса состоит из различных характеристик, главными среди которых является право на защиту.

Таким образом, проведенный анализ доказывает, что вопрос, касающийся процессуального статуса «обвиняемый», который на первый взгляд кажется беспроблемным и ясным, не вызывающим споров в юридической литературе, на самом деле еще требует дополнительных исследований. Необходимо установить четкие нормы в отношении данного понятия в законодательстве. В первую очередь, речь идет об установлении соответствия этого понятия презумпции невиновности. А также следует конкретизировать момент возникновения статуса «обвиняемый», а также внести ясность в содержание правового статуса данной фигуры уголовного процесса.

¹ Косарев С. Ю. О проблеме определения статуса обвиняемого в выделенном уголовном деле // Вестник Санкт-Петерб. юрид. акад. 2014. № 2. С. 79–82.

Понятие «подозреваемый» и процессуальные проблемы, связанные с его появлением в уголовном процессе

Проблемам правового статуса подозреваемого значительное внимание уделялось в отечественных литературных источниках советского, а также постсоветского периодов. Отдельные вопросы в отношении фигуры подозреваемого в уголовном процессе, а также его процессуальный статус исследовались многими учеными-правоведами. Большую работу по изучению правового положения подозреваемого проделали российские правоведы. Именно они предприняли серьезные шаги к разрешению проблем осуществления законных прав подозреваемого. И все же, больше число трудов ученых создана во время действия УПК РСФСР (в том числе, и до того, как была принята Конституция РФ в 1993 г.). Это не дало возможности описать в них современную позицию нашей страны в отношении главной ценности человека — его прав и свобод. Таким образом, ряд проблемных вопросов в отношении прав и статуса подозреваемого, несмотря на большое число научных трудов, до сих пор не решены и требуют своего аргументированного решения. Рассмотрим понятие «подозреваемый», которое представлено в УПК РФ. Согласно ст. 46 «подозреваемым является лицо: 1) в отношении, которого возбуждено уголовное дело; 2) которое задержано по подозрению в совершении преступления; 3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения; 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления.

Законодательный состав определения понятия «подозреваемый», по нашему мнению, признать окончательной и без изъянов, не представляется возможным. Это можно объяснить тем, что этот состав опирается на простое перечисление элементов возникновения данной фигуры в уголовном процессе. К этим элементам относятся:

— возбуждение дела в отношении лица;

— применение задержания или мер пресечения к определенному лицу до того, как ему было предъявлено обвинение. Отметим, что применение к конкретному лицу уголовного преследования можно рассматривать только как результат наличия реальных оснований

к тому, чтобы наделить лицо статусом «подозреваемый». Таким основанием будет являться наличие «подозрения», то есть фактических сведений, которые позволяют делать вывод в отношении причастности конкретного лица к совершенному преступлению. Именно подобный подход, то есть тот подход, который подразумевает объяснение причин, по которым некое лицо надо рассматривать как конкретного участника уголовного процесса, использует законодатель для толкования понятия большинства других участников уголовного процесса. К таким участникам относятся: потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, свидетель и т. п. Для более точного понимания процессуального статуса подозреваемого необходимо рассмотреть полномочия защитника, потому что права и обязанности подозреваемого тесно взаимосвязаны с полномочиями стороны защиты. Чтобы изучить полномочия стороны защиты рассмотрим п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ. В данном пункте сказано, что момент, с которого защитник может приступать к своим полномочиям — это момент фактического задержания лица, в отношении которого будет применяться статус «подозреваемый». Исходя из этого, понимаем, что полномочия стороны защиты начинают действовать с момента захвата и лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в преступлении. Этот пункт законодательства применим лишь при наличии следующих условий: 1) должен быть оформлен должностным лицом протокол задержания согласно ст. 91 и 92 УПК РФ; 2) должна быть избрана мера в отношении подозреваемого пресечения в виде заключения под стражу судебным постановлением об избрании меры (п. п. «б» п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Положение о принятии участия защитника с момента начала реализации мер процессуального принуждения либо иных процессуальных действий, которые затрагивают права и свободы подозреваемого, но когда уголовное дело возбуждено, закреплено п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Федеральным законом от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ часть 3 ст. 49 УПК РФ дополнена пунктом 6. Подозреваемый может получить защиту от защитника с самого начала процессуальных действий по правам и свободам лица, которого проверяют на причастность его

к преступлению. Проверка осуществляется в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ. Примечательно то, что в п. 6 части 3 ст. 49 УПК РФ довольно конкретно прописаны условия, позволяющие осуществить допуск защитника к подозреваемому в совершении преступления на стадии предварительного изучения сведений об очевидном или неочевидном (предполагаемом) преступлении в порядке, который установлен ст. 144 УПК РФ, до возбуждения уголовного дела. Однако, здесь возникает проблема: пункт 6 не совсем соответствует условиям части 3 ст. 49 УПК РФ, так как в данной статье установлены условия начала действий полномочий защитника с оговоркой на наличие уголовного дела. Нам представляется целесообразным говорить о возникновении статуса «подозреваемый», если дело еще не возбуждено, то есть, мы считаем, что статус «подозреваемый» должен иметь место даже если материал находится всего лишь на рассмотрении у должностного лица. То есть, если лицо наделено статусом «подозреваемый», то оно уже имеет право на защиту и в этом случае, защитник не имеет права отказаться от помощи этому лицу. Х. Г. Дациева точно подметила, что «на лицо, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении, должны распространяться гарантии подозреваемого»¹. Предложение Л. Г. Татьянина о дополнении перечня участников уголовного судопроизводства лицом, задержанным для выяснения обстоятельств, появившимся до возбуждения уголовного дела, закрепив статьей 46.124, имеет право на существование². Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А. также предлагают рассматривать подозреваемого в широком смысле, как лицо, в отношении которого проводится уголовное производство. Начало вовлечения лица, попавшего под подозрение, в сферу уголовно-процессуальной деятельности определяется и моментом фактического задержания,

¹ Дациева Х. Г. Законодательный пробел в регламентации оснований признания лица подозреваемым // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2013. № 2. С. 127–132.

² Татьянин Д. В. Уведомление о подозрении как основание признания лица подозреваемым (дискуссионные вопросы) // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 2–1. С. 186–188.

и производством следственных и иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица и направленных на собирание доказательств¹. Таким образом, в соответствии с вышесказанным, структура содержания процессуального статуса подозреваемого состоит из следующих элементов: 1) понятие участника предварительного расследования; 2) права и не опосредованные ими законные интересы; 3) обязанности.

Представленная структура не включает называемых другими авторами элементов, а именно:

- основание и порядок привлечения в качестве подозреваемого;
- гарантии прав;
- свобод и законных интересов;
- гарантии обязанностей;
- процессуальная правосубъектность.

Процессуальный признак правосубъектности обладает важным значением для правового статуса личности. Однако если применять этот признак для рассмотрения особенностей правового статуса «подозреваемый», то становится ясно, что он менее значим. И все же, лицо, которое принимает участие в уголовном судопроизводстве, если оно является несовершеннолетним или страдающим психическим расстройством, должно обладать процессуальной правосубъектностью. Это касается и подозреваемого. Если лицо несовершеннолетнее, либо страдает психическим расстройством, то необходимо ограничение правосубъектности. Это реализуется защитником и законными представителями подозреваемого. Что касается необходимости рассмотрения гарантий прав, свобод и законных интересов в качестве элемента статуса подозреваемого, то можно согласиться с тем, что указанный фактор является значимым для того, чтобы подозреваемый мог реализовать свое право на защиту. Гарантии его обязанностей следует также рассматривать как систему средств обеспечения надлежащего хода судопроизводства. В число подобных гарантий входят: во-первых, процессуальная форма вообще; во-вторых, прин-

¹ Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. — Калининград: КЮИ МВД России, 2006. — 229 с.

ципы уголовного разбирательства и в-третьих, система построения уголовного процесса. Исходя из сказанного нами выше, делаем вывод: не следует дополнять содержание статуса «подозреваемый» с целью его расширения, через внесение определенных процессуальных гарантий. Если же этого добиться, то сущность правовой категории «подозреваемый» может измениться, станет не ясной, размытой, а значит, при рассмотрении этого понятия возникнут трудности в систематизации данных, которые с ним связаны, будет систематизировать. Кроме того, в самом законодательстве категория «подозреваемый», а точнее закрепление этой категории в законе, связано с основаниями его возникновения в уголовном разбирательстве. К таким основаниям относятся:

1) необходимо наличие возбужденного уголовного дела, в отношении лица, наделенного статусом «подозреваемый»;

2) данное лицо должно находиться под стражей, то есть должно быть оформлено задержание этого лица;

3) до момента признания лица виновным, должны быть выбраны меры пресечения;

4) необходимо ознакомить данное лицо с сутью подозрений, то есть необходимо разъяснить, в чем данное лицо подозревается, в порядке, установленном в ст. 223 УПК РФ (ч.1 ст.46 УПК РФ).

Все это говорит о том, что существуют отдельные виды правового статуса «подозреваемый», которые нельзя рассматривать как тождественные с общим правовым понятием «подозреваемый». Речь идет о таких специальных видах статуса «подозреваемый» как: правовой статус лица, если: 1) возбуждено уголовное дело; 2) оформлено задержание; 3) предъявлена мера пресечения до момента доказательства вины; 4) осуществлено ознакомление с тем, что лицо является подозреваемым в совершении преступления. При рассмотрении сущности и наполнения правовой категории «подозреваемый» считаем, что необходимо изучить точку зрения на этот вопрос такого автора, как С. И. Пономаренко. Согласно исследованиям этого автора понятие «подозреваемый» содержит в себе в комплексе правовые черты лица, в отношении которого проводится проверка возникших подо-

зрений в том, что им было совершено преступное деяние. Все эти черты, в комплексе, согласно мнению указанного автора, позволяют доказать важность правовой категории «подозреваемый», описать его значение и место в уголовном процессе, а также функции, для выполнения которых и был введен этот процессуальный статус¹. Такое утверждение, позволяет нам сделать вывод, что сам процессуальный статус подозреваемого — это важная составляющая, ядро целой правовой категории «подозреваемый». Некоторые авторы, например, Н. Н. Короткий, А. Р. Михайленко, Л. Д. Кокорев и другие ученые, предлагали выносить постановление о привлечении лица как подозреваемого в качестве дополнительного условия признания его таковым². Эта идея, как нам представляется, имеет право на существование, но необходимо тогда учесть, что в юридической литературе на сегодняшний день не может быть оправдана реализация такой мысли ни теоретически, ни практически. И мы это можем объяснить следующим образом. Во-первых, согласно условиям, ст. 51 Конституции РФ любое лицо, которое было вызвано на допрос, имеет право не отвечать на вопросы дознавателя, следователя о возможной причастности к преступному действию. При этом дознаватель, следователь перед началом допроса должны в обязательном порядке осведомить лицо об указанном праве».

Во-вторых, если выносить иные документы, обладающие процессуальным характером и заменяющие протокол задержания или постановления: о применении меры пресечения, о возбуждении уголовного дела, с указанием в этих документах условий подозрения, а также ставящих лицо в положение подозреваемого, будет по сути только дублировать уже осуществленные процессуальных процедуры. Если же выносить постановление о признании лица подозреваемым

¹ Пономаренко С. И. Общетеоретические основы процессуального статуса подозреваемого // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал 2015. № 2(58).

² Короткий Н. Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. — М., 1981. — 186 с.

мым не касаясь процесса задержания, применения меры пресечения до выдвижения обвинения, возбуждения уголовного дела в отношении лица, то такое «раскрытие следователем дела и признания (или непризнания) в отношении него статуса «подозреваемый» может привести к тому, что реальный преступник получит возможность укрыться от действий следственных органов».

О. А. Зайцев и П. А. Смирнов, указывают на то, что требование законодателя об оказании своевременной возможности подозреваемому применить свои права обуславливает получение статуса «подозреваемый» перед осуществлением следственных действий¹. Поэтому, по мнению данных авторов, лицо должно получать статус подозреваемого и, следовательно, приобретать автоматически определенные процессуальные права, напрямую при вовлечении его в область уголовного процесса. Непосредственное же принятие участия лица в уголовно-процессуальном действии с целью проверки версии о причастности его к преступлению, может осуществляться в трех формах. Они рассматривают подозреваемого как лицо, которое, при использовании данных, способных выступить доказательством по уголовному делу, становится напрямую вовлечено в уголовное дело правомочным органом, чтобы проверить версию о причастности этого лица к действию, которое включает признаки преступления, до того как выдвинуты против него обвинения². Таким образом, в уголовно-процессуальном праве требуется более точно сформулировать понятие «подозреваемый» по уголовному делу. Для этого ч. 1 ст. 46 УПК РФ следует изложить следующим образом:

«1. Подозреваемым следует считать лицо, в отношении которого имеется, информация, позволяющая сформулировать версию о подозрении этого лица в совершении преступления, если: 1. в отношении этого лица должно быть возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, который прописан в гл. 20 настоящего Кодекса; 2. или, данное лицо фактически задержано согласно ст. 91 и 92 настоящего

¹ Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. — М.: Экзамен, 2005. — С. 60.

² Там же.

Кодекса; 3. или в отношении этого лица вынесено постановление о задержании; 4. или в отношении этого лица вынесено постановление о выборе меры пресечения до привлечения его как обвиняемого».

Таким образом, формулировка, которую мы предложили выше для разъяснения понятия «подозреваемый», будет способствовать более точному проведению процесса признания лица подозреваемым и будет вызывать меньше споров, а также учитывать особенности реализуемой в его отношении уголовно-процессуальной деятельности начального этапа расследования. Также это позволит устранить неточности в положениях УПК РФ, описывающих порядок участия подозреваемого в уголовном процессе.

§ 2. Институт привлечения в качестве обвиняемого и обвинительное заключение как итоговый обвинительный документ уголовного преследования

Уголовно-правовая защита прав и законных интересов граждан обеспечивается проведением качественного предварительного расследования и справедливого судебного разбирательства, право на которое предусмотрено ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На защиту указанного права направлена реорганизация органов предварительного следствия, проводимая на протяжении последних десятилетий, в результате которой найдены новые формы и процедуры, обеспечивающие своевременное и эффективное следствие по уголовным делам.

Своевременность принятия решения по уголовному делу зависит от длительности досудебного судопроизводства, определяющей эффективность разрешения уголовно-правового конфликта, на каждой из стадий его рассмотрения: от возбуждения уголовного дела до ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, составления обвинительного заключения и принятия в рамках досудебного производства окончательного процессуального решения. Именно составление обвинительного заключения и ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела представляет собой наиболее выраженную

проблему осуществления предварительного следствия с позиции обеспечения реализации гарантии прав потерпевших и обвиняемых.

Статья 171 УПК отражает скорее процедурные моменты, связанные с определением основания привлечения в качестве обвиняемого, содержанием и формой соответствующего постановления и другими аналогичными обстоятельствами, чем освещает роль и место этого решения в механизме разрешения основного вопроса уголовного дела. Поэтому для выявления сущности привлечения в качестве обвиняемого нужно расширить предмет анализа и рассмотреть данное понятие во взаимосвязи с иными общими категориями¹.

Некоторые ученые внимание на некоторую неполноту термина «привлечение в качестве обвиняемого», предполагая, что истолкование данной неопределенности является указанием на связь уголовно-процессуальной деятельности по привлечению в качестве обвиняемого с материальным правом. Как отмечала Н. А. Якубович, привлечение к уголовной ответственности и привлечение лица в качестве обвиняемого означает одно и то же². Этот тезис подтверждается употреблением уголовно-процессуальным законом этих понятий в одинаковом смысле (ч. 1 ст. 2 и п. 4 ст. 232 УПК)».

Уголовно-процессуальный аспект объяснения сущности привлечения в качестве обвиняемого обусловлен принятием УПК РФ и рядом иных законодательных актов, а также решений Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства. Имеется в виду введение в нормативный оборот терминов «обвинительная деятельность», «уголовное преследование», «обвинение» и пр., которые соответствуют содержанию состязательного процесса. В настоящее время можно утверждать, что лицо привлекается к *уголовному преследованию* в качестве обвиняемого.

¹ Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. — Омск: Омская академия МВД России, 2006.

² Якубович Н. А. Обвинение и его обоснованность на предварительном следствии // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в новых экономических и социальных условиях: сб. науч. трудов. — М., 1997. С. 251.

Таким образом, по нашему мнению, могут быть выделены уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты сущности привлечения в качестве обвиняемого. Рассмотрим их несколько подробнее.

Уголовно-правовой аспект сущности привлечения в качестве обвиняемого проявляется в том, что в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Данная норма согласуется с правовыми положениями ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, регламентирующими принцип презумпции невиновности. Это означает, что уголовная ответственность в отношении конкретного лица реализуется только после вступления приговора суда в законную силу. До этого момента нет оснований утверждать, что все элементы состава преступления установлены, а лицо виновно в совершении преступления.

На предшествующих судебному разбирательству стадиях уголовного судопроизводства осуществляется деятельность по привлечению лица к уголовной ответственности. Основания для постановления обвинительного приговора должны быть установлены предварительно посредством доказывания. Следовательно, досудебное и судебное производства являются протяженной во времени деятельностью органов уголовного преследования, направленной на реализацию норм материального права. Акт предъявления обвинения выступает лишь начальным моментом деятельности по привлечению лица в качестве обвиняемого. Статьей 299 УК РФ предусмотрена ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Субъектом данного преступления может быть следователь, который сформулировал и предъявил обвинение заведомо для него невиновному лицу. Из этого следует, что предъявление обвинения входит в содержание деятельности по привлечению к уголовной ответственности в качестве ее начального этапа. Завершающим моментом данного процесса является вступление приговора в законную силу.

Уголовно-процессуальный аспект сущности привлечения в качестве обвиняемого состоит в том, что уголовное преследование осуществляется в отношении как подозреваемого, так и обвиняемого.

Можно говорить об уголовном преследовании по подозрению и уголовном преследовании по обвинению лица в совершении преступления.

Уголовное преследование по подозрению имеет место с появлением процессуальной фигуры подозреваемого в установленном законом порядке (ст. ст. 91, 92, ч. 1 ст. 100 УПК РФ). При возникновении какого-либо из предусмотренных оснований определенное лицо занимает процессуальное положение подозреваемого и возникает официальная деятельность по уголовному преследованию подозреваемого — *уголовное преследование по подозрению*.

Уголовное преследование по подозрению протекает до тех пор, пока преследование не будет приостановлено или прекращено либо не изменится процессуальное положение преследуемого лица, и оно не приобретет статус обвиняемого. Последняя ситуация встречается наиболее часто и является логическим продолжением обоснованно начатого уголовного преследования по подозрению. Обвиняемым признается, в частности, лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Поэтому с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого уголовное преследование по подозрению перерастает в уголовное преследование по обвинению. Лицо привлекается к уголовному преследованию в качестве обвиняемого. Уголовное преследование по подозрению в ряде случаев может не иметь места. В тех ситуациях, когда уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, но достаточные доказательства вины конкретного лица получены в короткий промежуток времени, следователь вправе и обязан сформулировать постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявить обвинение. Уголовное преследование, таким образом, сразу начинается с преследования по обвинению.

Уголовное преследование по обвинению качественно отличается от преследования по подозрению. Недостаточная определенность в том, кто и при каких обстоятельствах совершил преступление, на этом этапе преодолена и следователь получает возможность конкретизировать преследовательскую деятельность как по лицам, так и по содержанию инкриминируемых действий. «Обвинение, — указано

в п. 22 ст. 5 УПК РФ, — *утверждение* о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Предъявляя обвинение (привлекая лицо к уголовному преследованию в качестве обвиняемого) следователь переходит от уголовного преследования по подозрению к преследованию по обвинению. Коль скоро уголовное преследование — единая (целостная) деятельность, то переход к преследованию по обвинению представляет собой качественно новый этап уголовного преследования.

Дальнейшее уголовное преследование осуществляется по обвинению лица, которое привлечено к преследованию в качестве обвиняемого.

Одновременно с термином «уголовное преследование» в уголовно-процессуальной теории используется термин «обвинительная деятельность». Под обвинительной деятельностью понимаются действия государственных органов, направленные на выявление причастности лица к совершению преступления и изобличение его в этом. Если уголовное преследование осуществляется в рамках возбужденного уголовного дела и только в отношении подозреваемого или обвиняемого, то обвинительная деятельность может иметь место до принятия решения о возбуждении уголовного дела и в отношении лиц, формально занимающих статус свидетеля или не имеющих никакого процессуального положения. В частности, факт осуществления в отношении лица обвинительной деятельности может подтверждаться получением объяснений, из которых лицо понимает, что проверяется его причастность к преступлению, проведением в отношении него следственных действий (обыска, предъявления для опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него.

Таким образом, привлечение в качестве обвиняемого представляет собой этап обвинительной деятельности, состоящий в утверждении о совершении определенным лицом преступления. Некоторая расплывчатость понятия обвинительной деятельности на ее началь-

ном этапе подчеркивает конкретизированный характер привлечения в качестве обвиняемого. Иными словами, досудебная обвинительная деятельность складывается из следующих последовательных конструкций: 1) достаточно неопределенное подозрение, которое нуждается в подтверждении, 2) последующее принятие решения, связанного с подозрением преступления именно этим лицом, 3) принятие решения о виновности на основе достаточных для этого доказательств. В перспективе обвинительная деятельность осуществляется по обвинению вплоть до постановления приговора. Не ясным остается вопрос о необходимости выдвижения первоначального и окончательного обвинения в рамках предварительного следствия, тогда как в условиях дознания он разрешен, и обвинительный тезис формулируется единожды.

Значение привлечения в качестве обвиняемого видится в следующем. С вынесением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в уголовном процессе появляется новый участник — обвиняемый (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Постановка лица в положение обвиняемого может осуществляться без непосредственного участия при этом преследуемого лица. Законодатель учитывает ситуации, когда это лицо физически отсутствует в месте производства расследования, но оснований для привлечения его в качестве обвиняемого достаточно.

Приобретая процессуальное положение обвиняемого, лицо соответственно этому получает некоторые дополнительные права. Вместе с тем, с принятием УПК РФ, существенно развившим процессуальный статус преследуемых лиц, не вполне корректно говорить, что с привлечением в качестве обвиняемого лицо приобретает значительно больше прав по сравнению с предшествующим положением подозреваемого. Речь идет о корректировке и уточнении прав лица, занявшего статус обвиняемого, наделении его полномочиями, присущими тем стадиям судопроизводства, в которых подозреваемый не участвует (окончание предварительного следствия с направлением уголовного дела в суд и судебное производство).

Квалификация преступления, указанная в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, определяет подследственность

и подсудность уголовного дела. Согласно ст. 151 УПК РФ все составы преступлений Особенной части УК РФ отнесены к подсудственности конкретного органа предварительного расследования. Передача по подсудственности необходима и в случаях уточнения или изменения квалификации преступления.

В соответствии с предметной подсудностью (ст. 31 УПК РФ) каждый суд вправе рассматривать дела только о тех преступлениях, которые отнесены к его компетенции законом. Отступление от этого правила является нарушением конституционного права (ст. 47 Конституции Российской Федерации) подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Квалификация обуславливает и отдельные решения по делу. Так, тяжесть преступления является обстоятельством, учитываемом при избрании меры пресечения. Освобождение от уголовной ответственности по отдельным основаниям также связано с юридической оценкой деяния.

В последние годы рассматриваемый институт в системе современного уголовного судопроизводства несколько теряет свое процессуальное значение.

Данное процессуальное решение перестало быть масштабным с позиций интересов защиты, поскольку уголовный процесс с его охранительными процедурами перенесен на более ранний этап досудебного производства¹. Устранен резкий «перепад» между первоначальными статусами, в которых пребывают фактически преследуемые лица (подозреваемого или, в отдельных случаях, свидетеля), и статусом обвиняемого. Обвинительная деятельность включает в себя первоначальные действия поискового и устанавливающего (подготовительного²) характера, поэтому трансформация в обвиняемого не имеет такого значения, как ранее.

¹ Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. — Омск: Омская академия МВД России, 2006.

² Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма. — М., 2003. С. 73.

Отмеченное отчасти подтверждается тем, что при производстве расследования в форме дознания привлечение лица в качестве обвиняемого, по общему правилу, не предусмотрено. Преследуемое лицо пребывает в статусе подозреваемого вплоть до окончания дознания и составления обвинительного акта. Предъявление обвинения предусмотрено в случаях применения меры пресечения в виде заключения под стражу при условии, что расследование не может быть закончено в десятисуточный срок.

В ситуациях, когда уголовное дело возбуждается в отношении лица, то при производстве предварительного следствия оно может находиться в положении подозреваемого на стадии предварительного следствия не ограниченное законом время. При этом, если поиск доказательств виновности лица продолжается, но их достаточность пока еще сомнительна, никто не вправе признать, что права лица ущемляются самим фактом длительного нахождения в положении подозреваемого.

В уголовно-процессуальной теории отдельными авторами ставится вопрос об исключении в новых условиях института привлечения в качестве обвиняемого¹ или его принципиальном реформировании². Так, С. И. Пономаренко предлагает расширить роль подозреваемого путем окончательного превращения его в постоянного и основного участника предварительного следствия. Момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, по его мнению, следовало бы связать с моментом принятия решения следователем о завершении расследования.

Предложения весьма радикальные и, конечно же, требуют взвешенного анализа. В случае его реализации в первую очередь возникнет проблема формулирования обвинительного тезиса. С одной стороны, постановление о привлечении в качестве обвиняемого не имеет аналога, в котором можно было бы с исчерпывающей полнотой довести до сведения преследуемого лица существо обвинения. Возникнет ситу-

¹ Гаврилов Б. Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. № 1. 2005. С. 20.

² Пономаренко С. И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2005. С. 17.

ация, когда право лица знать, в чем оно обвиняется, будет реализовано несвоевременно. С другой стороны, в рамках предварительного следствия должно быть составлено обвинительное заключение, которое является окончательным выводом органов уголовного преследования, но «точкой отсчета» для судебного уголовного преследования.

Ошибки, неточности в формулировке обвинения возможно устранить не только в ходе досудебного производства, но и после передачи дела в суд. Право суда возвращать дело прокурору позволяет скорректировать содержание обвинения. Устранение такой возможности, при одновременном сохранении процедуры предъявления обвинения и пределов судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), привело бы к возникновению процессуального препятствия для правильной квалификации преступления в тех ситуациях, когда установленные судом фактические обстоятельства дела органами расследования вменены неверно. По мнению Н. А. Колоколова, окончательную квалификацию должен давать государственный обвинитель с учетом материалов судебного следствия¹.

Многие доказательства, добросовестно собранные органами предварительного расследования в соответствии с законом (ст. ст. 75, 276, 281 УПК РФ), оказываются недоступными суду. В то же время по ходатайству сторон или инициативно суд вправе собрать и исследовать другие доказательства. В создавшемся положении есть основания говорить, что институт привлечения в качестве обвиняемого, оставшийся по своей юридической сущности без изменения, не в полной мере согласуется с современной системой уголовного судопроизводства. Отсюда практические коллизии. Вопрос о месте и значении привлечения к уголовной ответственности нуждается в фундаментальном изучении.

Важной составной частью предварительного следствия по уголовному делу является его окончание: именно на данном этапе происходит оценка собранных доказательств во исполнение принципа

¹ Колоколов Н. А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов — иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. № 1. 2006. С. 4.

допустимости и относимости, а также выносятся процессуальное решение, определяющее дальнейшее движение уголовного дела: его прекращение или составления обвинительного заключения (акта) с последующей передачей прокурору для направления в суд, а в отдельных случаях — направления в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера¹.

Дискуссию исследователей и юристов на протяжении многих десятилетий вызывает обоснованность необходимости составления обвинительного заключения как итогового документа предварительного следствия. Так, С. А. Соловьевым указывается на нецелесообразность его составления в условиях смешанного типа судопроизводства в связи с отсутствием процессуальной значимости и актуализацией внимания прокурора и суда на доводах, приведенных в данном процессуальном документе². Следует подчеркнуть наше несогласие с указанным заявлением ввиду ряда оснований.

В результате ретроспективного анализа источников отечественного уголовного права обнаружена длительная эволюция обвинительного заключения, как итогового документа предварительного следствия, формирование которого относится к Псковской судной грамоте, закрепляющим вынесение судницы, в которой последовательно отражалось уличением обвиняемого³. Согласно Артикулу воинскому 1715 года судебный процесс начинался обвинительным повещанием, представляющим собой оглашение письменного документа, содержащего обвинение ответчика, с которым тот имел право ознакомиться до судебного заседания⁴. Устав уголовного судопроизводства

¹ Гриненко А.В. Окончание предварительного расследования// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/43540-okonchanie-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 21.10.2022).

² Соловьев С. А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 28–33.

³ Черепнин Л. В. Псковская судная грамота / Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 235–297.

⁴ Гумеров Т. А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2009. — 257 с.

1864 года закрепляет обвинительное заключение как самостоятельный институт. Исторические условия становления обвинительного заключения свидетельствуют о том, что оно является устоявшимся самостоятельным институтом отечественного уголовного процесса.

Следует согласиться с мнением В. Ю. Белицкого, отмечающего, что на современном этапе обвинительное заключение отражает процессуальное решение по расследуемому уголовному делу, позволяя подвести его основные итоги, определить основу и границы судебного разбирательства, ознакомить участников уголовно-процессуального конфликта с характером обвинения обвиняемого, систематизировать собранные доказательства и т. д.¹

Решение об окончании предварительного следствия составлением обвинительного заключения принимается следователем при наличии достаточных оснований для составления указанного документа. Уголовно-процессуальное значение данного этапа заключается в обеспечении прав и интересов всех участников уголовного процесса, а также определении процессуальных пределов дальнейшего судебного исследования уголовного дела.

Окончание предварительного следствия характеризуется рядом специфических признаков:

- 1) Строгая регламентация деятельности следователя со стороны уголовно-процессуального законодательства,
- 2) Осуществление прокурорского и процессуального надзоров за деятельностью следователя,
- 3) Субъективная убежденность следователя в полноценности выполненных по уголовному делу следственных действий,
- 4) Наличие права на защиту собственных прав и интересов у всех участников уголовно-правового конфликта.

Одним из сложных вопросов является проблема процессуального срока окончания производства предварительного следствия, законодательно относимого к составу срока предварительного следствия

¹ Белицкий В. Ю. К вопросу о назначении и содержании обвинительного заключения// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3(86). С. 100–107.

и не имеющих собственных процессуально-временных границ. Относительно данного аспекта в анализируемых источниках обнаружено несколько мнений.

Так, А. А. Резяпов полагает, что указанное отнесение процессуального срока окончания предварительного следствия нецелесообразно ввиду возможности его неоднократного продления, что может привести к истечению срока давности привлечения к ответственности по делам небольшой и средней тяжести¹.

Л. Г. Татьяна и А. А. Резяпов указывают на необходимость выделения третьей стадии досудебного производства — стадии окончания предварительного следствия². А. В. Мордвиновым предлагается дифференциация стадии окончания предварительного следствия и включение в УПК РФ ее самостоятельного процессуального срока, не превышающего одной десятой срок производства предварительного следствия с возможностью продления в исключительных случаях. Однако, состав срока окончания предварительного следствия представлен сроками: составления обвинительного заключения, принятия процессуальных решений, ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника и потерпевшего, продолжительность которых определяется поведением указанных процессуальных лиц, и нахождения уголовного дела у прокурора. Совокупность указанных стадий может не позволить следователю окончить предварительное следствие в предлагаемый А. В. Мордвиновым срок³.

¹ Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Челябинск, 2014. С. 97.

² Татьяна Л. Г. Виды производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе// Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 143–145; Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Челябинск, 2014.

³ Мординов А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Ульяновск, 2021. — 252 с.

Не нашел законодательного разрешения вопрос определения времени для составления обвинительного заключения. Как верно отмечает Л. Г. Татьяна, при соблюдении требований законодателя по структуре и содержанию обвинительного заключения по отдельным составам оно может занимать несколько томов¹. При этом составление доказательственной части обвинительного заключения требует сложного анализа и исключительной самостоятельности следователя. Например, как отмечает А. В. Мордвинов, составление обвинительного заключения на 150 листах с учетом физических возможностей следователя в среднем занимает не менее 5 суток, а если оно занимает большой объем, то должно быть законодательно предусмотрена возможность его продления на основании необходимости составления обвинительного заключения². А. А. Резяповым в диссертационном исследовании предлагается законодательно закрепить срок составления обвинительного заключения в 1 месяц³.

Отдельного внимания заслуживает вопрос отнесения срока, предоставляемого прокурору для определения дальнейшего движения уголовного дела при его поступлении с обвинительным заключением. В соответствии с ч.1 ст. 221 УПК РФ, он составляет 10 суток с возможностью продления до 30 суток, однако, законодатель не разъясняет, входит ли он в состав срока предварительного следствия при очевидности невозможности его отнесения к сроку судебного разбирательства.

Анализируя мнения исследователей, отметим две противоположные точки зрения, состоящие в:

¹ Татьяна Л. Г. Виды производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе// Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 174–182.

² Мордвинов А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 — Ульяновск, 2021. С. 178.

³ Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Челябинск, 2014. — 259 с.

— недопустимости отнесения к сроку предварительного следствия ввиду его самостоятельности в досудебном производстве¹;

— его отнесении к сроку предварительного следствия, поскольку им завершается деятельность по доказательству виновности обвиняемого в ходе предварительного следствия².

Важными элементами заключительного этапа предварительного следствия является составление обвинительного заключения и получение согласия руководителя следственного органа на направление уголовного дела прокурору, являющееся дополнительной гарантией соблюдения законности вынесения процессуального акта³. Однако отражение в ч. 6 ст. 220 УПК РФ данной обязанности руководителя следственного органа требует ее закрепления в перечне его полномочий, указанных в ст. 39 УПК РФ, что побуждает нас настаивать на внесении изменений в п. 4 ч. 1 указанной статьи, изложив его в следующей редакции: «4) давать согласие следователю на направление уголовного дела прокурору с обвинительным заключением (актом), возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия ...».

На отсутствие законодательного закрепления механизма предоставления подобного согласия неоднократно указывали исследователи. Так, Т. А. Гумеров отмечает отсутствие единства в механизме отражения согласия руководителя следственного органа. Он приводит данные проведенного анализа материалов уголовных дел, в которых обнаружено три формы отражения согласия: а) в сопроводительном письме, направляемом прокурору совместно с материалами уголов-

¹ Манова Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм: монография / под ред. В. М. Корнукова. — Саратов, 2003. С. 87.

² Хатмуллин К. Ю. Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2014. С. 10.

³ Шейфер С. А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 8–15.

ного дела, б) в резолюции «Согласовано» слева вверху на титульном листе обвинительного заключения, в) в подписи руководителя на последнем листе обвинительного заключения¹. Законодательное закрепление требований к оформлению согласия способствовало бы выработке единого подхода.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос определения срока, предоставляемого руководителю следственного органа для изучения материалов дела и предоставления согласия следователю для его направления прокурору. Возможно, предоставление отдельного процессуального срока руководителю следственного органа обеспечило бы повышение качества материалов уголовных дел и обвинительных заключений, поступающих прокурору.

Внимания законодателя заслуживает и непредусмотренная сегодня возможность продления срока содержания под стражей для составления обвинительного заключения при условии завершенности выполнения требований, предусмотренных ст. 217 УПК РФ, что требует дополнения п.1 ч. 8 ст.109 УПК РФ и изложения ее в следующей редакции:

«1) По уголовному делу ... срок домашнего ареста или срок содержания под стражей может быть продлен для составления обвинительного заключения (акта/ постановления), обеспечения принятия прокурором, а также судом решений по поступившему уголовному делу на срок, продолжительность которого определяется ...».

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы: реформа органов предварительного расследования способствовала усилению защиты прав и законных интересов граждан при разрешении уголовно-правового конфликта, приведя к выработке новых форм и процедур предварительного расследования. Однако, проведенный анализ показал, что существующая система предварительного расследования содержит ряд пробелов, препятствующих достижению назначения и задач уголовного производства, часть которых связана с процессуальными особенностями

¹ Гумеров Т. А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: монография. — М.: Юрлитинформ, 2011. С. 138–140.

составления обвинительного заключения, как итогового документа предварительного следствия.

Составление обвинительного заключения требует грамотного и последовательного изложения доказательств, изобличающих виновность обвиняемого, с учетом требований к его структуре и содержанию, обозначенных законодателем в УПК РФ. Современная уголовно-процессуальная модель объявляет статус следователя в качестве единственного процессуального лица, определяющего ход предварительного следствия, осуществляющего сбор, проверку и оценивание доказательств, составляющего обвинительное заключение в соответствии с целями и задачами досудебных стадий уголовного судопроизводства.

§ 3. Соотношение понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования»

В Российской Федерации осуществление уголовного судопроизводства является исключительно государственной и именно данная деятельность в наибольшей степени затрагивает права и свободы граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства. В связи с этим, данный вид деятельности детально регламентирован и основан на соблюдении различных принципов, закрепленных уголовно-процессуальным законом.

Одними из наиболее важных институтов уголовно-процессуального права является возможность прекращения уголовного дела на различных этапах расследования, в том числе и на стадии судебного рассмотрения уголовного дела, а также прекращение уголовного преследования в отношении одного или нескольких лиц. В юридической литературе не прекращаются споры, связанные с порядком и основаниями прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Для начала проанализируем каждый из рассматриваемых нами институтов отдельно, после чего проведем между ними параллель и выясним схожие черты, а также отличия.

Необходимо сразу отметить, что главной задачей первого из рассматриваемых нами институтов (прекращение уголовного дела), является защита подозреваемого (обвиняемого) от незаконного и не-

обоснованного привлечения к уголовной ответственности. При этом, многими гражданами данный институт чаще всего рассматривается как факт признания уполномоченными органами незаконности и необоснованности возбуждения уголовного дела. Однако, факт прекращения уголовного дела не значит, что дело было возбуждено незаконно и необоснованно, поскольку на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела дознавателю (следователю) могут быть не известны обстоятельства, служащие в дальнейшем основания для его прекращения. Данные обстоятельства могут быть установлены значительно позже.

В современном уголовно-процессуальном законе законодатель не приводит дефиниций терминов «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования», то есть не дает легальных определений данных терминов. При этом, учеными-процессуалистами были предприняты неоднократные попытки дать исчерпывающие определения данным терминам, рассмотрим некоторые из них.

Как правило, рассмотрение понятия «прекращение уголовного дела» происходит через призму нескольких подходов:

1. в значении одной из форм окончания уголовного дела и прекращения производства по уголовному делу без вынесения окончательного решения по делу в виде приговора суда;
2. в форме процессуального действия (акта), то есть конкретного юридического решения следователя (дознавателя), суда о прекращении уголовного дела;
3. в качестве процессуальной гарантии прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающих исключение необоснованного привлечения к ответственности;
4. в качестве самостоятельного правового института¹.

Представленные выше подходы позволяют нам сделать вывод о многоаспектности такого явления как прекращение уголовного дела. При этом, нам, как будущим правоприменителям, хотелось бы бо-

¹ Иващенко В. В. Определение понятия "прекращение уголовного дела" как формы окончания предварительного расследования по уголовным делам // Общество и право. 2009. № 2(24). С. 180–182.

лее конкретно рассмотреть позиции ученых по поводу вышеуказанных подходов и, возможно, принять какую-либо позицию по данному вопросу, либо выработать собственный подход.

В качестве первого подхода можем рассмотреть мнение Е. В. Давыдовой, рассматривающей прекращение уголовного дела в форме окончания предварительного следствия (дознания) без направления уголовного дела для рассмотрения по существу в суд¹. С представленным определением мы согласиться не можем ввиду закрепления в уголовно-процессуальном законе возможности прекращения уголовного дела не только на моменте производства по нему следствия (дознания), т.е. на досудебной стадии, но и на стадии рассмотрения уголовного дела в суде.

В рамках второго подхода приведем мнение А. В. Гриненко, который ограничивает понимание прекращения уголовного дела только рамками процессуальной деятельности уполномоченных от имени государства лиц². Мнение данного автора совпадает с другими учеными, Н. В. Жогиным и Ф. Н. Фаткуллиным, которые прекращение уголовного дела рассматривают в качестве самостоятельного процессуального акта, выражающего решение уполномоченного должностного лица³.

С. А. Шейфер, являясь одним из представителей третьего из перечисленных нами подходов, понимал под прекращением уголовного дела юридический факт, который влечет возникновение права на обжалования постановления о прекращении уголовного дела и является гарантией от необоснованного привлечения к уголовной ответственности⁴.

Р. Х. Якупов же дает следующее определение данному правовому институту — самостоятельный правовой институт, устанавливая

¹ Давыдова Е. В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве / Е. В. Давыдова, А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко. — Ставрополь: ООО Ставропольсервисшкола, 2002. С. 23.

² Гриненко А. В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 30–31.

³ Жогин Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. — Москва: Юрид. лит., 1965. С. 54.

⁴ Шейфер С. А. Оценка прекращения уголовного дела в стадии следствия // Социалистическая законность. — М., 1958. № 4. С. 61–64.

в своем определении акцент на его основных задачах, комплексе необходимых процессуальных действий, которые необходимо выполнить следователю (дознавателю) при принятии такого решения. Таким образом, данного автора можем отнести к четвертому из обозначенных нами подходов¹.

Исходя из вышеназванных подходов, полагаем возможным предложить наиболее полное, по нашему мнению, определение прекращения уголовного дела в следующей трактовке «это принимаемое в установленном законом порядке решение дознавателя (следователя) или суда о прекращении уголовного преследования в отношении всех подозреваемых (обвиняемых), которым инкриминируется совершенное преступление, принимаемое в связи с наличием конкретных юридических оснований, установленных уголовно-процессуальным законодательством и исключающее возможность осуществления дальнейшего производства по уголовному делу, а также обуславливающий возникновение у отдельных лиц прав и обязанностей, предусмотренных данным решением». По нашему мнению, данное определение содержит все необходимые признаки прекращения уголовного дела, которые и будут рассмотрены в настоящей работе далее более детально.

Во-первых, необходимо ограничить круг должностных лиц, уполномоченных на принятие решения о прекращении уголовного дела. В соответствии со статьями 212, 213, 239 УПК РФ, в круг данных лиц включены дознаватель и следователь, в чьем производстве находится уголовное дело на стадии предварительного расследования, а также суд, рассматривающий уголовное дело по существу.

Законодатель также закрепляет перечень оснований прекращения уголовного дела (ст.ст. 24, 25, 25.1 УПК РФ). Перечень данных оснований является закрытым и детально описан в законе. При этом, в одних случаях прекращение уголовного дела обязательно для дознавателя (следователя) или суда, а в других случаях предусматрива-

¹ Уголовно-процессуальное право: учебник / А. Р. Белкин, Л. В. Бертовский, А. С. Василенко [и др.]. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Перспектив", 2020. — С. 201.

ет лишь право совершения данного действия уполномоченным лицом, а не обязанность такого характера.

Еще одним из важных факторов, указанных в предложенном нами определении, является невозможность осуществления дальнейшего производства по уголовному делу, в отличие от прекращения уголовного преследования, когда производство прекращается только в отношении одного или нескольких лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по данному делу, и продолжается в отношении остальных соучастников.

Не менее важным аспектом является возможность возникновения у лиц, в отношении которых прекращено уголовное дело, дополнительных прав, связанных с прекращением уголовного дела. В частности, если дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, то у лица возникает возможность на «реабилитацию», то есть возмещения лицу вреда, который был причинен в связи с уголовным преследованием в отношении него. Данное право возникает в соответствии с положениями главы 18 УПК РФ.

Таким образом, прекращение уголовного дела — это одна из форм окончания предварительного расследования, представляющая собой заключительный этап производства по уголовному делу, когда на основе оценки собранных и проверенных доказательств следователем (дознателем) или судом (в зависимости от стадии производства по уголовному делу) принимается решение о прекращении процессуальной деятельности, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, или без дальнейшего вынесения приговора по уголовному делу.

Далее в рамках настоящего исследования наиболее логично перейти к анализу синонимичного понятия «прекращение уголовного преследования», так как эти институты схожи по процессуальному порядку и правовым последствиям.

Необходимо также отметить, что цель применения анализируемых нами правовых институтов совпадает и заключается в правовой защите подозреваемого (обвиняемого) от неправомерного привлечения данного лица к уголовной ответственности.

Само понятие «прекращение уголовного преследования» аналогично «прекращению уголовного дела» не закреплен законодателем в уголовно-процессуальном законе, что вызывает некоторые разногласия у ученых и, в том числе, правоприменителей.

Прежде, чем соотносить представленные выше понятия, разберем более подробно каждое из них. Итак, существует несколько мнений относительно определения «прекращения уголовного преследования».

По мнению С. И. Лобановой, «прекращение уголовного преследования — это прекращение любой процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, ввиду наличия оснований, предусмотренных настоящим Кодексом»¹.

По мнению же Г. А. Мирзояна, «прекращение уголовного преследования — это частичное прекращение производства по уголовному делу, заключающееся в завершении процессуальной деятельности по изобличению конкретного подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления»².

По нашему мнению, оба из представленных выше определений содержат некоторые характерные признаки. К ним можно отнести:

— прекращение уголовного преследования — прежде всего процессуальное решение, принимаемое уполномоченным лицом;

— данное процессуальное решение не является по своей сути причиной и основанием прекращения производства по уголовному делу в целом, а только в отношении конкретных лиц;

¹ Лобанова С. И. К вопросу о значении и сущности прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-i-suschnosti-prekrascheniya-ugolovnogo-dela-i-ugolovnogo-presledovaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 18.12.2021).

² Мирзоян Г. А. Понятие уголовного преследования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ugolovnogo-presledovaniya> (дата обращения: 18.12.2021).

— с принятием вышеуказанного решения прекращается и признается невозможным дальнейшее осуществление производства по уголовному делу в отношении конкретного лица или нескольких лиц;

— прекращение уголовного преследования возможно в отношении подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу на любой стадии досудебного производства по уголовному делу, кроме стадии возбуждения уголовного дела;

— прекращение уголовного преследования возможно только при наличии специальных оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;

— прекращение уголовного преследования в отношении лица влечет за собой возникновение у лица, в отношении которого оно прекращено, новых прав, в том числе права на реабилитацию.

Исходя из перечисленных нами общих признаков, выделенных учеными, но не учтенными в полном объеме ни в одном из предложенных определений, полагаем возможным предложить свою интерпретацию понятия «прекращения уголовного преследования», изложив ее в следующей трактовке: «процессуальное решение уполномоченного лица о частичном прекращении производства по уголовному делу, принимаемое в отношении одного или нескольких подозреваемых (обвиняемых) в связи с наличием оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и влекущее возникновение у данного лица специальных прав, не исключающее при этом осуществление дальнейшего производства по уголовному делу». По нашему мнению, это наиболее полной и емкое определение, отражающее всю специфику анализируемого нами правового института.

Как мы уже указывали ранее, в соответствии со ст. 5 УПК РФ уголовное преследование находится в исключительных полномочиях лиц, представляющих сторону обвинения¹. Соответственно, на стадии досудебного производства по уголовному делу прекратить уголовное преследование могут только ограниченный перечень лиц, в чьи полномочия входит проверка сообщения о преступлении, расследование

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС КонсультантПлюс.

уголовного дела, принятие решение о возбуждении уголовного дела и отказе в возбуждении уголовного дела. Согласно уголовно-процессуальному закону в перечень таких лиц входят следователь и дознаватель. На стадии же судебного производства круг данных лиц расширяется и дополняется прокурором, который может отказаться от уголовного преследования в отношении одного или нескольких лиц, а также суд, не относящийся к стороне обвинения.

Как мы уже ранее отметили, прекращение уголовного дела исключает дальнейшее производство по уголовному делу и уголовное преследование полностью (то есть в отношении всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по данному уголовному делу), в отличие от прекращения уголовного преследования, которое не влечет за собой необходимость прекращения уголовного дела в целом. Данное положение обоснованно в некоторых случаях:

— имеются основания прекращения уголовного преследования только в отношении одного или нескольких соучастников по уголовному делу, при этом данные основания отсутствуют в отношении остальных соучастников по уголовному делу;

— уголовное преследование прекращается в отношении конкретного лица только частично, даже если лицо совершило преступление без соучастников, то есть лицо продолжает подозреваться (обвиняться) в совершении, например, нескольких эпизодов преступной деятельности, и при этом, признается непричастным к совершению иных ранее инкриминируемых ему преступлений;

— уголовное дело прекращается в отношении всех соучастников, привлекаемых к уголовной ответственности по уголовному делу по реабилитирующим основаниям, при этом, сам факт совершенного преступления не исключается, то есть оно остается нераскрытым и продолжается установление иных лиц, причастных к его совершению.

Переходя к основаниям принятия решения о прекращении уголовного преследования, необходимо отметить, что перечисленные нами основания прекращения уголовного дела одновременно являются и основаниями прекращения уголовного преследования. При этом законодатель отдельно выделяет еще и основания прекращения уго-

ловного преследования. Данные основания перечислены в ст.ст. 27, 28, 28.1 УПК РФ. Перечень данных оснований является закрытым и содержит конкретные обстоятельства, служащие основанием прекращения уголовного преследования в отношении конкретного лица. Данные основания также не будут рассматриваться в данном параграфе, так как для их анализа в настоящей работе предусмотрен отдельный параграф.

Подробно проанализировав каждое из понятий, можно перейти к их соотнесению и определению общих черт и существенных отличий. Кратко данные сходства и различия нами уже были описаны в процессе анализа, поэтому на данном этапе постараемся их максимально кратко систематизировать.

Итак, к общим признакам рассматриваемых институтов можно отнести:

— общая цель рассматриваемых институтов — соблюдение прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по конкретному уголовному делу в качестве подозреваемых (обвиняемых), а также недопущение незаконного и необоснованного привлечения их к уголовной ответственности;

— круг субъектов, в полномочия которых входит прекращение уголовного дела и уголовного преследования, к которым относятся дознаватель, следователь, суд;

— стадии производства по уголовному делу, на которых может быть прекращено уголовное дело или уголовное преследование — прекращение уголовного дела и уголовного преследования возможно, как на стадии досудебного производства по уголовному делу, так и на стадии рассмотрения дела по существу в суде;

— основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования совпадают, хоть и выделены и отдельные статьи уголовного-процессуального закона, при этом их разделение в разные нормы справедливо, так как перечисленные выше основания имеют разную сущностную природу, о чем мы укажем в следующем параграфе данной работы;

— применение обоих институтов влечет за собой одинаковые правовые последствия для лица, которому инкриминируется совершенное преступление, в том числе право на реабилитацию.

— главным отличием, на наш взгляд, является возможность осуществления дальнейшего производства по возбужденному уголовному делу в отношении остальных соучастников совершенного преступления в случае прекращения уголовного преследования в отношении одного или нескольких соучастников, и, наоборот, прекращение любой процессуальной деятельности по уголовному делу в случае прекращения уголовного дела;

— процессуальный порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования отличается, в том числе и в документальном их оформлении;

— правовое значение принимаемого решения — решение о прекращении уголовного преследования принимается только в отношении конкретного лица, а не всех лиц, изобличенных в совершении конкретного преступления;

— при прекращении уголовного преследования сам факт обоснованности возбуждения уголовного дела не ставится под сомнение, так как производство по нему продолжается в отношении остальных соучастников, тогда так прекращение уголовного дела по некоторым основаниям оспаривает сам факт необходимости изначального возбуждения уголовного дела, например, при прекращении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что рассматриваемые институты все же имеют существенные отличия, и мы не можем поддержать мнения некоторых авторов¹ относительно необходимости их объединения в один уголовно-процессуальный институт.

Важным аспектом обеспечения и защиты прав обвиняемого или подозреваемого по уголовным делам является процессуальный порядок прекращения уголовного дела на стадии производства по уго-

¹ Зезюлин В. В. О понятии оснований к отказу в возбуждении уголовного дела // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. №1(41). С. 38–45

ловным делам, то есть еще до направления уголовного дела в суд, так называемый досудебный порядок¹. Прекращение уголовного дела в досудебном порядке представляет собой комплекс процессуальных мероприятий, которые нацелены «на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения», что является основным положением назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ.

Имеются две категории оснований для прекращения уголовного дела и уголовного преследования: реабилитирующие и не реабилитирующие.

В соответствии со ст. 5 УПК РФ реабилитация — это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Должностные лица в ходе осуществления процессуальной деятельности могут допустить ошибки, в результате которых был причинен вред физическим или юридическим лицам, а также различного рода общественным отношениям, или государственным интересам.

В уголовно-процессуальном законе нет единого сформулированного понятия института реабилитации, что естественным образом обуславливает научный интерес в научном сообществе по данному вопросу. Изучив большой пласт научных работ в этом направлении, мы пришли к выводу, что среди ученых не сформировалось общепризнанное определение реабилитации. Однако, на наш взгляд, наиболее точную дефиницию дала О. Г. Часовникова, которая раскрыла понятие реабилитации через ключевые признаки данного правового явления. Она говорит, что институт реабилитации — это «совокупность юридических норм, которые регламентируют: основания возникновения и признания права на реабилитацию; виды вреда, подлежащего возмещению, в том числе и юридическим лицам; порядок обжа-

¹ Процессуальный порядок прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования: [электронный ресурс] // <https://isfic.info/crimpro/lodne99.htm> (дата обращения: 20.03.2022).

ния решения о производстве выплат и восстановления иных прав реабилитированного»¹.

В досудебном порядке участниками, которые вправе реабилитироваться, руководствуясь п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, являются подозреваемый и обвиняемый. После реабилитации уголовное преследование в отношении их будет прекращено. Основания прекращения уголовного дела, предусмотренные п. 1–2, 5–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и основания прекращения уголовного преследования, предусмотренные п. 1, 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ являются в то же время основаниями реабилитации на досудебной стадии.

Специфика института реабилитации состоит в том, что процесс реабилитации носит межотраслевой характер. Возмещение вреда происходит за счет федерального бюджета Российской Федерации, причем в полном объеме. Х. А. Расаева отмечает, что «подобный вред гражданину должен быть возмещен государством, в лице Министерства финансов РФ, в полном объеме вне зависимости от вины органа, чьи действия либо бездействие послужили основанием для незаконного уголовного преследования»².

Очевидная проблема, в контексте рассматриваемого вопроса, заключается в том, что должностные лица, причастные к ходу расследования преступления, а также выявившие преступления или собравшие материал проверки в ходе проверки сообщения о преступлении, в какой-то момент совершили серьезные процессуальные, организационные или тактические ошибки. В большинстве случаев, эти должностные лица пытаются всяческим образом сокрыть данные факты, так как прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям влечет негативные юридические последствия для самих должностных лиц. Это может быть материальная ответственность,

¹ Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. проф. Э. К. Кутуева; — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. С. 204.

² Расаева Х. А. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 1. С. 122–134.

дисциплинарная и даже уголовная в зависимости от конкретного случая. Кроме того, данные факты отражаются негативно на статистике всего структурного подразделения.

Наряду с реабилитирующими основаниями широкое практическое применение имеют нереабилитирующие основания, при которых виновность лица сохраняется, однако законодатель предусматривает возможность, в исключительных случаях, прекращать уголовное преследование в отношении лица без права на реабилитацию. Происходит интересная, с определенной точкой зрения, противоречивая ситуация, когда лицо, совершившее преступление виновно, однако мер уголовного наказания не претерпевает в полном объеме. Необходимо подчеркнуть, что виновность лица в совершении преступления устанавливается только судом.

Данная позиция была поддержана и Конституционным Судом РФ при рассмотрении жалобы О. В. Сушкова. Конституционным судом было отмечено, что «решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции Российской Федерации¹.

Таким образом, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не противоречит принципу презумпции невиновности, поскольку предполагает согласие обвиняемого с прекращением уголовного дела².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.96 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова» // Российская газета. 1996. 16.11.

² Прекращение уголовного дела: [Электронный ресурс] // https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/7192/1/%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BA%D0%B8%D0%BD%20%D0%90.%D0%90._%D0%9F%D0%94%D0%B7-1242.pdf (дата обращения: 20.04.2022)

§ 4. Понятие и сущность иммунитетов от уголовного преследования

Уголовно-процессуальное законодательство использует для обозначения совокупности усложнений порядка привлечения к ответственности некоторых категорий лиц в связи с осуществлением ими публично-правовых видов деятельности термин «иммунитет». В его общеупотребительном смысле данное понятие обычно раскрывается с помощью таких его близких по значению синонимов, как особые права, привилегии, льготы, преимущества. В этой ситуации задача определения понятия иммунитетов в уголовном процессе, казалось бы, сводится лишь к выбору уже выявленных существенных признаков. Однако ситуация осложняется тем, что понятие иммунитетов используется для обозначения правовой категории и поэтому оно имеет юридический смысл и значение, а также соответствующие правовые признаки.

Иммунитет от уголовного преследования — это совокупность установленных федеральным законом усложнений порядка уголовного преследования в отношении той или иной группы субъектов, выполняющих отдельные виды публично-правовой деятельности, заключающихся в получении согласия на возбуждение уголовного дела, а также на принятие некоторых иных решений и проведение некоторых действий, связанных с уголовным преследованием лица, от определенных государственных органов.

Понимание иммунитетов и привилегий как изъятий и преимуществ для отдельных категорий граждан в сфере уголовного процесса влечет постановку закономерного вопроса о соотношении иммунитетов и привилегий с принципом равенства граждан перед законом и судом, другими органами уголовного судопроизводства¹.

Р. Х. Якупов справедливо считает, что «всякий принцип — это общее правило с исключениями. Эти исключения выступают не в роли изъятия из принципов, а в качестве необходимой составной части его содержания». Ввиду данного обстоятельства, по мнению данного

¹ Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе / под ред. В. Н. Галузо. — М., 1998. С. 6.

автора, всякий принцип регулирует «соотношение двух, находящихся в состоянии конкуренции, систем правовых норм — общих и исключительных. Правовые нормы, касающиеся особого порядка задержания, ареста, привлечения к уголовной ответственности в отношении депутатов, судей, арбитражных и присяжных заседателей, лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, и других категорий граждан, являются нормами исключительными»¹. Поэтому важным общим правовым признаком иммунитетов и привилегий следует признать то, что все они регулируются исключительными (специальными) нормами, устанавливающими особые юридические преимущества и определенные изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства. Они направлены на решение особых задач, особой функции — существенный признак всякого так называемого функционального (в отличие от предметного, правоохранительного, комплексного или общего) института². В качестве функционального института нормы депутатского иммунитета, имеющие уголовно-процессуальное значение, предназначены служить решению общих целей и задач уголовного процесса, реализации его принципов и имеют такие параметры, которые подлежат изучению и оценке с точки зрения эффективности уголовно-процессуального регулирования.

Представление о многоступенчатой структуре процессуальных иммунитетов, по нашему мнению, имеет важное значение для правоприменительной практики, поскольку в каждом конкретном случае применяется не просто какая-то отдельная, частная, норма, а их совокупность и взаимосвязь. В такой «связке» непременно соучаствуют нормы более общего характера (общие нормы), поэтому всякий раз правоприменителю необходимо учитывать не только правила частной нормы, но и предписания общих норм, в том числе

¹ Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе (юридические проблемы). — М., 1993. С. 73.

² Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. — М., 2007. С. 210.

определяющие общие цели, основания и назначение процессуальных иммунитетов в целом¹.

Институт процессуальных иммунитетов, будучи смежными и взаимосвязанными с одноименными институтами других отраслей права и заимствуя нормы последних, несомненно, несут на себе печать этих институтов. Поэтому иммунитеты, применяемые в уголовном процессе, имея собственные непосредственные цели, служат в конечном итоге достижению целей одноименных институтов иных отраслей права. В этом аспекте конечной целью процессуальных иммунитетов является обеспечение усиленной защиты обозначенной категории граждан от неосновательных посягательств и создание благоприятных условий для беспрепятственного и эффективного осуществления возложенных на них особых государственных или межгосударственных функций.

Резюмируя изложенное в целом о понятии и назначении иммунитетов в уголовном процессе, следует сделать следующие предварительные выводы.

Процессуальные иммунитеты представляют собой многоступенчатое объединение процессуально-правовых институтов и субинститутов, нормы которого регулируют особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства, выражающийся в установлении изъятий из общего порядка судопроизводства и особых юридических преимуществ для отдельных категорий российских и иностранных граждан.

Ввиду особого назначения иммунитетов в уголовном процессе, они представляют собой дополнительные процессуальные гарантии законности и обоснованности вовлечения указанных граждан в сферу уголовного судопроизводства и применения к ним мер процессуального принуждения и иных правоограничений.

В уголовно-процессуальном праве необходимо различать следующие виды иммунитетов: а) дипломатический иммунитет; б) иммунитеты лиц, пользующихся международной защитой, в) депутат-

¹ Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе / под ред. В. Н. Галузо. — М., 1998. С. 9.

ский иммунитет; г) должностной иммунитет судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, д) адвокатский иммунитет; е) свидетельский иммунитет; ж) иммунитет общественных представителей; з) иммунитет Президента Российской Федерации; и) иные иммунитеты».

Исследование норм процессуальных институтов об иммунитетах и привилегиях, предусмотренных законами России и обязательными для нее международными договорами, показало, что соответствующими изъятиями из общего порядка уголовного судопроизводства и особыми преимуществами, льготами в этой сфере наделены несколько категорий российских и иностранных граждан в связи с выполнением ими специфических функций в межгосударственных, государственных и общественных отношениях¹.

Характер и объемы конкретных изъятий и преимуществ указанных категорий граждан существенно различны. Данное обстоятельство позволяет вести речь о видах иммунитетов и привилегий применительно к субъектам, обладающим этими иммунитетами.

Различаются иммунитеты и привилегии также по объектам гарантирования. В этом аспекте можно рассматривать в качестве видов иммунитетов и привилегий личную неприкосновенность, неприкосновенность служебных помещений, жилых помещений и частных резиденций, привилегии связи, неприкосновенность имущества, активов, служебной переписки, архивов либо иных документов, иммунитет от уголовной юрисдикции, всякого рода судебно-процессуальный иммунитет, свидетельский иммунитет и т. п.

Перечисленные иммунитеты и привилегии, составляя определенные их группы, образуют содержание особого правового положения указанных выше категорий российских и иностранных граждан. Причем по своему характеру и назначению иммунитеты и привилегии для тех или иных групп категорий граждан являются общими. Ввиду данного обстоятельства такие относительно обособленные, общие для отдельных групп категорий граждан, иммунитеты

¹ Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе / под ред. В. Н. Галузо. — М., 1998. С. 22.

и привилегии, как представляется, заслуживают рассмотрения в рамках самостоятельных укрупненных процессуальных институтов.

В этих институтах объединены не только общие нормы об общих иммунитетах и привилегиях, но и частные нормы, регулирующие особенности содержания и объемов иммунитетов для отдельных категорий граждан в пределах их обособленной группы. Эти частные нормы в связи с общими нормами, касающимися отдельных категорий граждан, составляют содержание определенных процессуальных субинститутов. В данном параграфе предметом исследования являются такие виды процессуальных иммунитетов и привилегий, которые выделяются на уровне укрупненных процессуальных институтов.

Анализ более 20 общих, многосторонних, международных (межгосударственных) конвенций, соглашений и протоколов и многочисленной группы специальных, двусторонних, международных договоров, обязательных для Российской Федерации и содержащих правовые нормы о привилегиях и иммунитетах, позволяет выделить прежде всего такой вид процессуальных иммунитетов, как «иммунитеты и привилегии дипломатических представителей». Этот вид привилегий и преимуществ главы и членов дипломатического представительства традиционно именуется «дипломатическим иммунитетом»¹.

Дипломатические привилегии и иммунитеты в полном объеме или с ограничениями, предусмотренными международными договорами, прямо распространены на членов семей дипломатов, на лиц персонала, не имеющих дипломатических рангов, работников иностранных торговых представительств. Ввиду тесной взаимосвязи и обусловленности правового положения указанных лиц с жизнедеятельностью дипломатических представительств, и их дипломатического персонала, единой направленности иммунитетов и привилегий тех и других в конечном итоге, все они, на наш взгляд, входят в содержание единого укрупненного института дипломатического иммунитета.

¹ Ковалев А. А. Привилегии и иммунитеты в современном международном праве. — М., 2003. С. 64.

В силу Конвенции 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, и ряда других международных договоров дипломатические иммунитеты и привилегии распространены на представителей и должностных лиц международных организаций (ООН, Совет Европы, Дунайская Комиссия, Европейский Комитет против пыток, Европейский Суд по правам человека, Международный Суд ООН и др.), глав иностранных государств, членов парламентских и правительственных делегаций.

Иммунитеты перечисленных субъектов международных отношений, разумеется, представляют собой самостоятельные институты в сфере международного права, поскольку регулируют отношения субъектов, имеющих отличающиеся от правового статуса дипломатических представителей функциональные цели и назначение. Однако в сфере уголовного судопроизводства, где цели и назначение соответствующих процессуальных иммунитетов и привилегий обозначенных субъектов международного права совпадают, представляется, что нормы, закрепляющие эти привилегии и иммунитеты, образуют единый процессуальный институт «иммунитета лиц, пользующихся международной защитой».

Что же касается правовых норм, предоставляющих определенные процессуальные привилегии иностранным гражданам, задержанным по подозрению в совершении преступления, арестованным до суда либо осужденным, а также норм международных договоров, устанавливающих процессуальные иммунитеты и привилегии лицам, явившимся по вызову из-за границы в качестве свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей и экспертов, то очевидно, что они не относятся ни к институту дипломатического иммунитета, ни к институту иммунитета лиц, пользующихся международной защитой, а входят в содержание иных соответствующих процессуальных институтов.

Служебный иммунитет для различных категорий лиц имеет разный объем и может распространять свое действие на различные правовые отрасли. В соответствии с положениями главы 52 УПК ограни-

ченный служебный иммунитет предоставлен названным в ней лицам. Производство в отношении этих лиц представляет собой общий порядок уголовного судопроизводства с изъятиями и дополнительными процессуальными гарантиями. Это в основном должностные лица государственных органов, деятельность которых требует особых гарантий их независимости или самостоятельности, однако особый порядок производства действует и в отношении адвокатов, которые состоят в негосударственной организации¹.

Рассматриваемый особый порядок следует отличать от особой процедуры ведения уголовного процесса в отношении лиц, пользующихся международным (дипломатическим, консульским и т. д.) иммунитетом, который предоставлен им, в первую очередь, международным правом и в целом отличается еще большим объемом изъятий из ординарного строя судопроизводства.

Особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный главой 52 УПК, в том или ином объеме и с теми или иными различиями применяется в отношении следующих категорий лиц (ч. 1 ст. 447 УПК):

1) члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления;

2) судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мирового судьи, присяжного или арбитражного заседателя в период осуществления им правосудия;

3) Председателя Счетной палаты Российской Федерации, его заместителя и аудиторов Счетной палаты Российской Федерации;

4) Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации;

¹ Сергеев В. Адвокатский иммунитет — Теперь и в России // Адвокатские вести. 2002. № 7. 14

5) Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, а также кандидата в Президенты Российской Федерации;

6) прокурора;

7) Председателя Следственного комитета Российской Федерации;

8) руководителя следственного органа;

9) следователя;

10) адвоката;

11) члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;

12) зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы, зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Включение данных норм в УПК РФ ставит должностных лиц, обладающих определенным объемом неприкосновенности, в особое положение перед законом и судом с остальными гражданами и силу осуществления ими особых функций, требующих дополнительных гарантий, способствующих самостоятельному и независимому осуществлению возложенных на них обязанностей¹.

С. В. Лукошкина предлагает классификацию иммунитетов исходя из принадлежности к определенной группе субъектов: 1) иммунитет главы государства; 2) иммунитет представителей законодательной ветви власти; 3) иммунитет должностных лиц судебной ветви власти; 4) иммунитет должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов; 5) иммунитет адвоката².

Перечисленные лица имеют ряд преимуществ при решении вопроса о возбуждении в отношении них уголовного преследования, об избрании меры пресечения, о производстве оперативно-розыскных и следственных действий, а также при применении иных правоограни-

¹ Салимзянова Р. Р. Особенности производства по уголовным делам в отношении судьи: монография. — Казань: КЮИ МВД РФ, 2007. С. 36.

² Лукошкина С. В. Иммунитеты в российском уголовном судопроизводстве. дис... канд. юрид. наук. 12.00.09. — Иркутск, 2005. С. 46–47.

чительных мер. Эти преимущества различны для разных указанных категорий лиц. Особый порядок направлен на создание системы гарантии их деятельности. Он конкретизирует положения законодательства, регламентирующего правомочия, функции и меры защиты неприкосновенности лиц, обладающих процессуальным иммунитетом¹.

Уголовное судопроизводство в отношении данных категорий лиц ведется в соответствии с общими требованиями уголовно-процессуального закона. Дополнительные процессуальные гарантии установлены для производства следующих видов процессуальных и следственных действий: а) возбуждение уголовного дела; б) задержание; в) избрание меры пресечения в виде заключения под стражу; г) проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности — обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, прослушивание телефонных и иных переговоров; д) направление уголовного дела в суд; е) определение подсудности уголовного дела.

Таким образом, складывающиеся уголовно-процессуальные отношения по отдельным категориям лиц могут быть охарактеризованы понятием «уголовно-процессуальные иммунитеты и привилегии», в силу которых:

1) отдельные лица освобождаются от исполнения некоторых процессуальных обязанностей;

2) для некоторых категорий лиц устанавливаются особые гарантии обоснованности применения к ним мер процессуального принуждения или привлечения к ответственности.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации применительно к судьям указал, что «судейская неприкосновенность является определенным исключением из принципа равенства всех перед законом и судом и по своему содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности. Это обусловлено тем, что общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные

¹ Григоров К. А. Особенности производства по уголовным делам в отношении прокуроров, следователей и адвокатов. — М.: МГЮА, 2006. С. 14.

гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия. Конституционное положение о неприкосновенности судьи, закрепляющее один из существенных элементов статуса судьи и важнейшую гарантию его профессиональной деятельности, направлено на обеспечение основ конституционного строя, связанных с разделением властей, самостоятельностью и независимостью судебной власти. Судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия. Следует также учитывать особый режим судейской работы, повышенный профессиональный риск, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений судьи»¹. Очевидно, что данная правовая позиция имеет универсальный характер и должна распространяться не только на судей, но и на всех субъектов, наделенных законом иммунитетом от уголовного преследования. В противном случае предоставление иммунитета будет иметь негативное социальное значение. Наделение каких-либо лиц иммунитетом не в связи с осуществляемой ими деятельностью, с одной стороны, нарушит принцип равенства всех граждан перед законом и судом, единообразие применения закона, с другой стороны, повлечет ущемление прав потерпевших, поскольку приведет к невозможности осуществления уголовного преследования за преступления, а следовательно, невозможности восстановления нарушенных прав потерпевшего.

В отличие от лиц, обладающих должностным иммунитетом, члены избирательных комиссий с правом решающего голоса, члены комиссий по проведению референдума с правом решающего голоса, присяжные заседатели и арбитражные заседатели призываются к выполнению особых функций по содействию в решении государственных задач не в силу должностного положения, а особых обществен-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Консультант-Плюс.

ных обязанностей. В силу данного обстоятельства иммунитеты указанных лиц, думается, могут быть условно обозначены как «иммунитет общественных представителей».

Анализ отдельных положений Главы 52 УПК РФ, а также федеральных законов позволяет выделить в качестве самостоятельного процессуальный институт, традиционно именуемый депутатской неприкосновенностью. Учитывая, что данный термин охватывает особые гарантии личной неприкосновенности при задержании, заключении под стражу, производство отдельных следственных действий, следует говорить о «депутатском иммунитете».

Близко примыкают к данному институту нормы об иммунитетах и привилегиях, зарегистрированных в установленном порядке кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, органа представительной власти субъекта Российской Федерации, а также на должность главы исполнительного органа власти (Президента) субъекта Российской Федерации или в выборный орган местного самоуправления, нормы об иммунитете зарегистрированных кандидатов на должность Президента Российской Федерации, но ввиду иного правового статуса перечисленных лиц, очевидно, эти нормы следует считать принадлежностью соответствующих функциональных институтов уголовно-процессуального права¹.

Особо выделяется группа правовых норм, предусматривающих иммунитеты и привилегии Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, должностных лиц Счетной палаты Российской Федерации, судей, Генерального прокурора РФ, Председателя Следственного комитета РФ, прокуроров и следователей и иных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Общим, интегрирующим их свойством, является наделение указанных лиц процессуальными иммунитетами и положения указанных лиц в сфере надзора, контроля и правоохраны. В этой связи представляется возможным именовать данные иммунитеты и привилегии «должностным имму-

¹ Цветков Ю. А. Иммуниет от уголовного преследования в российском праве // Законность. 2002. № 6. С. 21.

нитетом судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Адвокат как специальный субъект введен в Уголовно-процессуальный кодекс России впервые, что является важнейшим условием для реформирования судебной системы, значительным и существенным фактором для построения правового государства, в котором права и законные интересы граждан являются высшей ценностью¹. Поэтому в настоящее время в процессуальном законодательстве закреплён и институт под названием «адвокатский иммунитет».

Как указывает В. Ю. Стельмах, предоставление иммунитета обусловлено публично-правовой деятельностью лица. Иммунитет является не привилегией, а средством обеспечения эффективного осуществления лицом своих публично значимых функций, гарантией беспрепятственной реализации полномочий, средством ограждения от неправомерного вмешательства в деятельность лица и оказания на него давления².

Иммунитет можно подразделить на персональный и функциональный. Как отмечает В. Ю. Стельмах, персональный иммунитет связан со статусом его носителя и характеризует всю совокупность предоставленных соответствующему субъекту дополнительных гарантий от привлечения к каким-либо видам ответственности (например, в содержание иммунитета депутата Государственной Думы входит неприкосновенность от уголовного преследования).

Функциональный иммунитет характеризует отраслевую сферу правового регулирования, в которой установлены дополнительные гарантии. В частности, можно выделить иммунитет от уголовного преследования, иммунитет от самоизобличения, иммунитет от фактического и процессуального задержания. Так, иммунитет от уголовно-

¹ Трунов И. Л., Трунова Л. К. Привилегии и иммунитеты в отношении адвоката в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. — М.: Юрист, 2005. № 2. С. 19–24

² Стельмах В. Ю. Некоторые процессуальные аспекты лишения иммунитета от уголовного преследования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 72–81.

го преследования предоставлен ряду субъектов, выполняющих различные виды публично-правовой деятельности (сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, бывший Президент Российской Федерации, судьи). Иммунитет от уголовного преследования можно классифицировать по различным основаниям:

1) в зависимости от объема — полный (Президент Российской Федерации и лица, наделенные дипломатическим иммунитетом) либо ограниченный.

Полный иммунитет означает невозможность привлечения лица к уголовной ответственности. Однако полный иммунитет не является абсолютным. Он предполагает невозможность уголовного преследования лица при наличии у него соответствующего правового статуса, однако после утраты или изменения этого статуса уголовное преследование в отношении данного лица может быть осуществлено. В отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, уголовное дело в соответствии с договорами о правовой помощи направляется в государство аккредитации, которое обязано привлечь соответствующих лиц к уголовной ответственности за преступление, совершенное в Российской Федерации (при условии, что в данном государстве деяние также является преступным).

Ограниченный иммунитет предполагает установление в законе дополнительных процедур, в известной мере усложняющих уголовное преследование лица. В большинстве случаев данные процедуры заключаются в получении от определенного органа согласия на возбуждение уголовного дела или на привлечение лица в качестве обвиняемого.

Наделение иммунитетом депутатов Государственной Думы объясняется тем, что они получают парламентский мандат в результате всеобщих выборов, и тем самым становятся представителями всего многонационального народа Российской Федерации. Установление иммунитета обоснованно для субъектов, не относящихся к законодательной ветви власти, но избираемых всенародно.

2) в зависимости от нормативной основы — конституционный и отраслевой.

Конституционный иммунитет означает, что его предоставление тем или иным лицам закреплено непосредственно в Конституции Российской Федерации. Отраслевой иммунитет распространяется на субъектов, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, и предусматривается федеральными законами. Так, например, только суд может решать вопрос о заключении под стражу и содержании под стражей, и только суд может разрешать дела, связанные с применением мер уголовной ответственности, причем на основе принципа равенства всех перед законом и судом.

Применительно к специальным институтам неприкосновенности возможные вводимые федеральным законом ограничения полномочий судебной власти по разрешению дел, связанных с назначением мер уголовной ответственности, могут иметь место лишь в том случае, если такие институты предусмотрены непосредственно Конституцией Российской Федерации, то есть в отношении Президента Российской Федерации, депутатов Федерального Собрания Российской Федерации, а также судей, что обусловлено особым статусом названных должностных лиц и характером выполняемых ими функций в системе государственной власти Российской Федерации.

Отсутствие непосредственно в основном законе положений о неприкосновенности той или иной категории граждан не означает невозможность установления законом для этих субъектов определенных личных гарантий, обусловленных статусом соответствующих лиц. Федеральный законодатель, закрепляя принцип неприкосновенности лиц, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, не может освобождать их от уголовной ответственности, однако вправе предусмотреть особые условия привлечения их к такой ответственности. Конкретный объем неприкосновенности должен быть обусловлен содержанием публично-правовой деятельности лица и определяется федеральным законодателем с соблюдением требований Конституции Российской Федерации. Введение федеральным законом помимо Конституции Российской Федерации такого условия, как согласие несудебного органа (например, парламента субъекта Российской Федерации) на привлечение субъекта к уголовной ответственности, на применение

заклучения под стражу и иных мер процессуального принуждения, означало бы исключение судебных прерогатив и предоставление судебных функций несудебному органу, что недопустимо.

Федеральный законодатель может установить для отдельных категорий лиц, прямо не указанных в Конституции Российской Федерации, лишь такие дополнительные процессуальные гарантии, которые, не исключая уголовную ответственность, предусматривали бы определенное усложнение соответствующих процедур, с тем чтобы обеспечить юридически целесообразную дифференциацию процессуальных механизмов в сфере уголовной ответственности, не нарушая, однако, ее общих принципов, установленных федеральным законодательством на основе Конституции Российской Федерации.

Применительно к случаям привлечения к уголовной ответственности эти дополнительные процедуры могут предполагать участие прокурора вышестоящего уровня в принятии решения и обязательность согласия суда на проведение соответствующих процессуальных действий. Федеральный законодатель вправе предусмотреть право законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации принимать решение о несогласии на привлечение депутата этого органа к уголовной ответственности, избрание в отношении него заключения под стражу, если имеют место факты, подтверждающие, что уголовное преследование предпринято с целью воспрепятствовать осуществлению депутатом своих полномочий и повлиять на его деятельность. Однако решение парламента субъекта Российской Федерации по данному вопросу не может иметь преюдициального значения, исключающего судебную проверку выявленных фактов и обоснованности сделанных выводов. По своей юридической силе такое решение, будучи дополнительной гарантией депутатской неприкосновенности, не является актом, которым окончательно разрешается вопрос о возможности уголовного преследования депутата.

Спор между органом уголовного преследования и несудебным органом по вопросу лишения лица неприкосновенности в конечном счете подлежит разрешению судебной властью как наиболее беспристрастной, нейтральной и предназначенной по своей природе для решения та-

кого рода вопросов, что позволяет в соответствии с целями института неприкосновенности обеспечивать беспрепятственное осуществление лицами своих публично-правовых полномочий, ограждая их от вмешательства и давления со стороны исполнительной власти.

3) по времени действия — срочный и бессрочный.

Срочный иммунитет может быть предоставлен лицу лишь на период выполнения им своих обязанностей. Подавляющее большинство указанных в законе субъектов наделено именно срочным иммунитетом от уголовного преследования.

Бессрочный иммунитет действует после прекращения лицом своих непосредственных обязанностей. Следует отметить, что бессрочный иммунитет предоставляется в порядке особого исключения, в связи с наиболее повышенной сложностью и важностью деятельности, которой занимается лицо. Так, Президент Российской Федерации после окончания исполнения своих полномочий перестает быть главой государства, однако приобретает статус Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий. Объем иммунитета, предоставляемого бывшему Президенту Российской Федерации, несколько меньше в сравнении с тем, которым обладает действующий Президент Российской Федерации. Во-первых, иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, носит не полный, а частичный характер. Бывший Президент Российской Федерации может быть привлечен к уголовной ответственности, находясь в указанном статусе, после прохождения процедуры лишения неприкосновенности. Судья, ушедший в отставку, продолжает сохранять иммунитет от уголовного преследования в том же объеме, что и действующий судья. Также в законе «О статусе судей в Российской Федерации» закреплено правило о сохранении судейского иммунитета от уголовного преследования в отношении лиц, ушедших на пенсию с должности судьи Российской Федерации. Это позволяет говорить о бессрочном характере судейского иммунитета от уголовного преследования. При этом иммунитет от уголовного преследования не может быть распространен на лиц, которые им не обладают, например, на родственников носителя им-

мунитета, если в отношении данных лиц в связи с совершением ими преступления ведется самостоятельное уголовное преследование.

Таким образом, особое назначение иммунитетов в уголовном судопроизводстве состоит в обеспечении гарантий законности и обоснованности привлечения отдельных категорий субъектов к уголовной ответственности, возбуждения против них уголовных дел и применения процессуальных мер принуждения.

§ 5. Уголовное преследование лиц, совершивших преступления, по поручению иностранного государства и институт экстрадиции

Российская Федерация может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора на основании международного договора Российской Федерации с этим государством или письменного обязательства Генерального прокурора Российской Федерации выдавать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации. Аналогично и к российским компетентным органам может поступить запрос о выдаче лица с территории России.

Направление уголовного дела в иностранное государство для уголовного преследования лица производится при наличии следующих условий:

- 1) совершение преступления в Российской Федерации либо за ее пределами, но против нее или ее граждан;
- 2) наличие у лица гражданства иностранного государства;
- 3) нахождение лица за пределами Российской Федерации, в государстве, гражданином которого он является;
- 4) невозможность производства с лицом следственных и иных процессуальных действий правоохранными органами Российской Федерации;

5) отсутствие в законодательстве соответствующего иностранного государства нормы, позволяющей выдавать своих граждан другому государству для уголовного преследования¹.

Кроме того, для направления уголовного дела в иностранное государство следует учитывать, что совершенное деяние является преступлением по законодательству соответствующего государства (правило двойной юрисдикции) (ч. 1 ст. 7 Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам). При этом несоблюдение правила двойной юрисдикции формально не является препятствием для направления дела в иностранное государство, однако делает такое решение полностью бессмысленным и, по сути, лишает Российскую Федерацию возможности завершить уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление против нее или против ее граждан.

Следует иметь в виду, что уголовное дело может быть направлено в иностранное государство только в том случае, если лицу придан процессуальный статус обвиняемого. Направление уголовного дела, если лицо имеет процессуальный статус подозреваемого, являлось в процессуальном смысле свидетелем либо вообще не наделялось процессуальным статусом, не допустимо. В соответствии с актами международного права иностранное государство может привлечь лицо к уголовной ответственности исключительно в пределах обвинения, выдвинутого тем государством, где совершено преступление.

Уголовное дело не может быть направлено в иностранное государство в тот период приостановления предварительного расследования.

Перед направлением уголовного дела в другое государство необходимо продлить срок предварительного расследования (продленный срок должен быть не менее 4 месяцев), независимо от того, какие сроки расследования установлены законодательством страны, в которую передается дело.

¹ Стельмах В. Ю., Гусев А. В. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: учебное пособие. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. С. 57–58.

Решение о направлении уголовного дела в иностранное государство для уголовного преследования принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель.

В случае положительного решения Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель составляет поручение (запрос) об осуществлении уголовного преследования, а также сопроводительное письмо на имя генерального прокурора соответствующего государства.

Содержание поручения (запроса) об осуществлении уголовного преследования определено в п. 1 ст. 73 Минской конвенции и п. 1.4.3 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам»¹.

К поручению (запросу) об осуществлении уголовного преследования прилагается выписка из УК РФ (дословное воспроизведение всех статей УК РФ, по которым лицу предъявлено обвинение, причем не только инкриминируемых обвиняемому пункта и части, а всей статьи), а также текст других законодательных норм, имеющих существенное значение для производства по делу (например, значимые для квалификации нормы Общей части УК РФ о стадиях совершения преступления, видах соучастников, сроках давности привлечения к уголовной ответственности, по составам преступлений с бланкетной диспозицией — выписки из соответствующих законодательных актов).

Также к поручению (запросу) об осуществлении уголовного преследования прилагаются вещественные доказательства. При этом наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства в случае невозможности или затруднительности передачи продолжают храниться в Российской Федера-

¹ Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16.01.2020. № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» // Законность. 2020. № 2.

ции, а в поручении (запросе) об осуществлении уголовного преследования указывается место их хранения и порядок передачи компетентным органам иностранного государства¹.

Признанные вещественными доказательствами предметы, оборот которых запрещен (наркотическое средство, оружие, боеприпасы и т. п.), направляются в иностранное государство посредством фельдъегерской связи.

Государство, в которое Российская Федерация направила поручение об осуществлении уголовного преследования, обязано уведомить Генеральную прокуратуру Российской Федерации об окончательном решении по уголовному делу (ст. 74 Минской конвенции).

Спорным является вопрос о порядке действий в случаях, когда политическая ситуация в иностранном государстве с высокой долей вероятности дает основания для предположений о том, что уголовное преследование по делу, поступившему из Российской Федерации, по политическим мотивам не будет осуществляться.

Международно-правовые акты не дают однозначного ответа на вопрос, вправе ли Российская Федерация направить уголовное дело в иностранное государство и одновременно продолжить уголовное преследование по тому же самому факту. С одной стороны, направление уголовного дела в иностранное государство не даст ожидаемого результата, поскольку из-за политической конъюнктуры уголовное преследование не будет осуществляться объективно и всесторонне. С другой стороны, направление дела в иностранное государство и параллельное продолжение уголовного преследования в Российской Федерации противоречит общепризнанному правовому принципу невозможности назначения уголовного наказания дважды за одно и то же преступление, который закреплен как в международном (ч. 7

¹ Протокол о порядке передачи наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, являющихся вещественными доказательствами по уголовным делам (подписан в г. Сочи 11 октября 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.06.2020).

ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹), так и в национальном законодательстве (ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 6 УК РФ). Это может впоследствии вызвать сомнения в законности решения, принятого по уголовному делу, оставшемуся в производстве правоприменительных органов Российской Федерации. Следует учитывать и то, что направление уголовного дела в иностранное государство для осуществления уголовного преследования является не обязанностью, а правом компетентных органов Российской Федерации.

Кроме того, в ст. 75 Минской конвенции указано, что если государство направляет поручение об осуществлении уголовного преследования после вступления в силу приговора или принятия иного окончательного решения, уголовное дело не может быть возбуждено государством — инициатором уголовного преследования, а возбужденное им дело подлежит прекращению.

Исходя из изложенного, очевидно, что в рассматриваемом случае направление уголовного дела в иностранное государство заведомо нецелесообразно, следует оставить дело в производстве органа предварительного расследования Российской Федерации до наступления условий, когда уголовное преследование может быть реально осуществлено.

Граждане Российской Федерации не могут быть выданы иностранным государствам для уголовного преследования, даже если они совершили преступление на территории иностранного государства (ч. 1 ст. 61 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 13 УК РФ). Конституционный характер данной нормы исключает возможность ее преодоления в отраслевом законодательстве, в том числе и в уголовно-процессуальном.

¹ Протокол № 7 от 22 ноября 1984 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в Риме 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2021).

При этом Российская Федерация также берет на себя обязательства привлекать к уголовной ответственности своих граждан, совершивших преступления на территории других государств (п. 1 ст. 72 Минской конвенции).

В случае совершения на территории иностранного государства преступления лицом, имеющим российское гражданство, возвратившимся в Российскую Федерацию до возбуждения в отношении его уголовного преследования по месту совершения преступления, уголовное дело при наличии оснований, предусмотренных ст. 12 УК РФ, может быть возбуждено и расследовано по материалам, представленным соответствующим компетентным органом иностранного государства в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, в соответствии с УПК РФ (ч. 2 ст. 459 УПК РФ).

Кроме того, в Российскую Федерацию может быть направлено из иностранного государства и возбужденное уголовное дело, по которому гражданин Российской Федерации привлечен к уголовной ответственности.

Условия осуществления уголовного преследования лица в Российской Федерации по запросу иностранного государства:

1. Совершенное лицом деяние имеет признаки состава преступления, уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена УК РФ (правило двойной юрисдикции).

2. Уголовное преследование не носит политического характера, не связано с расой, религией, национальностью или политическими убеждениями лица. Данное обстоятельство устанавливается каждый раз путем анализа конкретных обстоятельств совершения деяния, выдвижения обвинения в контексте общей политической ситуации в соответствующем государстве.

3. По законодательству Российской Федерации не истек срок давности за преступление, в связи с совершением которого осуществляется уголовное преследование.

4. Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, находится на территории Российской Федерации.

5. Осуществление уголовного преследования не противоречит международным обязательствам Российской Федерации.

6. Осуществление уголовного преследования не противоречит основополагающим принципам правовой системы Российской Федерации.

Запрос об осуществлении уголовного преследования и материалы поступившего вместе с ним уголовного дела подлежат переводу на русский язык (п. 4 Федерального закона «О ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 года»¹).

Запрос, поступивший из иностранного государства, рассматривается Генеральной прокуратурой Российской Федерации (ч. 1 ст. 459 УПК РФ).

При выявлении отсутствия условий осуществления уголовного преследования Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель письменно сообщает об этом компетентным органам иностранного государства, направившим поручение.

Установив наличие условий, позволяющих осуществить уголовное преследование по запросу иностранного государства, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель направляет материалы прокурору субъекта Российской Федерации по месту совершения преступления либо в Главную военную прокуратуру (если запрос касается военнослужащих) (п. 1.2.4, 1.2.6 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35).

По смыслу закона, в случае установления в действиях лица признаков преступления, предусмотренного УК РФ, соответствующий сотрудник обязан в установленном порядке составить и зарегистрировать рапорт об обнаружении признаков преступления в соответствии со ст. 145 УПК РФ. Затем должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по соответствующей норме УК РФ (даже при наличии соответствующего постановления, вынесенного правоохранительными органами иностранного государства), поскольку лицо

¹ Федеральный закон от 30.10.2007 № 237-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 года» // СЗ РФ. 2007. № 45. Ст. 5414.

будет привлекаться к уголовной ответственности по нормам уголовного закона Российской Федерации, а не государства, откуда поступило уголовное дело.

О факте возбуждения уголовного дела прокурор субъекта Российской Федерации информирует Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а та, в свою очередь, – орган иностранного государства, направивший запрос. Копия решения о возбуждении уголовного дела должна быть заверена гербовой печатью прокуратуры субъекта Российской Федерации (п. 1.2.2.9 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35). В случае отказа в возбуждении уголовного дела материал подлежит направлению в Генеральную прокуратуру Российской Федерации (п. 1.2.3.2 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35).

Предварительное расследование и направление дела в суд производятся в порядке, установленном УПК РФ, без каких-либо особенностей (ч. 1 ст. 459 УПК РФ). При этом в случае приостановления предварительного расследования либо прекращения уголовного преследования уголовное дело должно быть направлено для проверки обоснованности принятого решения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации (п. 1.2.3.2 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35).

По результатам предварительного расследования прокурор субъекта Российской Федерации в течение 30 суток с момента принятия итогового решения информирует Генеральную прокуратуру Российской Федерации (п. 1.2.5.2 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35).

Судебное разбирательство по делу также производится без каких-либо особенностей, в полном соответствии с УПК РФ (ч. 1 ст. 459 УПК РФ).

При этом если лицо обвиняется в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны судам нескольких государств, дело должно быть рассмотрено судом того государства, на территории которого закончено предварительное расследование. В подобных

случаях дело рассматривается по законодательству данного государства (ст. 77 Минской конвенции).

Направление запроса в иностранное государство для экстрадиции лица в Российскую Федерацию. Выдача из иностранного государства лица для осуществления в отношении него уголовного преследования называется экстрадиция.

В актах международного права, в частности в п. 2 ст. 56 Минской конвенции, установлены общие условия экстрадиции:

1. Деяние, в совершении которого обвиняется лицо, является преступлением на территории обоих государств (инициатора и исполнителя запроса) (правило двойной юрисдикции). При этом могут отличаться употребленные в уголовных законах формулировки объективной стороны состава преступления, быть разными квалифицирующие признаки и т. п.

2. Минимальный срок наказания, установленный за совершение данного преступления — 1 год лишения свободы (в обоих государствах). Если санкция статьи уголовного закона, по которой привлекается лицо, хотя бы в одном государстве не предусматривает наказания в виде лишения свободы, либо предусматривает данное наказание на срок менее 1 года, выдача не производится.

3. Преступление не является политическим, а привлечение к уголовной ответственности не носит характера преследования лица за взгляды и убеждения (данное правило не закреплено документально, однако устойчиво существует в виде обычая международно-правовой практики).

В абз. 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»¹ разъясняется, что экстрадиция может быть произведе-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания». [Электронный ресурс]. Официальный

дена только из государств, с которыми у Российской Федерации заключены договоры о правовой помощи. Данные договоры могут быть двусторонними и многосторонними. При этом возможна ситуация, когда в базовом двустороннем договоре о правовой помощи отсутствуют положения об экстрадиции. Если при этом государства не являются участниками иного, многостороннего договора, предусматривающего экстрадицию, она фактически не может применяться. Исходя из этого, при принятии решения об экстрадиции следует убедиться, что государство является участником соответствующего договора.

В абз. 4 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» подчеркивается, что применение многостороннего международного договора Российской Федерации должно осуществляться с учетом оговорок Российской Федерации, текст которых может содержаться в законе о ратификации международного договора.

Как правило, обращению с запросом об экстрадиции предшествует объявление лица в международный или межгосударственный розыск, что предполагает необходимость получения судебного решения об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Такое решение может быть получено заочно, без участия в судебном заседании обвиняемого.

Если международный (межгосударственный) розыск был объявлен, и обвиняемый в связи с этим был задержан на территории иностранного государства, об этом сообщается инициатору розыска, то есть в соответствующий орган предварительного расследования. Прокурор, осуществляющий надзор за органом предварительного расследования, в течение 48 часов после задержания или установления места нахождения разыскиваемого лица, обязан сообщить прокурору субъекта Российской Федерации и в Генеральную прокуратуру Российской Федерации о наличии оснований для направления экс-

сайт Верховного Суда Российской Федерации. <https://vsrf.ru/documents/own/8298/> (дата обращения: 26.03.2021).

традиционного запроса, а в течение 5 суток – подготовить заключение о законности и обоснованности уголовного преследования, а также подтверждение намерения запрашивать выдачу лица и обоснование такого намерения (п. 1.2.10, 1.2.11 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора»¹). По смыслу закона, необходимо убедиться в доказанности обвинения и возможности привлечения лица к уголовной ответственности после его выдачи в Российскую Федерацию.

Для выдачи лица направляется запрос о выдаче (экстрадиционный запрос). Его проект обычно составляется следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Вместе с тем сам запрос составляется от имени Генерального прокурора Российской Федерации, как правило, сотрудниками прокуратуры.

Содержание запроса о выдаче в общем виде приведено в ст. 58 Минской конвенции (ч. 4 ст. 460 УПК РФ).

Решение о направлении экстрадиционного запроса в иностранное государство принимает Генеральный прокурор Российской Федерации (ч. 3 ст. 460 УПК РФ).

Помимо экстрадиционного запроса Генеральный прокурор Российской Федерации подписывает сопроводительное письмо на имя генерального прокурора соответствующего иностранного государства.

Фактическая выдача лица в Российскую Федерацию осуществляется по договоренности между правоприменительными органами соответствующих государств. В случае избрания в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу (а это является необходимым условием для объявления международного и межгосударственного розыска) лицо помещается на территории Российской Федерации в следственный изолятор (СИЗО). О поступлении лица в СИЗО терри-

¹ Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 05.03.2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» // Законность. 2018. № 4.

ториальный прокурор в течение 72 часов уведомляет прокурора субъекта Российской Федерации (п. 1.2.12 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35).

Предварительное расследование и судебное разбирательство в отношении лица, выданного в Российскую Федерацию, осуществляется по общим правилам.

Пределы уголовной ответственности лица, выданного Российской Федерации иностранным государством, зафиксированы в ч. 1 ст. 461 УПК РФ. В отношении таких лиц без согласия выдавшего государства не допускается:

1) задержание, привлечение в качестве обвиняемого или осуждение за преступление, не указанное в экстрадиционном запросе.

В соответствии с разъяснениями, данными в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания», если в ходе расследования были установлены или изменены квалифицирующие признаки преступления, то дополнительное согласие запрашиваемого государства необходимо получить в следующих случаях:

— выявление признаков совершения лицом до его выдачи более тяжкого преступления, чем это было указано в запросе об экстрадиции (например, в экстрадиционном запросе указывалось, что действия лица квалифицируются по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а в ходе расследования установлено, что имеет место убийство, сопряженное с разбоем или вымогательством, то есть преступление, предусмотренное п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ),

— ухудшение положения выданного лица вследствие изменения квалификации его действий.

Если согласие иностранного государства на изменение обвинения на более тяжкое не получено, правоприменительные органы Российской Федерации, исходя из обстоятельств дела, должны предъявить обвинение и направить дело в суд по той квалификации, кото-

рая была указана в экстрадиционном запросе, даже если ее неправильность установлена в ходе расследования.

Если же, несмотря на отсутствие согласия государства, осуществившего выдачу, суд Российской Федерации осудил лицо за преступление, не указанное в экстрадиционном запросе (например, за эпизод преступной деятельности, не отмеченный в запросе об экстрадиции, а выявленный органами предварительного расследования Российской Федерации, либо если фактические обстоятельства, описанные в экстрадиционном запросе, были квалифицированы по норме УК РФ о более тяжком преступлении по сравнению с экстрадиционным запросом), приговор суда подлежит отмене или изменению¹,

2) «последовательная (цепная) экстрадиция», то есть выдача лица третьему государству. Если лицо выдано в Российскую Федерацию иностранным государством, и после этого другое иностранное государство обратилось к Российской Федерации выдать это лицо для осуществления уголовного преследования, такая выдача не может быть произведена. В подобной ситуации третье государство должно решать вопрос с экстрадицией с тем государством, которое первоначально осуществило выдачу лицу. Соответственно, этот вопрос будет решаться с учетом уголовного преследования данного лица в Российской Федерации.

Данные правила не распространяются на случаи, указанные в ч. 2 и 3 ст. 461 УПК РФ:

1) преступление совершено лицом на территории Российской Федерации после его выдачи;

2) выданное лицо в течение 44 суток со дня окончания уголовного судопроизводства, отбытия наказания или освобождения от него по любому законному основанию не покинуло территорию Российской Федерации. В этот срок не засчитывается время, когда выданное лицо не могло не по своей вине покинуть территорию Российской Федерации;

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2005 № 679-П05ПР // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 31–32.

3) выданное лицо покинуло территорию Российской Федерации, но затем добровольно возвратилось.

О результатах рассмотрения уголовного дела в отношении лица, которое было выдано Российской Федерации, территориальный прокурор в течение 3 суток сообщает прокурору субъекта Российской Федерации (п. 1.2.16 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35).

О результатах рассмотрения дела в отношении экстрадированного лица Российская Федерация должна сообщить государству, с территории которого лицо было выдано. По просьбе правоприменительных органов данного государства им направляется копия окончательного решения по делу (ст. 69 Минской конвенции).

Российская Федерация может требовать временной выдачи лица с территории иностранного государства, если этим государством лицо привлекается к уголовной ответственности, однако завершение уголовного преследования может повлечь истечение сроков давности, установленных УК РФ.

Временная выдача производится по тем же правилам, что и «обычная» экстрадиция.

Прокурор районного уровня, осуществляющий надзор за деятельностью органов предварительного расследования, в производстве которых находится уголовное дело в отношении экстрадированного лица, обязан принимать меры к обеспечению производства следственных и иных процессуальных действий с участием данного лица в сроки, позволяющие своевременно вернуть его в это иностранное государство (п. 1.2.15 Указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование возникновения, становления и развития понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве, современного состояние института уголовного преследования, а также правового регулирования уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения позволяет сделать следующие выводы:

Возникновение в российском уголовном судопроизводстве понятия «уголовное преследование» связано с Судебной реформой 1864 г., в ходе которой отечественным законодателем был заимствован ряд правовых категорий и институтов французского уголовного судопроизводства, в частности, использовавшиеся во французском Кодексе уголовного расследования 1808 г. категории «l'action publique» («уголовное преследование») и «poursuite» («преследование»), на основе которых российским законодателем были разработаны и включены в УУС 1864 г. такие понятия, как «судебное преследование», «уголовное преследование», «преследование». В системе указанных понятий «уголовное преследование» обозначало процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, что свидетельствует об его использовании современным законодателем как прототипа современного понятия, предусмотренного п. 55 ст. 5 УПК РФ.

В первых советских уголовно-процессуальных законах — в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. — понятие «уголовное преследование» было сохранено, однако оно имело двойное значение:

- 1) производство по уголовному делу;
- 2) процессуальная деятельность прокуратуры. В УПК РСФСР 1960 г. законодатель отказался от использования понятия «уголовное преследование». Период разработки УПК РФ характеризуется возрождением интереса к исследуемой категории. В научной литературе

предложено рассматривать уголовное преследование в качестве нового межотраслевого института права.

Нормативное закрепление института уголовного преследования в действующем УПК РФ есть результат законодательной компиляции положений основных проектов УПК (Проекта УПК ГПУ и Проекта УПК Минюста), один из которых рассматривал уголовное преследование как процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, а другой — как производство по уголовному делу.

Именно такое непоследовательное регламентирование отдельных частей будущего УПК РФ, как представляется, стало причиной для существующих в настоящее время дискуссий о правовой природе и понятии уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

Правовая природа уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве заключается в реализации функции обвинения посредством уголовно-процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, по своим целям и предмету доказывания отличной от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств.

Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. К ним, в частности, относятся: институт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, институт следственных действий, институт подозрения, институт обвинения, институт обжалования судебных решений и др.

Законодательное определение уголовного преследования является логически корректным, по своему содержанию вполне подходящим для обозначения процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения в уголовном судопроизводстве. Несмотря на простоту своей конструкции, оно содержит наиболее существенные признаки, которые позволяют рассматривать «уголовное преследование» как самостоятельный юридический термин, способный быть названием нового института уголовно-процессуального права.

Термин «изобличение» в законодательном определении уголовного преследования по своему правовому значению идентичен понятию «установление виновности», употребление которого для обозначения цели уголовного преследования противоречило бы принципу презумпции невиновности. Понятие «виновность» не совпадает с понятием «вина» в уголовном праве, и является уголовно-процессуальной категорией, в основе которой лежит установление субъективных признаков состава преступления (субъекта и субъективной стороны). Доказать виновность лица в совершении преступления означает установить в предусмотренном законом порядке, что преступление совершено виновно (умышленно или по неосторожности) вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности.

Институт уголовного преследования необходимо рассматривать как сложный, комплексный, общий институт уголовно-процессуального права, регулирующий производство следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем и частным обвинителем по установлению причастности подозреваемого к совершенному преступлению, виновности обвиняемого в его совершении, обеспечению данной деятельности мерами процессуального принуждения, поддержанию обвинения в суде, обжалованию вынесенного приговора в апелляционном (кассационном) и надзорном порядках.

Осуществление уголовного преследования на этапах подозрения и обвинения направлено на изобличение лица в совершении преступления, что выражается: 1) на этапе подозрения — в доказывании причастности лица к совершению преступления; 2) на этапе обвинения — в доказывании виновности лица в совершении данного преступления.

Подозрение является необязательным этапом уголовного преследования, имеющим характер «предобвинения», то есть этапом подготовки обвинения. Этап подозрения в уголовном преследовании должен осуществляться до тех пор, пока не будет: 1) установлена непричастность лица к совершенному преступлению, на основании чего уголовное преследование данного лица должно быть прекращено по п. 1 ч. 1

ст. 27 УПК РФ путем вынесения соответствующего постановления, либо 2) собрано достаточно доказательств, дающих основания для привлечения лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Обвинение как процессуальная деятельность является основным этапом уголовного преследования. Обвинение в досудебном судебном производствах осуществляется в 2-х формах: 1) в досудебном производстве — выдвижение обвинения; 2) в судебном производстве — поддержание обвинения. Значение уголовного преследования как самостоятельной процессуальной деятельности при выдвижении обвинения (*in personam*) заключается в том, что лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого в совершении только тех преступлений, событие которых отражено в постановлении о возбуждении производства по уголовному делу (*in rem*).

Осуществление публичного уголовного преследования является обязанностью прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания или дознавателя. Возбуждение публичного уголовного преследования может происходить в рамках уже осуществляемого производства по уголовному делу либо одновременно с возбуждением производства по уголовному делу. В последнем случае возбуждение публичного уголовного преследования осуществляется путем вынесения руководителем следственного органа следователем, дознавателем либо органом дознания постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов А. Н., Седельников П. В. Окончание предварительного расследования. Омск: Омская академия МВД России, 2016. — 140 с.
2. Барабаш А. С. Обязанность или бремя доказывания, их производность от презумпции невиновности обвиняемого // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 12 (С. 9–15).
3. Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании: учебное пособие. — М., Юрлитинформ, 2013. — 232 с.
4. Белицкий В. Ю. К вопросу о назначении и содержании обвинительного заключения// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 100–107.
5. Вилкова Т. Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 173 с.
6. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2019. — 424 с.
7. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития: дис. ... канд. д-ра наук: 12.00.09. — М., 2003. — 463 с.
8. Гумеров Т. А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: монография. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 216 с.

9. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография — 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М.: «Норма», «ИНФРА-М», 2022. — 448 с.

10. Зайцева Л. Л. Восстановительное правосудие — альтернатива уголовному преследованию // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сборник научных трудов / под ред. В. М. Хомич [и др.]. — Минск: Тесей. 2006. С. 298–306.

11. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. — М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 231 с.

12. Кирьянов А. Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации: монография. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. — 151 с.

13. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. — 259 с.

14. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. — М.: Норма, 2010. — 480 с.

15. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: монография / науч. ред.: Смолькова И. В. — М.: Юрлитинформ, 2009. — 216 с.

16. Малахова Л. И. Методологические основы и предмет уголовно-процессуальной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2011. — 160 с.

17. Манова Н. С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм: монография / Н. С. Манова; под ред. В. М. Корнукова. — Саратов, 2003. — 228 с.

18. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации: монография / под ред. Н. С. Мановой. — М., 2019. — 360 с.

19. Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. А. Резяпов. — Челябинск, 2014. — 259 с.

20. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. д-ра юрид. наук. Н. А. Колоколова. Ч. 1. — М.: Юрлитинформ, 2013 — 368 с.
21. Смолькова И. В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. — 456 с.
22. Смирнов А. В. Модели уголовного процесс: монография. — СПб, «Наука», 2000. — 224 с.
23. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. — 144 с.
24. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: монография. — СПб: Издательский Дом Санкт-Петербургского университета, 2006. — 264 с.
25. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1971. Т. 1. — 470 с. С. 298–299.
26. Уголовный процесс: Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. — М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 241–271.
27. Францифоров Ю. В., Ванин Д. В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: монография. — М., Юрлитинформ, 2013. — 200 с.
28. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография. — М.: Норма, Инфра-М, 2013. — 192 с.
29. Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов / под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панях. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, М.: Статут, 2014. — 72 с.
30. Чебуренков А. А. Основы теории расследования: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. — 176 с.

31. Чурикова А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. С. Мановой — М.: Изд-во Триумф, 2022. — 285 с.

32. Юлдошев Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации: монография / под ред. Егорова С. Е. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 184 с.

Для заметок

Научное издание

Лантух Наталия Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ**

Монография

Компьютерная верстка *Душкова А. Ю.*
Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-780-2

EDN:DWNNMR

Подписано в печать 27.11.2023. Формат 60x84¹/₁₆
Печать цифровая. Объем 10,0 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 48/23

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1